

№ 3 (56)
2021

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, профессор;

А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;

А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;

С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;

В. А. Болдырев,
д-р юрид. наук, доцент;

С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;

В. В. Денисенко,
д-р юрид. наук, профессор;

А. Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;

Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;

В. П. Камышанский,
д-р юрид. наук, профессор;

С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;

Ю. И. Кулешов,
д-р юрид. наук, профессор;

В. Н. Лисица,
д-р юрид. наук, доцент;

Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Стельмах В.Ю. Прием и регистрация сообщений о преступлениях – начальный этап обеспечения права на доступ к правосудию / **5**

Осипова Т.В., Крючкова В.Ф. Обвинительное заключение – особый процессуальный документ уголовного судопроизводства / **11**
Черкасов В.С. «Электронно-технические» следственные действия: современные проблемы и перспективы развития / **16**

Полякова А.В. Реализация принципа состязательности сторон на стадии досудебного производства в цифровом формате (анализ опыта процессуальной деятельности в условиях санитарно-эпидемиологических ограничений COVID-19 / **22**

Уголовное право и криминология.

Уголовно-исполнительное право

Кобец П.Н., Никитенко И.В. Противодействие нелегальной иммиграции в современной Японии / **29**

Сердюк П.А. Вопросы совершенствования борьбы с коррупцией в России: уголовно-правовой и криминологический аспекты / **37**

Сливко Н.К. Возмещение преступного вреда государством и средства его обеспечения / **42**

Сон Э.В. Физическое и психическое насилие: проблемы уголовно-правовой оценки / **50**

Ярошенко С.А., Лисовский Д.Г. Особенности личности преступника, совершающего преступления в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства / **57**

Кравченко К.М. Особенности противодействия нацизму и экстремизму по законодательству стран ближнего зарубежья / **62**

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

Мерецкий Н.Е. Проблемы и особенности реализации комплексных знаний: к вопросу о едином федеральном экспертном центре / **67**

Шурухнов Н.Г., Калюжный А.Н. Изучение места происшествия о посягательстве на свободу личности, зафиксированного с использованием беспилотного летательного аппарата / **73**

Гармаев Ю.П. Теоретические основы преодоления противодействия расследованию со стороны адвокатов / **79**

Лалин В.О., Колпаков П.А. Незаконная деятельность «финансовых пирамид», функционирующих на базе кредитных потребительских кооперативов: исторические предпосылки и современность / **85**

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шамаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор

Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**

А. В. Ковалев, О. Ф. Вальченко

Корректор

Н. Б. Хохлова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-77679 от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30.09.2021.
Дата выхода в свет 30.09.2021.
Бум. офис. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 17,2.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–80 экз.)
Заказ № 47.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06
© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2021

Чиненов Е.В. Обстановка совершения преступлений как основной элемент криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры / **95**

Пудовиков А.С., Ненашев Е.В. Мобильные устройства связи как источник информации при расследовании хищений денежных средств с банковских счетов / **102**

Озеров И.Н., Озеров К.И. Мошенничества, совершаемые при помощи ботов в онлайн-мессенджере Telegram / **109**

Бардаченко А.Н., Резван А.П., Чулков И.А. Влияние пыжей-контейнеров на рассеивание дроби № 3 при стрельбе из охотничьих гладкоствольных ружей 12-го калибра / **115**

Самуйленко Ф.П. Становление и современное состояние научных знаний об условиях выстрела в судебной баллистике / **121**

Китаев Е.В., Тумашова Е.И., Смольяков П.П. Исследование следов кожного покрова человека с особенностями в виде родинок и бородавок / **126**

Семенчук В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе принятия решений, связанных с заключением и исполнением досудебного соглашения о сотрудничестве / **133**

Гражданское право. Предпринимательское право.

Семейное право. Международное частное право

Комлев Н.Ю., Шавалеев Б.Э. Защита имущественных прав кредиторов и несовершеннолетних детей залогодателей при обращении взыскания по договору ипотеки / **142**

Информация для авторов / 147

№ 3 (56)
2021

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
A. V. Ryabtsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;
S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
Yu. I. Kuleshov,
Doctor of Law, Professor;
V. N. Lisitsa,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure

Stelmakh V.Yu. Receiving and registering reports of crimes is the initial stage of ensuring the right of access to justice / **5**

Osipova T.V., Kryuchkova V.F. Independent conclusion – a special procedural document of criminal proceedings / **11**

Cherkasov V.S. «Electronic-technical» investigative actions: modern problems and prospects of development / **16**

Polyakova A.V. Implementation of the principle of adversarial parties at the stage of pre-trial proceedings in digital format (analysis of the experience of procedural activities in the conditions of sanitary and epidemiological restrictions of COVID-19) / **22**

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Kobets P.N., Nikitenko I.V. Countering illegal immigration in modern Japan / **29**

Serdyuk P.L. Issues of improving the fight against corruption in Russia: criminal-legal and criminological aspects / **37**

Slivko N.K. Compensation of criminal harm by the state and means of its provision / **42**

Son E.V. Physical and mental abuse: problems of theory and practices / **50**

Yaroshenko S.A., Lisovsky D.G. Peculiarities of the personality of a criminal committing a crime in the sphere of exploiting budget funds when allowing subsidies for agricultural development / **57**

Kravchenko K.M. Features of counteraction to nazism and extremism under the legislation of the middle abroad countries / **62**

Criminalistics. Forensic expertise activity.

Operative search activity

Meretskiy N.E. Problems and features of the implementation of complex knowledge: on the issue of the unified federal expert center / **67**

Shurukhnov N.G., Kalyuzhny A.N. Investigation of the scene of the encroachment freedom of the person recorded using unmanned aerial vehicle / **73**

Garmaev Yu.P. Theoretical foundations of overcoming counteraction to investigation by lawyers / **79**

Lapin V.O., Kolpakov P.A. Illegal activity of «financial pyramids» operating on the basis of credit consumer cooperatives: historical background and modernity / **85**

Chinenov E.V. The situation of the commission of crimes as the main element of the criminalistic characteristics of economic crimes committed on railway transport and its infrastructure facilities / **95**

I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;

N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;

V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev, O. F. Valchenko

Proofreader
N. B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties: 12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law, 12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal-executive law, 12.00.09 – Criminal procedure, 12.00.12 – Criminalistics; forensic expertise activity; operative search activity.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 30.09.2021.
Issue: 30.09.2021.
Format 60×84¹/₈. Size 17,2 printer sheets. Circulation 300 copies. (1–80 copies).
Order № 47. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

Pudovikov A.S., Nenashev E.V. Mobile communication devices as source of information at investigation thefts of funds from bank accounts / **102**
Ozerov I.N., Ozerov K.I. Fraud committed with the help of bots in the online messenger Telegram / **109**

Bardachenko A.N., Rezvan A.P., Chulkov I.A. Influence of container wads on scattering of shot # 3 when firing from 12 caliber hunting smoothguns / **115**

Samuilenko F.P. The development and current state of scientific knowledge about conditions of a shot in forensic ballistics / **121**

Kitaev E.V., Tumashova Ye.I., Smolyakov P.P. Examination of traces of human skin with features in the form of moles and warts / **126**

Semenchuk V.V. Using the results of operative-investigative activity in the decision-making process related to the conclusion and execution of a pre-trial cooperation agreement / **133**

Civil law. Business law. Family law. Private international law

Komlev N.Yu., Shavaleev B.E. Protection of property rights of creditors and minor children of pledgers in case of foreclosure under a mortgage agreement / **142**

Information for authors / 147

УДК 343.1

ПРИЕМ И РЕГИСТРАЦИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ - НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ

Владимир Юрьевич Стельмах, профессор кафедры Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vlstelmah@mail.ru

В статье формулируются понятия «прием» и «регистрация» сообщений о преступлениях, приводятся отличия между этими действиями. Обращается внимание на пробелы и коллизии в текстах нормативных актов, что осложняет правоприменение и может повлечь нарушение конституционного права на доступ к правосудию. В частности, до настоящего времени не раскрыто содержание термина «уполномоченный сотрудник». Предлагаются критерии наделения сотрудников полиции указанными полномочиями, вносятся предложения об изменении ведомственных нормативных актов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, сообщение о преступлении, прием сообщений, регистрация сообщений.

RECEIVING AND REGISTERING REPORTS OF CRIMES IS THE INITIAL STAGE OF ENSURING THE RIGHT OF ACCESS TO JUSTICE

Vladimir Yuryevich Stelmakh, professor of the Department of the Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article formulates the concepts of «reception» and «registration» of reports of crimes, distinguishes between these actions. Attention is drawn to gaps and conflicts in the texts of normative acts that complicate law enforcement and may lead to a violation of the constitutional right to access to justice.

Keywords: criminal proceedings, reporting of crime, receiving of messages, registration of messages.

Прием и регистрация сообщений о преступлениях имеют большое юридическое значение, выступая исходным этапом обеспечения фундаментального права граждан на доступ к правосудию. При этом регламентация приема и регистрации сообщений характеризуется определенными пробелами, в частности, не уточнен круг должностных лиц, правомочных осуществлять указанные действия. Данная проблематика носит не технический, а правовой характер, поскольку неправомерный отказ в приеме сообщений о преступлении лишает

пострадавшего на защиту от преступления, а отсутствие регистрации соответствующего сообщения искусственно придает преступлению латентный характер и препятствует осуществлению уголовно-процессуальной деятельности. В научной литературе ряд аспектов отмеченной проблемы не исследован в полном объеме, поэтому требуется дополнительное и углубленное изучение этих вопросов.

В Российской Федерации на конституционном уровне гарантируется право каждого потерпевшего от преступления на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ). Развивая конституционное положение, уголовно-процессуальный закон относит производство по подавляющему большинству составов преступлений к публичному обвинению, что означает возбуждение уголовного дела по факту совершения преступного деяния, независимо от мнения потерпевшего, обязанность органов предварительного расследования и прокуратуры полно, всесторонне и объективно установить все обстоятельства совершенного преступления, законными способами опровергнуть презумпцию невиновности, предъявить лицу обвинение и направить дело в суд для рассмотрения по существу (ч. 1 ст. 20, ст. 21, ч. 1 и 2 ст. 140, ст. 145, 146, 220, 221, 222 УПК РФ).

Процедура возбуждения уголовного дела детально регламентирована уголовно-процессуальным законом. В частности, УПК РФ предусматривает четыре повода для возбуждения дела и устанавливает обязательность проверки любого сообщения о преступлении, по результатам которой принимается решение либо о возбуждении, либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Весомой гарантией того, что любое и каждое сообщение, содержащее сведения о преступлении, будет рассмотрено правоприменительными органами, выступает порядок учета и разрешения данных сообщений. Этот порядок традиционно регламентируется не непосредственно в законе, а в ведомственных подзаконных актах [1; 2]. Ведомственный уровень нормативного регулирования обусловлен отнюдь не незначительностью рассматриваемого вопроса, а его тесной связью с организационной структурой правоприменительных органов, большим количеством сугубо технических аспектов, закрепление которых в подзаконных актах обеспечивает необходимую мобильность и динамику корректировки тех или иных правил в зависимости от изменения структуры соответствующих органов.

В части 1 ст. 144 УПК РФ закреплена обязанность органа предварительного расследования принять и проверить сообщение о любом преступлении. Таким образом, прием сообщения – действие, предусмотренное непосредственно законом.

Регистрация сообщений в ст. 144 УПК РФ не упомянута, однако это понятие встречается в ст. 37 УПК РФ при определении предмета прокурорского надзора [8, с. 349]. Детально регистрация преступлений раскрывается лишь в ведомственных нормативных актах. При этом следует учитывать, что по значимости и своим правовым последствиям регистрация сообщений о преступлениях не уступает приему. Именно регистрация позволяет обеспечить официальное реагирование на каждое преступление. Иными словами, регистрация – то действие, которое юридически закрепляет и подтверждает прием сообщений о преступных событиях. Не случайно в науке предлагается не только выделить регистрацию преступлений в качестве самостоятельного направления правоприменительной деятельности, но даже поручить ее органам, не связанным с осуществлением уголовного преследования [3, с. 163].

Прием и регистрация сообщений о преступлениях – не техническая, а юридически значимая процедура, соблюдение которой гарантирует в конечном итоге фактическую реализацию конституционного права на доступ к правосудию [7, с. 88]. В органах внутренних дел, в которые поступает абсолютное большинство сообщений о преступлениях, порядок их приема и регистрации выстроен таким образом, чтобы ни одно сообщение, содержащее информацию о преступном деянии, не осталось без проверки и принятия процессуального решения. Вместе с тем действующий порядок характеризуется некоторыми пробелами и неточностями, затрудняющими правоприменение.

Понятие «прием сообщения» раскрыто в п. 3 Инструкции, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (далее – Инструкция). Прием сообщений о преступлении определяется как «получение заявлений и сообщений сотрудником органов внутренних дел, на которого организационно-распорядительными документами руководителя (начальника) территориального органа МВД России либо лица, исполняющего его обязанности, возложены соответствующие полномочия». Казалось бы, содержание данного термина является очевидным и не требует дополнительного разъяснения. Однако различное содержание «приема» и «регистрации» сообщений требует четкого разграничения сущности указанных терминов.

Прием – это не просто получение, а официальное принятие сообщения о преступлении от заявителя и его передача для регистрации в порядке централизованного учета. Следует сразу оговориться, что «заявитель» в рассматриваемой ситуации – это обобщенное понятие, включающее в себя автора любого повода для возбуждения уголовного дела. В качестве заявителя применительно к анализируемому вопросу рассматривается не только потерпевший от преступного деяния и лицо, действующее непосредственно в интересах потерпевшего, но и автор явки с повинной, а также должностное лицо правоприменительного органа, выявившее преступление и сообщаемое об этом.

Прием сообщения о преступлении включает в себя следующие элементы.

1. Непосредственное принятие сообщения от заявителя.

2. Проверка соблюдения основных требований к содержанию сообщения (в частности, при приеме сообщения необходимо добиться, чтобы в сообщении были указаны основные признаки деяния, свидетельствующие о его преступном характере, а также отметка о предупреждении заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос). Иными словами, прием сообщения подразумевает не просто его механическое получение от заявителя, а совокупность действий, направленных на придание сообщению тех требований, предусмотренных нормативными актами, чтобы это сообщение могло выступать в качестве повода для возбуждения уголовного дела [6, с. 103]. Эти требования могут быть как содержательными (например, описание события таким образом, чтобы из этого описания усматривались признаки состава преступления), так и формальными (в частности, отметка о предупреждении заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос [4, с. 8–10]). Вместе с тем «формальные» требования фактически носят далеко не формальный характер, поскольку отражают факт реального разъяснения заявителю ответственности за содержание передаваемой информации. Подтверждение этого выступает важнейшим инструментом обеспечения правильности и достоверности сведений, зафиксированных в сообщении. Следует особо подчеркнуть, что соблюдение указанных требований – сфера ответственности не столько заявителя, могущего не иметь не только полноценного юридического образования, но и элементарных знаний в области юриспруденции в целом и уголовного процесса в частности, а именно лица, принимающего сообщение о преступлении. Тем более очевидно, что заявитель не может предупредить сам себя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, и эти действия должно выполнить должностное лицо, принимающее заявление.

Таким образом, прием сообщения всегда подразумевает некоторую модификацию поступившего должностному лицу заявления, наделение его определенными юридическими свойствами.

3. Незамедлительная передача сообщения для официальной регистрации. Весьма примечательно, что в п. 14.2 Инструкции закреплено требование о необходимости указания на сообщении о преступлении должности, фамилии и инициалов принявшего сообщение сотрудника полиции и его личной подписи. Следует особо подчеркнуть, что эти требования относятся не к регистрации, а именно к приему сообщения; должностное лицо, регистрирующее сообщение, обязано указать сведения о себе наряду со сведениями о сотруднике, принявшем

сообщение. Отмеченное обстоятельство подчеркивает не технический, а юридический характер принятия сообщения о преступлении. Если сообщение не принято, дальнейшее судопроизводство становится в принципе невозможным, а право на доступ к правосудию – нереализуемым [5, с. 10–14].

Очевидно, что какая-либо проверка сообщения по существу изложенной в нем информации (например, получение объяснений от заявителя либо иных лиц, изъятие материальных объектов и иные подобные действия) не охватывается приемом сообщения и не может осуществляться в рамках приема сообщения. Соответственно, возникает вопрос о круге должностных лиц органов внутренних дел, правомочных осуществлять прием сообщений о преступлениях.

В Инструкции разделены две ситуации поступления соответствующих сообщений: при личном прибытии гражданина в орган полиции и вне административного здания органа внутренних дел. При личном прибытии заявителя прием сообщения осуществляется исключительно сотрудниками дежурной части, а при получении сообщения за пределами здания органа внутренних дел – уполномоченными сотрудниками данного министерства. Первая ситуация особых вопросов не вызывает, в то время как вторая ситуация весьма неоднозначна с точки зрения правовой регламентации. Несомненно, что действующая Инструкция, в отличие от предшествующих приказов МВД России, называя в качестве субъекта, правомочного на прием сообщения не любого, а уполномоченного сотрудника органов внутренних дел, содержит гораздо более верные правила. «Любой» сотрудник – понятие, допускающее излишнее широкое толкование, явно не соответствующее смыслу анализируемой ситуации. В частности, если бы обязанность приема сообщений о преступлениях возлагалась на любых сотрудников органов внутренних дел, то такие обязанности возникали бы у обучающихся очной формы образовательных организаций системы МВД России; водителей, имеющих звания рядового и младшего начальствующего состава; сотрудников кадрового аппарата, бухгалтерии; сотрудников полиции, находящихся за пределами территории обслуживания того органа, в котором они проходят службу (например, в отпуске или в командировке). Очевидно, что в указанных и иных подобных ситуациях лица, хотя и являются сотрудниками органов внутренних дел, явно не должны и не могут обеспечить полноценный прием сообщений о преступлениях. Еще раз отметим, что прием сообщения подразумевает не просто ни к чему не обязывающую консультацию заявителя о том, как правильно составить сообщение, или о местоположении органа, в который это сообщение должно быть подано; прием сообщения – это личные действия должностного лица по приведению сообщения в соответствие с предъявляемыми требованиями и по передаче сообщения для регистрации.

Очевидно, что в Инструкции должен содержаться перечень должностей сотрудников полиции, правомочных принимать сообщения о преступлениях, однако такого перечня нет. Представляется необходимым восполнить этот явный пробел в ведомственном нормотворчестве. С одной стороны, следует закрепить в упомянутой Инструкции перечень должностей сотрудников органов внутренних дел, уполномоченных осуществлять прием сообщений о преступлениях. В этот перечень целесообразно включить следователей, оперативных сотрудников, участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, по вопросам миграции, по обеспечению безопасности дорожного движения (в том числе дорожно-патрульной службы), патрульно-постовой службы, возможно, некоторых иных подразделений, деятельность которых предполагает контактирование с гражданами, пострадавшими от преступлений. С другой стороны, требуется особо подчеркнуть, что прием сообщений производится сотрудниками, либо находящимися при исполнении служебных полномочий, либо на территории, обслуживаемой органом внутренних дел, в штате которого они состоят. В то же время следует уточнить, что сотрудники органов внутренних дел в иных ситуациях обязаны разъяснить лицу, обратившемуся к ним с заявлением,

порядок его подачи в органы внутренних дел. Такая конструкция исключит как отсутствие всякого реагирования на поступившее сообщение о преступлении, так и возложение на сотрудника, не имеющего права в конкретной ситуации принимать заявление, обязанности, которую он реально не в состоянии выполнить. Это будет в полной мере соответствовать положениям ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О полиции», закрепляющей, что полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств.

После приема сообщения о преступлении должна обязательно иметь место его регистрация. Под регистрацией понимается включение сообщения в специальные документы централизованного учета с присвоением порядкового номера. Регистрация наряду с приемом составляет единый комплекс действий, гарантирующих реальное рассмотрение сообщения о преступлении и тем самым обеспечивающих доступ потерпевшего к правосудию.

В настоящее время в органах внутренних дел регистрация сообщений о преступлениях осуществляется только в дежурных частях и только в специальной Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП) (п. 23 Инструкции). Обращает на себя внимание определенная коллизия, содержащаяся в положениях Инструкции. Так, прием сообщений о преступлениях в случае личной явки заявителя в орган внутренних дел осуществляют сотрудники дежурной части, занимающие следующие должности: начальник дежурной части, начальник дежурной смены, старший оперативный дежурный, оперативный дежурный, дежурный, помощник оперативного дежурного (п. 9 Инструкции). В то же время, регламентируя порядок регистрации сообщений о преступлениях в КУСП, Инструкция лишь устанавливает, что регистрация производится в дежурной части. Штатным расписанием органов внутренних дел предусмотрена должность инженера-электроника, также входящего в состав дежурной смены. Возникает вопрос: вправе ли это должностное лицо заниматься регистрацией сообщений о преступлениях в КУСП? Очевидно, что регистрация должна осуществляться теми же сотрудниками дежурной части, которые обладают полномочиями по приему сообщений. К тому же должностные обязанности инженера-электроника явно не включают в себя действия по заполнению КУСП и совершению иных юридически значимых действий с поступившими сообщениями о преступлениях. Вместе с тем в правоприменительной практике иногда встречаются случаи наложения на инженеров-электроников дисциплинарных взысканий за непринятие мер по регистрации сообщений о преступлениях. Такие решения явно незаконны и не могут опираться на п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции», закрепляющий обязанность полиции принимать и регистрировать сообщения о преступлениях. Названная обязанность, как и иные обязанности, зафиксированные в ст. 12 Федерального закона «О полиции», возлагается на полицию в целом. Следует учитывать специализацию различных подразделений органов внутренних дел. Например, в рассматриваемой норме закона закреплены обязанности полиции расследовать уголовные дела, проводить оперативно-розыскные мероприятия, выполнять судебные экспертизы (соответственно п. 8, 10, 18 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции»). Однако это не означает, что исполнение каждой из перечисленных обязанностей возлагается на любого сотрудника полиции. Расследованием уголовных дел вправе заниматься лишь следователи, дознаватели и сотрудники, которым производство дознания поручено начальником органа внутренних дел, проведением оперативно-розыскных мероприятий – исключительно оперативные сотрудники, а производством экспертиз – только эксперты, занимающие должности в экспертных подразделениях и получившие в установленном законом порядке допуск на проведение того или иного вида экспертиз.

Не отрицая необходимость безотлагательного и полного приема и регистрации всех без исключения сообщений, содержащих сведения о преступных событиях, все же требуется

подчеркнуть, что подобные действия должны осуществляться компетентными сотрудниками в пределах своих полномочий. Только так можно реально обеспечить законность приема и регистрации сообщений о преступлениях и реализацию конституционного права граждан на доступ к правосудию.

Таким образом, нормативное регулирование приема и регистрации сообщений о преступлениях на ведомственном уровне представляется вполне оправданным. Само по себе то, что данная деятельность регламентируется подзаконными актами, не препятствует реализации права пострадавшего на защиту от преступления и на доступ к правосудию. Однако с учетом того, что прием и регистрация подобных сообщений являются не техническими, а юридически значимыми процедурами, непосредственно влияющими на доступ граждан к правосудию, требуется конкретизировать круг должностных лиц, правомочных на прием и регистрацию сообщений, и уточнить содержание действий, входящих в прием сообщений.

Литература

1. Инструкция об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации: утв. приказом Следственного комитета Российской Федерации от 11.10.2012 № 72. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.05.2021).
2. Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: утв. приказом МВД России от 29.08.2014 № 736. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Акутаев Р. М. Проблемы совершенствования регистрации и учета преступлений // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2012. № 2. С. 162–165.
4. Амрахов Н. И. Анализ поводов к возбуждению уголовных дел по преступлениям в сфере неприкосновенности и тайны частной жизни // Российский следователь. 2012. № 20. С. 8–10.
5. Калиновский К. Б., Чечетин А. Е. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10–14.
6. Королев Г. Н., Лизунов А. С. О моменте начала досудебного производства // Современное право. 2017. № 5. С. 100–103.
7. Костенко К. А. Критерии соблюдения конституционных прав граждан на стадиях приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1 (15). С. 87–92.
8. Чубыкин А. В. К вопросу о законодательном регулировании приема и регистрации сообщений о преступлениях // Проблемы современного российского законодательства: сб. мат-лов конф. (Иркутск, 24 октября 2013 г.). М.: Изд-во Всерос. гос. ун-та юстиции (РПА Минюста России), 2013. С. 347–352.

УДК 343.133.3

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ – ОСОБЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Татьяна Викторовна Осипова, старший преподаватель;

Валентина Феликсовна Крючкова, доцент кафедры, кандидат юридических наук
(Хабаровский филиал Московской академии Следственного комитета РФ)

E-mail: saxara.6363@mail.ru

kryuchkovav@list.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы составления процессуального документа – обвинительного заключения – на основе требований, предъявляемых законодателем в ст. 220 УПК РФ. Авторами предлагается принять на законодательном уровне правовую норму, регламентирующую структуру обвинительного заключения, по аналогии с приговором, структура которого раскрывается в уголовно-процессуальном законе.

Ключевые слова: бланк процессуального документа, процессуальное решение, форма и структура обвинительного заключения, судебный приговор, «анализ» в обвинительном заключении.

INDEPENDENT CONCLUSION – A SPECIAL PROCEDURAL DOCUMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Tatyana Viktorovna Osipova, senior lecturer;

Valentina Feliksovna Kryuchkova, professor of the Department, *kandidat nauk*, degree in Law
(Khabarovsk branch of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation)

The article deals with problematic issues of drafting a procedural document – an indictment – based on the requirements imposed by the legislator in Article 220 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The authors propose to adopt at the legislative level a legal norm regulating the structure of the indictment, by analogy with the sentence, the structure of which is disclosed in the criminal procedure law.

Keywords: the form of the procedural document, the procedural decision, the form and structure of the indictment, the court verdict, the «analysis» in the indictment.

Уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает понятия «обвинительное заключение». В связи с этим многие юристы определяют данное понятие исходя из практики применения этого процессуального документа, так как значение его в уголовном судопроизводстве велико, и от того, насколько грамотно оно составлено, зависит, будет ли уголовное дело направлено в суд, либо оно будет возвращено на дополнительное расследование.

Каждое возвращенное уголовное дело для производства дополнительного расследования является «браком» работы следователя. Основанием возвращения уголовных дел на дополнительное расследование являются: существенные нарушения требований ст. 73, 171, 217, 220 УПК РФ; допущение многочисленных технических ошибок; несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства при составлении обвинительного заключения. Правом возвращения уголовного дела для дополнительного следствия наделены суд, прокурор и руководитель следственного органа.

По статистическим данным 2020 г., в производстве следователей Следственного комитета России находилось 220,7 тыс. уголовных дел, направлено в суд 95,2 тыс. дел. Значительно

уменьшилось количество уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дополнительного расследования (на 46,4 %) и судом в соответствии ст. 237 УПК РФ (на 15,5 %) *.

Согласно статистике, за 6 месяцев 2020 г. в производстве следователей Следственного управления Следственного комитета России по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области находилось 1765 уголовных дел, прокурору с обвинительным заключением следователями направлено 738 уголовных дел, в суд прокурорами направлено 659 дел. Дел, возвращенных для производства дополнительного расследования, – 20 (2019 г. – 37, снижение – 45,9 %). Большинство уголовных дел (13, или 40,6 %) возвращается прокурорами из-за неполноты следствия. По 12 уголовным делам (37,5 %) предъявленное обвинение не соответствует материалам уголовного дела ввиду неверного или неполного описания обстоятельств, подлежащих доказыванию. По причине несогласия прокурора с объемом и квалификацией действий обвиняемого возвращено 5 (15,6 %) уголовных дел. Два уголовных дела, или 6,3 %, вернулись в результате допущенных нарушений норм уголовно-процессуального закона при производстве следственных действий **.

Возвращение уголовных дел для производства дополнительного следствия свидетельствует о непрофессионализме следователей; об отсутствии процессуального контроля за предварительным следствием со стороны руководителей следственных подразделений; о направлении уголовных дел для утверждения обвинительного заключения прокурору в «авральном режиме».

Также следует отметить довольно низкую эффективность обжалования следователем решений прокурора. Проблему недостатка полномочий у следователя СК России для обжалования решений прокурора поднимает Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин: «Надо ставить вопрос, и мы сейчас это делаем, о предоставлении следователю права обжалования незаконных, с его точки зрения, решений прокурора в суде» [2].

Однако не все решения прокурора может обжаловать следователь. Например, невозможно обжаловать некачественное составление процессуальных документов, которое также относится к нарушению уголовно-процессуального закона и является одним из оснований возвращения уголовного дела на дополнительное расследование.

Характерным примером такого нарушения, повлекшего возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования в СУ СК России по Хабаровскому краю и ЕАО, явилось уголовное дело по обвинению В. по нескольким эпизодам преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ уголовное дело возвращено по следующим основаниям:

– в обвинительном заключении в качестве доказательств со стороны обвинения указаны показания свидетеля Г, который не включен в список лиц, подлежащих вызову в суд;

– в обвинительном заключении в список лиц, подлежащих вызову в суд, не включены все допрошенные на предварительном следствии лица, показания которых следователем не признаны в качестве доказательств ***.

Последнее указанное основание для возвращения на дополнительное расследование уголовного дела вызывает особый интерес. Как известно, в списке лиц для вызова в суд перечисляются лица, чьи показания признаны следователем как доказательства. Но в последнее время прокуроры стали требовать указывать в списке всех лиц, которые допрашивались следователем на предварительном следствии. Это обстоятельство в УПК РФ не конкретизировано. Вместе с тем следователь, осуществляя судопроизводство, все проводимые следственные действия, по которым принимает процессуальные решения, в рамках расследования уголов-

* Об итогах работы следственных органов СК РФ за 2020 год и задачах на 2021 год. Ведомственный доступ.

** Статистические сведения СУ СК РФ по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. Хабаровск, 2020. Ведомственный доступ.

*** Контрольное производство по уголовному делу // Архив СУ СК РФ по Хабаровскому краю и ЕАО.

ного дела оформляет процессуальными документами в форме постановлений или протоколов. Завершая предварительное следствие по делу, следователь суммирует и систематизирует его материалы в итоговом документе – обвинительном заключении.

Таким образом, можно сделать вывод, что обвинительное заключение – это особый вид процессуального документа, которым завершается предварительное следствие и который составляется следователем тогда, когда по делу собраны все доказательства, подтверждающие виновность обвиняемого в совершении преступления, предъявлено обвинение, объявлено участвующим в деле лицам об окончании расследования и завершено их ознакомление с материалами уголовного дела.

По сложившейся практике, обвинительное заключение составляется по форме, установленной действующей ранее гл. 57 УПК РФ, содержащей бланки процессуальных документов (в настоящее время утратила силу).

Для большинства процессуальных документов досудебной стадии производства законодателем была определена их структура. Однако Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в ст. 474 УПК РФ. Законодатели исключили из статьи ч. 1, 3, 4, оставив ч. 2, которая регламентировала, каким именно способом могут быть выполнены процессуальные документы. Этим же законом из УПК РФ были исключены статья 475, регламентирующая оформление процессуальных действий и решений, в случае, если процессуальный документ отсутствует в перечне, предусмотренном гл. 57, а также сама глава 57 (ст. 476–477) с перечнем бланков процессуальных документов досудебного и судебного производства.

Полагаем, что названные изменения обусловлены введением в УПК РФ Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» ст. 474.1 о порядке использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. То есть законодатель руководствовался тем, что современные электронные технологии должны внедряться и использоваться также в области юриспруденции. Перед практическими сотрудниками встал вопрос о необходимости составления новых процессуальных документов в электронном виде.

Как считают многие руководители следственных отделов и прокуроры, о профессионализме следователя можно судить по двум составляемым им процессуальным документам: это протокол осмотра места происшествия и обвинительное заключение. Что касается протокола осмотра происшествия, то этот документ, как и многие другие процессуальные документы, состоит из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной. Ранее он входил в перечень бланков. Совсем не то с обвинительным заключением. Статья 220 УПК РФ указывает следователю лишь на содержательные моменты обвинительного заключения, его форму, при этом ничего не сообщает о структуре итогового процессуального документа, из каких частей он состоит.

Между тем на практике на протяжении многих лет следователи составляют обвинительное заключение так, как это сложилось в конкретном регионе, то есть в такой форме, которая «устраивает» прокурора и суд конкретного региона, с учетом сложившейся в нем следственной практики.

Как пример можно привести прокурорско-следственную практику направления уголовных дел, сложившуюся в Дальневосточном федеральном округе. Так, в большинстве районов ДФО прокуроры требуют в обвинительном заключении в списке лиц, вызываемых в суд, указывать всех лиц, допрошенных на предварительном следствии, тем самым обеспечивая «страховку» того, что в суде может возникнуть необходимость вызвать и допросить лицо, показания которого следователь не признал доказательством.

Юристы – практики и ученые – предлагают различные структурные модели обвинительного заключения. Так, по мнению С. П. Ефимичева, итоговый процессуальный документ должен состоять из 4 частей: вводной, описательно-мотивировочной, резолютивной и приложений [3].

А. В. Гриненко считает, что обвинительное заключение может состоять из двух частей: вводной и описательной [1]. На взгляд других, «структура обвинительного заключения по каждому конкретному делу может иметь определенные особенности: в одном случае описание обстоятельства преступления может быть дано в хронологическом порядке, в другом – по взаимосвязанным эпизодам преступной деятельности, в третьем – более целесообразным может оказаться изложение сущности обвинения применительно к каждому обвиняемому» [5, с. 662].

Следует подчеркнуть, что по сравнению с действующим уголовно-процессуальным законодательством в УПК РСФСР 1960 г. в ст. 205 структура обвинительного заключения была регламентирована и предполагала две части: описательную и резолютивную. В описательной части излагалась сущность уголовного дела: место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и другие существенные обстоятельства; сведения о потерпевшем; доказательства, которые подтверждают наличие преступления и виновность обвиняемого; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого; доводы, приводимые обвиняемым в свою защиту, и результаты проверки этих доводов. В резолютивной части приводились сведения о личности обвиняемого и излагалась формулировка предъявленного обвинения с указанием статьи или статей уголовного закона, предусматривающих данное преступление.

Статья 206 УПК РСФСР регламентировала приложение к обвинительному заключению. В приложение входили список лиц, подлежащих, по мнению следователя, вызову в судебное заседание, а также справки о сроках следствия, об избранных мерах пресечения с указанием времени содержания под стражей, о вещественных доказательствах, о гражданском иске, о принятых мерах обеспечения гражданского иска и о возможной конфискации имущества, судебных издержках.

Данный подход законодателя связан с тем, что любой процессуальный документ имеет трехчастное структурное построение: вводную, описательно-мотивировочную и заключительную части. Если же такую структуру применить к обвинительному заключению, то описательная часть будет громоздкой, состоящей из нескольких элементов, например из обвинения и доказательств.

Как было уже отмечено, обвинительное заключение – процессуальный документ, в котором на основе собранных доказательств называются установленные следователем место, время и обстоятельства совершенного преступления, формулируется обвинение в отношении определенного лица с указанием юридической квалификации его действий; приводится перечень доказательств (с кратким изложением), как обвинительных, так и оправдательных, делается предварительный (досудебный) вывод о виновности лица в совершении инкриминируемого ему преступления.

На наш взгляд, описательную часть обвинительного заключения целесообразно разделить на самостоятельные части: обвинительную и доказательственную. Доказательственная часть должна содержать два вида доказательств: доказательства, подтверждающие обвинение, и доказательства, на которые ссылается сторона защиты. Также в структуре обвинительного заключения должна быть и заключительная часть, включающая в себя описание обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; данные о потерпевшем, гражданском истце и об ответчике; о характере и размере вреда, причиненного потерпевшему преступлением. К этой части относятся подписание, датирование и согласование обвинительного заключения.

Также требования ч. 4 и 5 ст. 220 УПК РФ устанавливают необходимость наличия списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, и справки о сроках следствия, об избранных мерах пресечения и т. д. Получается, что список и справка не включаются в обвинительное за-

ключение, не являются его частью, а лишь приложением к нему. Однако если следователь неполно составит список подлежащих вызову в суд лиц либо в справке о движении уголовного дела не укажет, например, какая мера пресечения избрана в отношении обвиняемого, то суд посчитает, что данный процессуальный документ составлен с нарушением закона, и вернет уголовное дело прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Так почему же структура итогового процессуального документа не узаконена, обвинительная и доказательственные части официально в ст. 220 УПК РФ не разграничены, а часть 1 этой статьи объединяет элементы, которые должны включать обвинительная и доказательственные части? Как нам представляется, в обвинительном заключении следователь объединяет все его элементы, делая документ единым, соблюдая при этом все необходимые по закону реквизиты. Иными словами, в обвинительном заключении просматривается взаимосвязь составляющих его элементов (частей), обязательных по уголовно-процессуальному законодательству.

Для того чтобы объективно, всесторонне выразить предъявленное обвинение, а также понятно изложить выводы, подтверждающие вину обвиняемого, следователь вынужден вводить в обвинительном заключении дополнительный элемент, так называемый «анализ», в котором при необходимости раскрывает содержание специальной терминологии, которая использовалась при расследовании уголовных дел по преступлениям, например, экономической или налоговой направленности [4]. Однако статья 220 УПК РФ на такой элемент в структуре обвинительного заключения не указывает.

Интересно отметить, что, например, в Республике Саха (Якутия) проведение «анализа» не приветствуется ни прокуратурой, ни судом, так как сторона защиты расценивает это как «навязывание» следователем своего решения всем участвующим в уголовном деле лицам. В Хабаровском крае же, напротив, следователями проводится такой «анализ», особенно по уголовным делам по преступлениям в сфере экономической деятельности и уголовным делам, имеющим особый резонанс.

Таким образом, можно констатировать, что следователь составляет обвинительное заключение по «своей» форме. Почему же так происходит? По нашему мнению, на эту ситуацию повлияло исключение из УПК РФ ст. 476 и приложения № 158 к ней. Иными словами, не стало законодательно определенной структуры обвинительного заключения. Поэтому структура обвинительного заключения вынужденно избирается по сложившейся в том или ином регионе практике.

Подводя итог, предлагаем, во-первых, в ст. 220 УПК РФ закрепить структуру обвинительного заключения, а именно пять частей: вводную, обвинительную, доказательственную, заключительную, справочную (детальный анализ обстоятельств дела); во-вторых, по аналогии с итоговым судебным решением (п. 532 ст. 5 УПК РФ), дать законодательное определение обвинительного заключения как итогового процессуального документа, которым завершается предварительное расследование уголовного дела, а также, по аналогии с приговором (ст. 304–309 УПК РФ), указать в УПК РФ требования к каждой из частей, входящих в структуру обвинительного заключения.

Литература

1. Гриненко А. В. Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением и дознания с обвинительным актом: учеб. пособие // Уголовный процесс: сб. учеб. пособий. Особенная часть. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 307–333.
2. Досов С. Р. Пределы обжалования следователем решений прокурора о возвращении уголовного дела и иных решений прокурора // Расследование преступлений: проблемы и пути их решений. 2020. № 2/28. С. 133–137.
3. Ефимичев С. П. Правовые и организационные вопросы окончания предварительного расследования с обвинительным заключением: учеб. пособие / под ред. П. С. Элькинд. Волгоград, 1977. С. 55–77.
4. Курнышева Е. А. Обвинительное заключение: учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 2013.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. П. Божьев. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010.

УДК 343.13

«ЭЛЕКТРОННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ» СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Виктор Сергеевич Черкасов, преподаватель кафедры Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: viktor.kmsx@gmail.com

В структуре электронных средств доказывания выделены «электронно-технические» следственные действия. Обозначены основные признаки названных следственных действий. Рассмотрены основные недостатки «электронно-технических» следственных действий по получению электронной информации в условиях современных возможностей информационных технологий. Предлагается дополнить УПК РФ универсальным следственным действием «контроль электросвязи».

Ключевые слова: следственные действия; информационные технологии; электронные доказательства; электронные сообщения; электросвязь; телекоммуникация.

«ELECTRONIC-TECHNICAL» INVESTIGATIVE ACTIONS: MODERN PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Victor Sergeevich Cherkasov, lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the structure of electronic means of proof, «electronic-technical» investigative actions are highlighted. The main signs of these investigative actions are indicated. The main disadvantages of «electronic-technical» investigative actions for obtaining electronic information in the conditions of modern information technology capabilities are considered. It is proposed to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a universal investigative action «control of telecommunications».

Keywords: investigative actions; information technologies; electronic evidence; electronic messages; telecommunications; telecommunications

В условиях постоянно расширяющейся интеграции информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека большое значение в структуре электронных средств доказывания по уголовному делу имеют следственные действия, направленные на получение электронной информации. Представляется, что к названным следственным действиям следует относить: «контроль и запись переговоров», «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Необходимо отметить, что в научной литературе уже существует позиция по выделению названных следственных действий в отдельную категорию – «техничко-специальные» [9, с. 54–55] или «информационно-технологические» следственные действия [15, с. 297].

Особенности названных следственных действий заключаются в следующем:

- 1) следователь принимает решение о производстве следственного действия, определяет его границы;
- 2) техническую или исследовательскую работу по сбору и обобщению сведений осуществляют третьи лица, которые в последующем предоставляют результат следователю;

3) следственные действия направлены на получение электронной информации или исследование свойств электронной информации (время получения, отправитель, достоверность информации и т. д.).

Представляется, что совокупность названных следственных действий допустимо обозначить в качестве «электронно-технических», что будет обуславливать получение именно электронной информации. Однако уголовно-процессуальное регулирование «электронно-технических» следственных действий значительно отстает от потребностей и потенциальных возможностей правоохранительных органов по сбору электронной информации и содержит ряд существенных процессуальных недостатков.

Одной из проблем проведения названных следственных действий является ограниченность сведений, которые они позволяют получить. Рассмотрим эту проблему относительно такого следственного действия, как контроль и запись переговоров, предусмотренного ст. 186 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 данной статьи «допускается контроль и запись телефонных и иных переговоров». Формулировка «иные переговоры» говорит о том, что кроме аудиоинформации, которая передается по каналам телефонной связи, данное следственное действие допустимо применять и к другим каналам электросвязи. Согласно п. 35 ст. 2 Закона «О связи» [1], под электросвязью понимаются «любые излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам». Данное положение подтверждается п. 14.1 ст. 5 УПК РФ, в котором указано, что контроль телефонных и иных переговоров – это «прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм».

В научной литературе высказывалась позиция относительно возможности получать электронные сообщения посредством контроля и записи переговоров [10, с. 39], однако нам она представляется небезупречной.

Так, в ч. 6 ст. 186 УПК РФ говорится, что «следователь в течение всего срока производства контроля и записи телефонных и иных переговоров вправе в любое время истребовать от органа, их осуществляющего, фонограмму для осмотра и прослушивания». Исходя из закона, результатом контроля и записи является фонограмма. Слово «фонограмма» толкуется как «запись звука (речи, музыки, пения), сделанная на пластмассовом диске, магнитной ленте, киноплёнке и т. п.; пластмассовый диск, магнитная лента, киноплёнка и т. п. с такой записью» [5]. Отсюда, данное следственное действие направлено на контроль и запись аудио-, звуковой информации, разговора между лицами. В пользу этого можно привести мнение В. Ю. Стельмаха, который утверждает: «Очевидно, что в ст. 186 УПК РФ термин “переговоры” употреблен в простом значении, в том же смысле, что и “разговор”, то есть словесный обмен сведениями, беседа. Таким образом, под переговорами следует понимать любые случаи общения людей речевым способом» [7, с. 124].

Подобное понимание категории «переговоры» в соотношении с категорией «фонограмма» как результат следственного действия «контроль и запись переговоров» значительно ограничивает объект данного следственного действия и фактически делает невозможным получение мультимедийных электронных сообщений, в том числе и «телефонной переписки».

Еще один аргумент. Уровень технического развития интегрировал телефонную связь с телематической (с помощью сети «Интернет») фактически в единую систему электросвязи. Это значит, что с обычного телефона можно позвонить на телефон, который работает через Интернет и обратно. Таким примером является IP-телефония [11, с. 41]. Показательным примером информационно-телекоммуникационной сети, использующей технологии IP-телефонии (звонки именно через Интернет, без подключения к линиям телефонной связи), является Skype.

Если по каналам телефонной связи передается электронная информация, которая преобразуется в звук, то через телепатическую связь передается информация, которая воплощается в аудио, видеоизображение и т. д. В данном случае возникает противоречие между объектом контроля и записи переговоров и возможностями современной электросвязи. Возникает вопрос: как законодатель допустил такое явное противоречие? Ответ на этот вопрос видится в следующем: данное следственное действие было отражено в законе в то время, когда получение сведений через голосовые телефонные звонки посредством других видов электросвязи, например, сети «Интернет», было еще мало распространено.

В пользу данного умозаключения следует привести мнение В. Ю. Стельмаха о том, что «формулировка закона отражала состояние средств связи в момент его принятия, когда реально единственно существующим средством связи, переговоры по которому могли контролироваться, был телефон. Кроме того, в начале XXI века технологии передачи голосовых и неголосовых сообщений были совершенно различными. Одно средство связи не было способно передать и те и другие сообщения» [7, с. 125].

Исходя из изложенного, юридическая конструкция ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров» допускает возможность применения данного следственного действия не только к телефонной связи, но и к другим видам электросвязи. Результатом данного следственного действия является фонограмма (звуковая информация), что ограничивает возможность получения сведений из электронно-информационной сферы, т. к. данное следственное действие вводилось законодателем для получения аудиоинформации, которая передается по сетям телефонной связи. Из этого следует, что названное следственное действие устарело и не адаптировано к современному уровню технического развития коммуникационных средств связи, что значительно сужает объем сведений, которые возможно получить и использовать при доказывании по уголовному делу.

Другим следственным действием, направленным на получение сведений, выраженных в электронной форме, является наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ). Обратим внимание на ч. 7 ст. 185 УПК РФ, предусматривающую возможность производства осмотра и выемку сообщений, передаваемых по сетям электросвязи. Здесь необходимо подчеркнуть следующее: если новелла ч. 7 ст. 185 УПК РФ распространяется только на электронные сообщения, передаваемые по сетям федеральной почтовой связи, то тогда она представляется логичной. Если же речь идет обо всех электронных сообщениях, которые передаются по сетям электросвязи, то возникают коллизии в части определения предмета данного следственного действия, формы его осуществления, а также противоречия между смежными нормативно-правовыми актами, регулирующими отношения в сети «Интернет» [13, с. 64].

Еще одним «электронно-техническим» следственным действием является получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

В научной литературе отмечается множество недостатков юридической конструкции следственного действия. Одним из них является неопределенность возможности его использования в ретроспективе, когда информацию о соединениях между устройствами необходимо получить за время, прошедшее от времени получения судебного разрешения на его производство [8, с. 111]. Отмечается также, что судебная практика по данному вопросу достаточна противоречива [12, с. 241], это дополнительно свидетельствует о неточности законодательной конструкции следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Следующим недостатком рассматриваемого следственного действия является отсутствие конкретного срока, по которому оператор связи обязан предоставить следователю информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Так, И. А. Грошев

отмечает, что отказ в предоставлении информации о соединениях является нередким случаем. Более того, ответ на запрашиваемую информацию может быть направлен в следственный отдел по истечении 1–1,5 мес. с момента направления постановления суда в адрес указанных операторов связи [4, с. 138-139].

Следует отметить, что Закон «О связи» не содержит требований по сроку ответа оператора связи в рамках данного следственного действия, что позволяет оператору необоснованно тянуть с ответом. Данное положение ведет к затягиванию сроков предварительного расследования. Подобный законодательный пробел требует устранения.

Существенным недостатком «получения информации о соединениях» является ограниченность его объекта. Определение рассматриваемого следственного действия, содержащееся в п. 24.1 ст. 5 УПК РФ, не позволяет сделать однозначный вывод о видах электронной информации, которую возможно получить с его помощью.

Так, Н. А. Архипова [2, с. 77], А. В. Шампарова [14, с. 3] полагают, что информация, получаемая в ходе следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, ограничивается областью телефонной связи. Относительно этой позиции выскажем некоторую критику.

Отношения между абонентом или пользователем, с одной стороны, и оператором связи, оказывающим телематические услуги связи, – с другой, в настоящий момент регулируются Постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2007 г. № 575 «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи». Согласно данным Правилам, при оказании телематических услуг связи оператор обязан обеспечить предоставление абоненту (пользователю) доступа к сети передачи данных и информационным системам информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет), прием и передачу телематических электронных сообщений. Следовательно, допустимо получать информацию о соединениях абонента в сети «Интернет».

Так, согласно апелляционному определению Верховного суда Республики Башкортостан от 15.03.2016, среди процессуальных действий, проводимых для доказывания вины Н., производилась «выемка в ОАО Х, где была изъята информация о соединениях между абонентскими устройствами и установлено, что работа в сети «Интернет» осуществлялась пользователем А.»*.

Необходимо отметить, что до появления ст. 186.1 УПК РФ сотрудники органов предварительного расследования получали информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в рамках телематической связи посредством направления запросов в соответствующие организации связи на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ [6, с. 20]. В настоящее время аналогичный способ продолжает использоваться. Например, согласно приговору Урванского районного суда от 23.06.2016, среди сведений, подтверждающих вину лица, можно встретить следующие доказательства: «согласно идентификационной информации по IP-адресам по справке Кабардино-Балкарского филиала «Ростелеком», IP-адрес № Х принадлежит А.»**. Или другой пример, из приговора Верховного суда Республики Татарстан от 28.06.2016: «Согласно справке, предоставленной АО Н, через IP-адрес № К доступ к сети «Интернет» 1 февраля 2015 года в 13 часов 35 минут осуществлен с домашнего адреса Х»***.

Не исключен способ получения информации о соединениях устройств, принадлежащих свидетелю, потерпевшему, от операторов связи данными участниками производства самостоятельно. Такая практика является распространенной [3, с. 23–24].

* Апелляционное определение № 22–2073/2016 Верховного суда Республики Башкортостан от 15.03.2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UEjSBNQbDjIQ/?regular-txt> (дата обращения: 23.06.2021).

** Приговор Урванского районного суда № 1–78/2016 от 23.06.2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/bpqp9HJSeRVw/?page> (дата обращения: 20.06.2021).

*** Приговор Верховного суда Республики Татарстан № 22–4290/2016 от 28.06.2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3n1HEzIZwaLp/?page> (дата обращения: 23.06.2021).

Выше были приведены три процессуальных способа получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, которые продолжают использоваться в практической деятельности органов предварительного расследования. Таким образом, можно предположить, что законодателю не удалось привести правоприменительную практику к единообразию через введение следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 в УПК РФ. Необходимо отметить, что названное следственное действие является одним из самых трудоемких способов получения информации о соединениях, так как требует составления большого числа процессуальных документов, что значительно замедляет и усложняет ход предварительного расследования.

Во всех указанных примерах организация связи не предоставляла информацию, связанную с деятельностью абонента непосредственно на самом сайте в сети «Интернет» или на отдельном интернет-сервисе. Была предоставлена информация только о характеристике доступа в сеть «Интернет» (дата, время, IP-адрес, ресурс, к которому был осуществлен доступ, и т. д.) и об индивидуальных признаках самого абонента (ФИО, место жительства и т. д.). Совокупность названных сведений представляет собой статистические данные о характере контактов в сети телефонной связи и телекоммуникационной сети «Интернет». Не исключены случаи необходимости получения геолокационных данных пользователей электросвязи или иные виды электронной информации, прямо не указанные в законодательстве.

Представляется, что с 2018 г. введение новой обязанности (п. 1 ст. 64 ФЗ «О связи») для операторов связи по хранению содержания «электронных коммуникаций» пользователя на территории Российской Федерации может привести к утрате практической значимости следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», так как будет возможно одновременно получать содержание всех видов мультимедийных сообщений (в том числе телефонных переговоров), передаваемых по сетям электросвязи, а также информацию о соединениях между абонентскими устройствами.

Рассматривая особенности производства «электронно-технических» следственных действий, приходим к следующим выводам.

Во-первых, телематическая, телефонная и иные виды связи интегрируются в единую систему электросвязи. Данный факт не был учтен законодателем, что ограничило способы получения сведений с помощью «электронно-технических» следственных действий.

Во-вторых, чрезмерная формализация «электронно-технических» следственных действий создает трудности в возможности собирать и использовать многообразие видов электронной информации.

В-третьих, в УПК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие порядок модификации электронной информации в интересах предварительного расследования, например для блокировки доступа лица к учетной записи электронной почты (наложение ареста на электронную почту).

Обозначенные проблемы являются закономерными. Это связано с тем, что под воздействием информационных технологий общественные отношения изменяются настолько стремительно, что правовое поле не успевает трансформироваться. Выявленные недостатки позволяют определить вектор правового регулирования по совершенствованию уголовно-процессуального механизма сбора доказательств, выраженных в электронной форме. Видится необходимость в дополнении УПК РФ универсальным следственным действием – «контроль электросвязи», под которым следует понимать мониторинг голосовой информации, изображения, звука, видео, иных форм телекоммуникации пользователей электросвязи, получение содержания телекоммуникации в установленных федеральным законом случаях от операторов связи и организаторов распространения информации в сети «Интернет», арест телекоммуникаций.

Литература

1. О связи: федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ: ред. от 06.07.2016 // Рос. газета. 2016. № 149.
2. Архипова Н. А. Особенности тактики получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 12–1. С. 76–78.
3. Варданыан А. А., Цыкора А. А. Правовая природа и тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и анализом информации о телекоммуникационных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского гос. ун-та. 2013. № 4 (Ч. 2). С. 21–26.
4. Грошев И. А. Еще раз к проблемам получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–6. С. 138–142.
5. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <http://slovariki.org/tolkovuj-clovar-ozegova/38033>.
6. Соколов Ю. Н. Использование информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в ходе предварительного расследования преступлений // Российский следователь. 2011. № 11. С. 18–22.
7. Стельмах В. Ю. К вопросу о предмете контроля и записи телефоны переговоров как следственного действия // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: мат-лы XVIII междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: ВСИ МВД России, 2013. С. 124–127.
8. Стельмах В. Ю. Проблема процессуальной регламентации следственных действий, направленных на получение сведений, передаваемых по сетям электросвязи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3. С. 108–113.
9. Стельмах В. Ю. Техничко-специальные следственные действий в российском уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2015. № 1. С. 54–60.
10. Хайдаров А. А. Незаконная практика фиксации личной переписки граждан на мобильных устройствах // Уголовный процесс. 2017. № 5 С. 36–41.
11. Цветков В. Я., Сырцев П. Г. Реализация IP-телефонии в территориально распределенной компании // Перспективы науки и образования. 2015. № 3. С. 40–47.
12. Цыкора А. А. Некоторые проблемы производства следственного действия «получение информации между абонентами и (или) абонентскими устройствами» // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–3. С. 239–244.
13. Черкасов В. С., Супрун С. В. О противоречивом характере новеллы в законодательном регулировании следственного действия «наложения ареста на почтово-телеграфные отправления» // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 1. С. 59–64.
14. Шампарова А. В. Особенности получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Публичное и частное право. 2014. № 1. С. 121–128.
15. Шурухнов Н. Г. Процедура и содержание процессуальных информационно-технологических средств сбора доказательств, используемых в российской практике расследования преступлений, совершаемых с использованием современных электронных технологий // Вопросы правождения. 2013. № 5. С. 294–315.

УДК 343.131.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ (АНАЛИЗ ОПЫТА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ COVID-19)

Анна Викторовна Полякова, адъюнкт Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

E-mail: anna.lagutina.94@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы применения цифровых технологий при реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве в условиях действия пандемических ограничений в связи с распространением вирусной инфекции COVID-19. Делается акцент на активном использовании цифровых технологий в судебной стадии и на их подробной правовой регламентации в УПК РФ, в отличие от стадии досудебного производства. Предлагаются возможные пути решения рассматриваемой проблемы, в частности внедрение цифровых технологий в досудебную стадию уголовного процесса по аналогии с судебной стадией. Раскрываются преимущества внедрения электронной формы уголовного дела, что также положительно скажется на механизме реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве.

Ключевые слова: досудебное производство, принцип состязательности сторон, судебное производство, цифровые технологии, электронное уголовное дело, видеоконференцсвязь, пандемические ограничения.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PARTIES AT THE STAGE OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN DIGITAL FORMAT (ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF PROCEDURAL ACTIVITIES IN THE CONDITIONS OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL RESTRICTIONS OF COVID-19)

Anna Viktorovna Polyakova, post graduate of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the problems of using digital technologies in the implementation of the principle of adversarial parties in pre-trial proceedings in the context of pandemic restrictions in connection with the spread of the COVID-19 virus infection. The emphasis is placed on the active use of digital technologies in the judicial stage and their detailed legal regulation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in contrast to the pre-trial stage. The possible ways of solving the problem under consideration are suggested by introducing digital technologies into the pre-trial stage of the criminal process, by analogy with the judicial stage. The advantages of the introduction of the electronic form of the criminal case are revealed, which will also have a positive impact on the mechanism for implementing the principle of adversarial parties in pre-trial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, the principle of adversarial parties, court proceedings, digital technologies, electronic corner case, videoconferencing, pandemic restrictions.

2019–2020 гг. не только в нашей стране, но и во всем мире стали переломными в связи с возникновением и распространением новой, ранее неизвестной вирусной инфекции COVID-19. Угроза массовой гибели людей потребовала введения санитарно-эпидемиологических ограничений, наиболее жесткая форма которых сводилась к режиму самоизоляции граждан. С 28 марта 2020 г. на территории Российской Федерации была прекращена деятельность значительного количества предприятий, многие хозяйствующие субъекты, органы государственного и муниципального управления полностью или частично перешли на режим дистанционной работы.

Снятие санитарно-эпидемиологических ограничений зависело от эпидемиологической ситуации в конкретном субъекте Российской Федерации и в ряде регионов продолжается в той или иной форме вплоть до настоящего времени. При этом, однако, руководство страны гарантировало продолжение бесперебойной работы органов государственной власти, включая судебную систему*.

Сложившаяся ситуация серьезным образом повлияла на работоспособность всей системы правоохранительных органов, вызвала необходимость внедрения новых форм уголовно-процессуальной деятельности. Уголовное судопроизводство, которое является значимой сферой человеческой деятельности с точки зрения защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, не находится в стороне от происходящих событий. Органы предварительного расследования и судебные органы оказались в той сложной ситуации, когда вся их деятельность должна быть эффективной, но в то же время не нарушать права граждан на их здоровье и благополучие в условиях угрозы заражения новой коронавирусной инфекцией. Обеспечение данными лицами собственной безопасности жизни и здоровья также выступает одной из приоритетных задач.

Введение во всех субъектах РФ ряда ограничительных мер, направленных на исключение контактов с окружающими людьми, вплоть до самоизоляции по месту пребывания, привело к тому, что участники уголовного судопроизводства не являлись для производства следственных действий в следственные подразделения и в суд, также оказалось невозможным производство следственных действий с лицами, которые содержатся в ИВС и СИЗО, в связи с закрытием на карантин мест содержания под стражей.

Несмотря на значительные негативные для общества последствия санитарно-эпидемиологических ограничений, пандемия COVID-19 представляла собой уникальный опыт реализации дистанционного формата отдельных стадий уголовного судопроизводства. Сложившаяся ситуация позволила практически проверить готовность уголовного судопроизводства к широкому внедрению цифровых технологий и использованию современных технических средств для оптимизации уголовного процесса.

Вопросы цифровизации уголовного судопроизводства на протяжении последних десятилетий находились в центре исследовательского внимания отечественных и зарубежных правоведов. Теоретические основания перевода тех или иных аспектов уголовного судопроизводства в цифровой режим были рассмотрены в работах Е. В. Марковичевой [3, с. 215–216], С. В. Зуева [2, с. 7–8.], А. А. Усачева [6, с. 100]. Несомненный интерес представляли выводы и положения исследований А. В. Победкина [5, с. 53], Л. Н. Масленникова [4, с. 34], А. А. Григорьева [1, с. 250] и других.

В последние несколько лет законодатель принял нормы, позволяющие реализовывать на практике идею цифровизации судебной стадии уголовного процесса. Так, Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» была введена в УПК РФ статья 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», в которой закреплено,

* URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63061> (дата обращения: 14.03.2021).

что «ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в порядке и сроки, которые установлены настоящим Кодексом, в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов. Электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством Российской Федерации, должны быть подписаны ими электронной подписью в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации».

Федеральным законом от 20.03.2011 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была закреплена возможность допроса свидетеля и потерпевшего судом путем использования систем видеоконференцсвязи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ), а также в УПК РФ была введена статья 278.1 УПК РФ «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи».

Непосредственно в ситуации санитарно-эпидемиологических ограничений 30 апреля 2020 г. Президиумом Верховного Суда РФ был утвержден «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2», который позволил оптимизировать практику судопроизводства в дистанционном режиме с учетом введенных ограничений.

В результате этого судебная система Российской Федерации продемонстрировала в целом достаточно высокую эффективность реализации прав граждан на справедливое правосудие. Суды не прекращали своей работы, активно используя возможности дистанционного формата. В связи с этим показательна высокая оценка деятельности судебной системы, которую дал Президент РФ В. В. Путин 9 февраля 2021 г. на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (в режиме видеоконференции), посвященном итогам работы в 2020 г. и задачам на 2021 г. Президент РФ отметил, что судебная система РФ показала способность быстро адаптироваться к новым условиям, связанным с пандемией коронавируса. Российские суды продемонстрировали один из лучших показателей среди стран Совета Европы. Эксперты Еврокомиссии сочли российскую судебную систему наиболее оперативной, технологически развитой и наименее финансово затратной для граждан* [8].

Однако наряду с позитивными достижениями опыт реализации цифрового судопроизводства в условиях санитарно-эпидемиологических ограничений выявил и ряд серьезных трудностей. К их числу прежде всего следует отнести крайне слабую регламентацию и, соответственно, внедрение цифрового формата на досудебной стадии судопроизводства. Применение цифровых технологий при расследовании уголовных дел законодательно не урегулировано. Единственная статья, где говорится о возможностях применения видео- или аудиотехнологий, – это статья 166 УПК РФ, и в данном контексте мы можем говорить только лишь о фиксации определенных следственных действий с помощью специальных технических средств.

Что же касается самой процедуры применения рассматриваемых технологий в процессе производства следственных действий, которые могли бы существенно облегчить работу органам предварительного расследования, особенно в период пандемических ограничений, то в данном вопросе существует множество нюансов, решение которых в настоящий момент еще не найдено.

Вышеотмеченная сложность оказала негативное влияние на реализацию уголовно-процессуального принципа состязательности сторон. В ситуации санитарно-эпидемиологических

* URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63061> (дата обращения: 14.03.2021).

ограничений и отсутствия разработанных механизмов цифровизации досудебной стадии уголовного процесса принцип состязательности сторон фактически не мог быть реализован в полном объеме. Именно пандемические ограничения позволили выявить проблемы реализации рассматриваемого принципа. В условиях внедрения цифрового формата были обнаружены многие правовые проблемы, которые мешают реализации данного принципа в полном объеме в условиях пандемических ограничений.

Возникло множество вопросов, которые связаны с тем, что правоохранительным органам в сложившихся условиях необходимо обеспечивать надлежащую уголовно-процессуальную деятельность в условиях рекомендованной для граждан самоизоляции и мер ограничительного характера. В данном случае мы говорим о соблюдении сроков расследования уголовных дел, производства неотложных следственных действий, о соблюдении основных прав граждан и основных принципов осуществления уголовного судопроизводства.

Многие адвокатские образования ставили в приоритет сохранение собственной жизни и здоровья, а также жизни и здоровья своих родственников и доверителей. Так, в качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в Кировской области, где правительством области было принято решение о дополнительных ограничительных мероприятиях и особых условиях работы адвокатских образований. В соответствующем постановлении* был сделан акцент на том, что адвокаты должны обеспечивать защиту доверителей в органах предварительного расследования и судах при выполнении с участниками уголовного судопроизводства только следственных действий, которые являются неотложными. Также Адвокатская палата Кировской области подготовила подробный проект ходатайства о переносе следственных действий в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции. Данные ограничения выступают попыткой минимизировать риск ее распространения. Отсюда следует, что реализация принципа состязательности сторон на досудебном производстве усложняется действующими ограничениями и рекомендациями**.

В связи с данными ограничениями осуществление уголовного судопроизводства, главным образом досудебного производства по уголовным делам, стало затруднительным. В особенности это отразилось на реализации принципа состязательности сторон. Так, адвокаты не имели возможности подавать ходатайства и жалобы, переносить следственные действия, проводить юридические консультации со своими доверителями в СИЗО. В свою очередь, сторона обвинения в лице следственных подразделений также оказалась в затруднительном положении: невозможность пригласить защитника подозреваемого (обвиняемого), который находится в условиях вынужденной самоизоляции; производство следственных действий рекомендовано было ограничить до неотложных (здесь опять же возникает вопрос, какие именно следственные действия необходимо считать неотложными); невозможность приостановления производства предварительного следствия по тому основанию, которое предусмотрено п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, которые упрощали бы производство предварительного следствия в сложившихся условиях пандемических ограничений. Также УПК РФ не предусмотрены какие-либо исключения для производства следственных и иных процессуальных действий, их проведение не приостановилось, но вызывало определенные затруднения. Отсюда следует, что досудебное производство оказалось в значительной степени не готовым к реализации своих основных функций в сложившихся условиях. Реализация принципа состязательности сторон как одного из основных принципов уголовного судопроизводства оказалась затруднительна.

* О внесении изменений в постановление правительства Кировской области от 24.03.2020 № 122-П: постановление правительства Кировской области от 31.03.2020 № 130-П.

** URL: <https://apkirov.fparf.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

В уже упомянутом Обзоре Президиума Верховного Суда РФ от 30 апреля 2020 г. не были освещены вопросы, касающиеся деятельности органов предварительного расследования на досудебном производстве, хотя они являются достаточно важными.

Таким образом, мы наблюдаем значительный дисбаланс в степени разработанности практики реализации различных стадий уголовного судопроизводства в цифровом формате. Если опыт санитарно-эпидемиологических ограничений выявил достаточно высокую эффективность цифровых технологий на стадии судебного заседания, то на стадии предварительного расследования их внедрение находится еще в зачаточном состоянии: в настоящее время говорится лишь о применении только технических средств для фиксации результатов производства следственного действия.

Вместе с тем подобное положение дел не соответствует уровню возможного внедрения. Так, по аналогии вполне реально осуществлять прием жалоб, заявлений и ходатайств, которые заявляет сторона защиты, при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, и тем самым реализация принципа состязательности сторон в досудебном производстве будет осуществляться в полной мере и на должном правовом уровне. То же самое касается производства следственных действий при помощи видеоконференцсвязи. При неосуществимости непосредственного участия адвоката, подозреваемого или обвиняемого в допросе, возможно их участие дистанционно. Отсутствие разработанности данных процедур в цифровом формате не позволяет не только достичь цели бесперебойного функционирования правосудия, но и нарушает принцип состязательности сторон.

В условиях современной цифровизации среди ученых-процессуалистов активно обсуждается вопрос внедрения электронной формы уголовного дела, которая позволит упростить многие процессуальные процедуры досудебного производства, а также снизить риски возможной фальсификации доказательств. Электронный формат уголовного дела даст возможность существенным образом минимизировать вынужденное ограничение прав участников уголовного судопроизводства, а также своевременно обеспечить защиту их законных интересов и существенным образом обеспечить реализацию принципа состязательности сторон.

Основной объем работы по установлению лиц, причастных к совершению противоправного деяния, а также по собиранию доказательственной информации осуществляется в ходе досудебного производства. Именно поэтому разработка цифровых технологий в данной стадии достаточно важна и актуальна, ведь это значительно упрощает обеспечение прав граждан при осуществлении уголовного судопроизводства. Все те действия, которые совершаются в процессе производства предварительного расследования, а также принятие всех процессуальных решений оформляются соответствующими уголовно-процессуальными документами. Тем самым введение электронной формы уголовного дела представляется немаловажным для реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве, во многом она позволит увеличить доступность участников уголовного процесса к материалам уголовных дел.

Анализ полученного опыта реализации досудебного производства в условиях санитарно-эпидемиологических ограничений дает возможность сформулировать сущность научной проблемы цифровизации досудебного производства. Без разрешения вопроса о том, предусматривает ли действующее уголовно-процессуальное законодательство особые условия участия стороны защиты и обвинения в реализации принципа состязательности сторон, когда их здоровью может угрожать опасность, и как эти условия можно соотносить с рассматриваемым принципом, невозможно дальнейшее развитие процессуальной науки на пути широкого внедрения цифровых технологий.

Нет сомнений в том, что именно цифровые технологии выступают средством, при помощи которого осуществление уголовного судопроизводства должно происходить в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. Только разработанные

нормы цифровизации досудебного производства позволят полностью реализовать принцип состязательности сторон на данной стадии и исключат возможность нарушения прав и свобод граждан. Все это является важным шагом в направлении совершенствования расследования уголовных дел в ходе осуществления досудебного производства.

Успешный опыт применения цифровых технологий, который был накоплен судами, необходимо использовать и переработать его в соответствии с деятельностью органов предварительного расследования. Развитие электронного документооборота в уголовном процессе, а именно возможность подачи некоторых процессуальных документов в органы предварительного расследования путем использования сети «Интернет», допустимость использования видеоконференцсвязи при производстве следственных и иных процессуальных действий на досудебном производстве, а также изучение возможности введения в практическую деятельность электронного уголовного дела – все это во многом будет способствовать решению проблемы реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве в условиях его реализации в цифровой форме.

Для решения рассматриваемой проблемы, а именно применения цифровых технологий в условиях пандемических ограничений, прежде всего необходимо внести соответствующие изменения в УПК РФ, которые касаются законодательного регулирования механизма осуществления предварительного расследования в условиях пандемии.

Так, предлагается ввести дополнительную гл. 21.1 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина)». В данной главе определить процедуры и порядок осуществления расследования уголовных дел в условиях пандемических ограничений, а именно: порядок проведения следственных действий, в том числе с применением цифровых технологий; правовой статус участников уголовного процесса, порядок признания их таковыми; порядок подачи ходатайств и жалоб для соблюдения принципа состязательности сторон; обращение участников уголовного процесса в порядке ст. 125 УПК РФ.

Также для того, чтобы облегчить осуществление уголовного судопроизводства в период пандемических ограничений, необходимо внедрение современных цифровых технологий на базе создания автоматизированного рабочего места следователя (АРМ «Следователь»), которое позволит осуществлять расследование уголовных дел в условиях пандемических ограничений без угрозы для жизни и здоровья для других участников уголовного судопроизводства. В данной программе необходимо создать так называемые шаблоны процессуальных документов и алгоритм их заполнения и рассмотрения. Безусловно, это станет возможным после внедрения так называемого электронного уголовного дела на базе создания информационной оболочки шаблона цифрового уголовного дела, который будет использоваться следственными подразделениями и судами в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела.

Данные меры потребуют определённых как финансовых, так и умственных затрат, так как реализовывать что-либо новое в рамках устоявшихся процедур всегда сложно. Иногда это воспринимается достаточно негативно в основном из-за недостаточной осведомлённости о новых методах работы цифровых систем и технологий.

Подводя итоги, следует признать, что в условиях пандемических ограничений судебное производство оказалось наиболее подготовленным к переходу в цифровой формат и использованию передовых технологий, чего нельзя сказать о досудебном уголовном судопроизводстве. Здесь существуют значительные правовые проблемы в применении цифровых технологий при расследовании уголовных дел, которые требуют своего разрешения. Без преодоления этой проблемы невозможна полноценная реализация принципа состязательности сторон и в целом уголовно-процессуальная защита прав граждан.

Для решения рассматриваемой проблемы в нашей стране имеется огромный потенциал. Прежде всего необходимо внести изменения в УПК РФ, касающиеся правовой регламентации применения цифровых технологий в условиях действия пандемических ограничений при расследовании уголовных дел. А уже после этого начать постепенное внедрение и оснащение органов внутренних дел необходимыми цифровыми платформами, позволяющими осуществлять свою работу без нарушений основных прав и свобод граждан, соблюдая при этом необходимые ограничения.

Литература

1. Григорьев А. А. Цифровизация уголовного судопроизводства: перспективы развития // Актуальные проблемы экономики и права: сб. науч. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под общ. ред. Б. М. Магомедова. Ростов н/Д, 2020. С. 248–251.
2. Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.
3. Марковичева Е. В. Цифровизация уголовного процесса: мифы и реальность // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского гос. ун-та. Краснодар, 2020. С. 213–217.
4. Масленников Л. Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 34–36.
5. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 50–55.
6. Усачев А. А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 100–111.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Петр Николаевич Кобец, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

E-mail: vnii04@tn.mvd.ru

dfvnii@mail.ru

Статья содержит аналитический обзор законодательных мер противодействия незаконной иммиграции в современной Японии и функционирования специальных учреждений (иммиграционный центр, следственный изолятор и др.), обеспечивающих содержание под стражей иностранных мигрантов, задержанных за нарушения иммиграционного законодательства.

Ключевые слова: иностранный гражданин, незаконная миграция, содержание под стражей, миграционная безопасность, миграционная полиция, Министерство юстиции Японии, Иммиграционное бюро Японии, центр временного содержания.

COUNTERING ILLEGAL IMMIGRATION IN MODERN JAPAN

Peter Nikolaevich Kobets, chief researcher of the Russian research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor;

Ilya Viktorovich Nikitenko, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

The work contains an analytical review of legislative measures to counter illegal immigration in modern Japan and the functioning of special institutions that ensure the detention of foreign migrants detained for violations of immigration law. The article presents the opinions of domestic and foreign experts, many of which are taken from sources in foreign languages, on the activities of special institutions in which foreigners can be held in custody, namely: an immigration center, a pre-trial detention center or any other appropriate place appointed by the Minister of Justice or the immigration inspector.

Keywords: foreign citizen, illegal immigration, detention, migration security, migration police, Ministry of Justice of Japan, Immigration Bureau of Japan, temporary detention Center.

Рассуждения на тему о закрытости Японии уже не актуальны хотя бы потому, что в ней на постоянной основе проживает более 2 млн человек, не имеющих японского гражданства. Кроме того, Японские острова ежегодно посещают более 10 млн туристов из разных стран, надписи на маршрутных указателях в крупных городах содержат информацию на двух и даже на трех языках. Много говорит о том, что современная Япония вовлечена в процессы, связанные с мировой глобализацией.

Однако статистические данные свидетельствуют о том, что некоторые проявления «закрытости» японского общества сохраняются и сегодня. Так, доля представителей других проживающих в Японии национальностей составляет не более 1,8 % от всего населения [1, с. 226].

Несмотря на то, что иностранные граждане и лица без гражданства (далее по тексту – иностранцы) составляют в Японии не более 2 % от общей численности коренного населения, правительство старается прилагать как можно больше усилий для снижения обеспокоенности общества от пребывания в стране иностранцев [4, с. 65]. Эта проблема становится более острой, чем существующий демографический кризис.

Одной из стратегий японского правительства при решении рассматриваемой проблемы является планомерное сокращение числа иностранцев, которые не имеют разрешения на проживание [8]. В качестве меры для осуществления этой политики предлагается обязательное задержание и содержание под стражей иностранцев, допустивших нарушения миграционного законодательства, а также незаконных мигрантов*.

Правовой регламент административного задержания и заключения под стражу иностранцев, нарушивших миграционное законодательство, определен Законом № 319 от 1951 г. «Об иммиграционном контроле и признании статуса беженца» (далее по тексту – Закон № 319)**.

Кроме указанного закона к числу нормативно-правовых актов, регламентирующих содержание под стражей задержанных иностранцев, относится Постановление Министерства юстиции Японии № 59 от 1981 г. об обеспечении соблюдения Закона «Об иммиграционном контроле и признании статуса беженца» (с поправками 1993 г.)***. В этом нормативном правовом акте закреплены общие руководящие принципы обращения с задержанными иностранцами в иммиграционных центрах содержания под стражей. Кроме того, в нем определены бытовые условия, которые предоставляются задержанным лицам в центрах содержания под стражей, и гарантируется оказание медицинской помощи. Соответствующие положения, связанные с административным задержанием иностранцев, а также условиями их содержания под стражей, регламентируют законы «О возмещении ущерба», «О защите личной свободы», «Об административном судопроизводстве», «Об иммиграционном контроле и признании беженцев».

За невыполнение требований, предусмотренных ст. 70 Закона № 319, а также за нарушения ряда других положений иммиграционного законодательства, включая незаконный въезд на территорию Японии, предусмотрена уголовная ответственность. Так, в качестве санкций за подобные деяния предусмотрены лишение свободы на срок до трех лет или штраф в размере до 3 млн иен. Кроме того, возможно наказание по совокупности: лишение свободы с обязательным привлечением к работам или без работ и наложение штрафных санкций. Однако в соответствии со ст. 70–2 Закона № 319 иностранные лица, официально признанные беженцами на основании обращения с просьбой предоставить убежище сразу же после въезда на территорию Японии или по истечении разрешенного срока пребывания в стране, освобождаются от предусмотренных наказаний.

* Cabinet Office, Government of Japan. Survey on International Labor Migration. 2010. UPL: <http://www8.cao.go.jp/survey/h22/h22-roudousya/index.html> (дата обращения: 20.01.2021).

** Immigration Control and Refugee Recognition Act (Cabinet Order No. 319 of 1951). UPL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/icrra.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

*** Ordinance of the Ministry of Justice No. 59 of 1981 respecting enforcement of the Immigration Control and Refugee Recognition Law (as amended through Ordinance No. 20 of 1993). UPL: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=&p_isn=39514 (дата обращения: 20.01.2021).

В соответствии с иммиграционным законодательством все иностранцы по прибытии на территорию Японии обязаны получить «статус пребывания», который определяет сроки возможного нахождения в стране и характер деятельности иностранцев. Максимальный же срок пребывания иностранцев не может превышать трех лет. Однако данная норма не распространяется на дипломатических работников, должностных лиц, представляющих международные организации и иностранные государства. Если у иностранцев возникает необходимость продлить срок пребывания в стране или изменить характер своей деятельности, то им следует получить на это разрешение Министерства юстиции Японии. В случае нарушения перечисленных положений иммиграционного законодательства возникают основания для задержания иностранцев и их депортации из страны.

Основания для задержания иностранцев содержатся в ст. 39 (Задержание) Закона № 319, которая предусматривает, что сотрудник иммиграционного контроля может задерживать иностранцев, подозреваемых в принадлежности к одной из категорий, указанных в ст. 24 (Депортация). За инициирование процедур депортации и выдачу ордеров на задержание отвечают должностные лица Иммиграционного бюро Японии. Они руководствуются принципом *Zenken-Shuyo Shugi* – «заключение под стражу всех нарушителей» [9].

Содержание под стражей является обязательным для всех иностранных граждан, которым грозит депортация. Лишь в исключительных случаях Иммиграционное бюро дискреционно предоставляет иностранцам временное освобождение [3, с. 142].

Задержание несовершеннолетних иностранцев составляет предмет отдельного исследования. Вместе с тем необходимо отметить, что японское правительство считает, что следует избегать задержания несовершеннолетних и что если их и задержали, то дело их должно рассматриваться в кратчайшие сроки*.

Япония ратифицировала Конвенцию ООН о статусе беженцев (1957 г.) и соответствующий международный Протокол (1967 г.), а в 1982 г. были внесены дополнения в миграционное законодательство Японии, приводящие его в соответствие с положениями международных договоров и определяющие процедуры предоставления убежища. В 2005 г. в миграционное законодательство внесены поправки, предусматривающие процедуру апелляции на отрицательные решения по ходатайствам о предоставлении убежища**.

Просители убежища могут содержаться под стражей вплоть до решения суда. Однако в некоторых случаях лицам, ищущим убежище, может быть предоставлено право на временное проживание. При этом важно отметить, что просителям убежища государственная правовая помощь не предоставляется.

В соответствии со ст. 10.10 Закона № 319 иностранцы, не имеющие разрешительных документов, задерживаются службой миграционного контроля. Задержанные лица обязаны находиться в специально отведенных местах (вблизи места въезда или выезда) в ожидании депортации или завершения других миграционных процедур. На практике же задержанные иностранцы размещаются в помещениях, предназначенных для ожидания вылета.

В 2009 г. принята законодательная поправка, которая предусматривает создание системы управления проживанием, включающей выдачу вида на жительство. Она заменила прежнюю систему регистрации иностранцев. В соответствии с предыдущей системой иностранцы, как имеющие необходимые документы, так и без документов, могли

* Japan Federation of Bar Association (JFBA). 2009. The Japan Federation of Bar Associations' Report on the Japanese Government's Third Report on The Convention on the Rights of the Child and the Initial Reports on OPAC & OPSC. UPL: http://www.nichibenren.or.jp/library/ja/kokusai/humanrights_library/treaty/data/child_report_3_en.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

** Immigration Bureau. The Immigration Control and Refugee Recognition Act: FY2005 Amendment.

получить свидетельство о регистрации*. В соответствии с новой системой незаконные мигранты больше не могут получать документы, удостоверяющие личность, от иммиграционных властей.

В Японии неоднократно выражали обеспокоенность по поводу того, что подобные изменения приведут к социальной изоляции мигрантов и особенно их нелегальной части, так как нововведение ограничит возможности мигрантов получать социальные услуги, кроме того, ранее выполняемые функции по регистрации иностранцев органами местного самоуправления перейдут к службам иммиграционного контроля [5, с. 21].

В связи с этим японское правительство ввело дополнительные положения в Закон № 319, в частности, задержанным незаконным мигрантам предоставляются временное освобождение и административные услуги для оформления необходимых документов. После принятия этих положений Японская федерация ассоциаций адвокатов выступила с заявлением, в котором выражалась просьба к местным органам власти действовать так, чтобы реализация данных положений не затронула права человека, которые должны быть гарантированы иностранным гражданам, находящимся в стране без необходимых документов.

Была принята также законодательная поправка, устанавливающая правила обращения с задержанными в местах содержания под стражей, в соответствии с которой лица, заключенные под стражу непосредственно в месте их прибытия, обладают теми же правами, что и лица, помещенные в обычные иммиграционные центры содержания под стражей.

Задержанные, желающие оспорить постановление о их депортации или задержании, могут обратиться с просьбой о судебном пересмотре этих постановлений в соответствии с положениями Закона «О защите личной свободы» или Закона «Об административных делах». Максимальный срок административного задержания мигрантов не ограничен. Иммиграционные власти могут выдать ордер на арест на первоначальный период в 30 дней, когда есть веские основания полагать, что к задержанному необходимо применить один из пунктов ст. 24 «Депортация». Этот срок может быть продлен еще на 30 дней на основании ст. 39 «Задержание» и ст. 41 «Срок и место содержания под стражей и заключение под стражу». После же вынесения постановления о депортации срок содержания под стражей не ограничивается. Задержанное лицо на основании ст. 52 «Исполнение письменных распоряжений о депортации» может содержаться под стражей до тех пор, пока не станет возможным исполнение решения о депортации. В соответствии со ст. 44 Закона № 319 (Выдача подозреваемого) в течение первых 48 часов после задержания лицо доставляется сотрудником иммиграционного контроля к иммиграционному инспектору с тем, чтобы определить, подпадает ли оно под одну из категорий, предусмотренных в ст. 24 «Депортация». В соответствии со ст. 48.6 указанного закона, если после изучения доказательств будет установлено, что ст. 24 неприменима к временно задержанному, то иммиграционный инспектор должен немедленно его освободить. В соответствии со ст. 43 Закона № 319 (Чрезвычайные ситуации) сотрудник иммиграционного контроля может также задержать лицо без письменного постановления о задержании в случае, когда есть веские основания полагать, что задержанный может скрыться до вынесения письменного постановления о его задержании. В этом случае сотрудник иммиграционной службы обязан уведомить инспектора иммиграционной службы, осуществляющего надзор, и просить о выдаче письменного распоряжения о задержании лица сразу же после его задержания.

* Japan Federation of Bar Association (JFBA). 2009. The Japan Federation of Bar Associations' Report on the Japanese Government's Third Report on The Convention on the Rights of the Child and the Initial Reports on OPAC & OPSC. UPL: http://www.nichibenren.or.jp/library/ja/kokusai/humanrights_library/treaty/data/child_report_3_en.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

** Immigration Bureau. The Immigration Control and Refugee Recognition Act: FY2005 Amendment. Ministry of Justice. 2009. Website «Changes to the Immigration Control Act». UPL: http://www.immi-moj.go.jp/english/newimmiact/newimmiact_english.html (дата обращения: 20.01.2021).

На основании ст. 44 Закона № 319 (Доставка подозреваемого) ордера на арест, выданные иммиграционными властями, не подлежат контролю со стороны судебных органов. Однако задержанное лицо должно быть представлено в течение 48 часов с момента взятия его под стражу иммиграционному инспектору, который изучит доказательства, на которых основано задержание. Бремя доказывания в рамках таких процедур лежит на самом задержанном (ст. 46).

По Закону № 319, всем задержанным лицам из числа иностранцев должна предоставляться надлежащая информация об их правовом положении, которая включает: предъявление ордера на задержание с информацией о причинах задержания (ст. 42 «Порядок содержания под стражей»); уведомление о депортации (ст. 47.3 «Процедуры после экспертизы»); предъявление ордера на депортацию в момент исполнения решения (ст. 52.3 «Исполнение письменных распоряжений о депортации»).

На основании ст. 48 Закона № 319 задержанному иностранцу предоставляется право обратиться с просьбой о рассмотрении своего дела специальным следователем. Если же иностранец не согласен с выводами специального следователя, то в соответствии со ст. 49 «Подача возражения» возражение относительно решения по его делу может быть подано министру юстиции Японии.

В соответствии со ст. 52.5 Закона № 319, если по какой-либо причине задержанное лицо не может быть немедленно депортировано, оно может быть задержано или содержаться под стражей до тех пор, пока депортация не станет возможной. А на основании ст. 52.6, если будет установлено, что данное лицо не подлежит депортации, директор центра временного содержания под стражей может освободить его, но при определенных законом условиях.

Необходимо отметить, что иммиграционное бюро является подразделением Министерства юстиции, отвечающего за исполнение иммиграционного законодательства. Бюро имеет восемь региональных отделений и семь районных, включая иммиграционные бюро в аэропортах. Все восемь региональных бюро, семь районных иммиграционных бюро и один филиал имеют места содержания под стражей*.

Сегодня в Японии функционируют три основных центра временного содержания под стражей иностранцев, задержанных за нарушения иммиграционного законодательства, которые находятся в ведении Министерства юстиции Японии: Хигаси-Нихон, Ниши-Нихон и Омуры. Распространенной практикой является направление задержанных в один из трех указанных центров, если есть основания полагать, что продолжительность заключения будет длительной [11].

Иммиграционные бюро Японии издают приказы о заключении под стражу и депортации. За исполнение таких приказов отвечают охранные службы.

В соответствии со ст. 39 Закона № 319 (Задержание) сотрудник иммиграционного контроля может задерживать лицо, подозреваемое в нарушении установленных иммиграционным законодательством Японии правил, на основании постановления о задержании, вынесенного иммиграционным инспектором. Кроме того, статья 43.1 уполномочивает полицию, по просьбе инспектора иммиграционной службы, задерживать подозреваемых лиц и заключать их под стражу. В связи с этим статья 41.2 уточняет, что задержанные иностранцы могут содержаться в иммиграционном центре содержания под стражей, следственном изоляторе или любом другом надлежащем месте, назначенном иммиграционным бюро или инспектором по надзору за иммиграцией.

На основании положений Закона № 319, регламентирующих порядок и условия обращения с задержанными, определен минимум гарантий, которые должны соблюдаться: обеспе-

* Japanese Ministry of Justice. UPL: <http://www.moj.go.jp/content/001221539.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

чение безопасности и надлежащих бытовых условий (питание, постельные принадлежности и санитарные услуги).

Положения об обращении с задержанными были изданы Министерством юстиции в 2001 г. и применяются к иностранцам, содержащимся под стражей в административном порядке [6, с. 48]. В соответствии с этим регламентом была установлена процедура подачи административных жалоб, известная как апелляция на жалобу, в соответствии с которой задержанные могут подавать жалобы в Иммиграционное бюро относительно нарушений обращения с ними со стороны сотрудников иммиграционной службы. Такие жалобы должны подаваться в течение семи дней после предполагаемых фактов. После подачи жалобы директор следственного изолятора должен провести расследование и принять соответствующее решение.

Вместе с тем Комитетом против пыток и Комитетом по ликвидации расовой дискриминации была выражена озабоченность по поводу эффективности этой процедуры. Подавляющее большинство жалоб отклоняются из-за отсутствия достаточных доказательств. Задержанные, желающие подать жалобу на применение пыток, могут подать гражданский или административный иск в связи с их обращением в суды за нарушение Закона «О деликатной ответственности государства». Вместе с тем следует отметить, что статья 6 этого закона требует взаимности, т. е. чтобы иностранные граждане из стран, которые не признают права японских граждан требовать государственной компенсации, сами не могли обращаться за возмещением.

В 2010 г. в Японии был создан Комитет по посещению иммиграционных центров содержания под стражей. Сегодня в Японии функционируют несколько подобных комитетов. Представители этих органов проводят инспекции в местах содержания под стражей и опрашивают задержанных. В соответствии с законодательством в состав каждого комитета входят 10 лиц, назначаемых министром юстиции, среди которых два представителя науки, по два юриста и представителя здравоохранения, двое из международных организаций или неправительственных организаций и два представителя местных общин*.

Задержанные иммигранты могут ходатайствовать о временном освобождении из мест содержания под стражей в соответствии со ст. 54 Закона № 319 (Временное освобождение). Директор иммиграционного центра содержания под стражей или инспектор по надзору за иммиграцией могут временно освободить задержанного с выплатой залога в размере не более 3 млн иен. Временное освобождение может включать ограничения на место жительства и передвижения, а также обязательство явиться по требованию иммиграционного бюро (ст. 54.2 Закона).

В соответствии с положением ст. 55 «Отмена предварительного освобождения» временное освобождение может быть отменено, если соответствующее лицо не выполнило условия временного освобождения, например, обязательство явиться по просьбе, или если директор центра содержания под стражей или инспектор по надзору имеют основания подозревать, что соответствующее лицо может скрыться.

В Японии существуют также другие учреждения для содержания под стражей лиц, задержанных за нарушение миграционных правил. К их числу относятся специализированные центры долгосрочного содержания иммигрантов под стражей, дома содержания под стражей в региональных иммиграционных управлениях, пункты ожидания вылета, предназначенные для содержания иностранцев, которым отказано во въезде в страну [7].

Помещения для содержания под стражей, которые имеются в иммиграционных службах, хотя и могут использоваться для длительного содержания под стражей, но предназначены главным образом для содержания иностранцев в течение непродолжительного времени – до тех пор, пока они не будут переведены в специализированный центр содержания под стражей иммигрантов на более длительный срок. Все центры содержания под стражей находятся

* Japanese Ministry of Justice. 2009. Website «Changes to the Immigration Control Act». URL: http://www.immi-moj.go.jp/english/newimmiact/newimmiact_english.html

в ведении иммиграционного бюро, кроме пунктов в аэропортах, которые находятся в ведении частных охранных фирм [11, р. 4]. В ведении иммиграционного бюро находятся изоляторы административного задержания иностранных граждан и центры временного содержания иммигрантов. Центры содержания под стражей расположены в региональных иммиграционных бюро, районных иммиграционных бюро [12, р. 30].

В иммиграционных центрах содержания под стражей заключенные иностранцы находятся в помещениях камерного типа. Эти помещения рассчитаны на размещение 2–8 человек в зависимости от типа учреждения. Кроме того, в зависимости от типа учреждения различаются и условия содержания заключенных под стражей. Так, например, в некоторых учреждениях встречи между заключенными, находящимися в различных блоках, исключены. Такие заключенные могут встречаться друг с другом только в определенное режимными требованиями время. Однако есть некоторые исключения, как, например, в иммиграционном бюро города Нарита, где позволяют супружеским парам проводить время вместе, даже если они находятся в разных блоках. Однако эти меры принимаются только по усмотрению директора учреждения.

Содержащиеся под стражей в административном порядке иностранцы, как правило, имеют доступ к общим местам отдыха и прачечной. Продолжительность времени, в течение которого задержанные могут свободно передвигаться по определенным помещениям, варьируется [2].

Заключенные под стражу иностранцы, содержащиеся в иммиграционных центрах, имеют право на общение с посетителями путем свиданий. Посетители из числа членов их семей, друзей, адвокатов могут общаться с задержанными в течение 30 минут в рамках одного посещения. Письма задержанных подвергаются цензуре, а телефонные звонки ограничены.

Следует отметить, что директор каждого иммиграционного учреждения действует по своему усмотрению, например, относительно продолжительности предоставляемого задержанным свободного времени, что приводит к утверждениям о неравном положении заключенных под стражу и о произвольном обращении с ними.

За совершение дисциплинарных проступков к задержанным иностранцам могут применяться разные дисциплинарные меры. В иммиграционных центрах имеются изоляторы для обеспечения безопасности задержанных и поддержания порядка в этих учреждениях. Однако имели место случаи, когда такие помещения использовались как места для наказания задержанных. Более того, правозащитные организации сообщали о многочисленных фактах злоупотреблений в местах содержания под стражей, включая физическое, психологическое и сексуальное насилие; неудовлетворительные условия содержания заключенных; переполненность и несоответствие санитарным нормам; отказ в доступе к медицинским услугам и недостаточные возможности для необходимой физической активности; чрезмерные ограничения на общение с членами семьи и лицами, оказывающими юридическую помощь*.

Правительство Японии неоднократно подвергалось критике за отсутствие законодательных ограничений на продолжительность содержания под стражей. В основном срок содержания под стражей составляет менее шести месяцев, однако сообщалось о случаях, когда такой срок превышал год. По данным организации «Международная амнистия Японии», в пунктах ожидания вылета в аэропортах имели место случаи, когда администрация этих учреждений отказывала наблюдателям из неправительственных организаций в контактах с заключенными, скрывая присутствие таких лиц. Подобные злоупотребления являются результатом того, что пребывающие на этих объектах задержанные считаются не въехавшими в Японию. Есть официальная информация о том, что иностранные граждане, включая просителей убежища, которым было отказано во въезде в Японию, подвергались жестокому обращению в ходе

* Japan Federation of Bar Associations. Japan Federation of Bar Associations Report on the Japanese Government's Implementation of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. January 18, 2007.

допросов и содержания под стражей в аэропортах. Некоторым было отказано в доступе к переводчикам в ходе допроса, а некоторым задержанным было отказано в контактах со своими семьями, дипломатическими представительствами или юридическими советниками. Кроме того, информация о процессе определения статуса беженца не предоставляется на языках, понятных задержанным*.

В заключение необходимо отметить, что обязательное задержание и содержание под стражей лиц из числа иностранных граждан, злоупотребляющих своим положением, является эффективной мерой по реализации миграционной политики Японии, направленной на сокращение в стране иностранных граждан и лиц без гражданства. При этом большинство из проблемных вопросов, которые связаны с реализацией политики и практики страны в области содержания под стражей иностранцев, в том числе отсутствие в законодательстве сроков содержания под стражей, не всегда соответствующие международным стандартам условия содержания под стражей, критикуется японским гражданским обществом. Следует признать, что критика привела к некоторым изменениям и определенному улучшению условий содержания иностранцев, находящихся под стражей в административном порядке в японских специализированных учреждениях.

Из полученной в ходе исследования информации следует, что в современной Японии функционирует в целом эффективная система противодействия незаконной миграции как важный компонент обеспечения миграционной безопасности государства. Однако очевидно и то, что эта система имеет ряд проблем, связанных прежде всего с обеспечением прав заключенных под стражу задержанных за нарушения иммиграционного режима. Вместе с тем некоторые элементы функционирования японской системы, положительный опыт по противодействию незаконной миграции представляют для России практический интерес, что обуславливает целесообразность дальнейшего исследования в этой сфере.

Литература

1. Белов К. В. Социально-политические аспекты иммиграционной политики Японии. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. Т. 6. С. 226-242.
2. Дин, Мэрилл. Япония: беженцы и просители убежища. Writenet Report, 2006.
3. Кобец П. Н. Иммиграционная служба Японии – важнейший элемент в системе управления процессами внешних миграционных потоков // Международный журнал теории и научной практики. 2019. Т. 2 № 3. С. 140–144.
4. Кобец П. Н., Никитенко И. В. Особенности противодействия незаконной миграции в Японии (криминологический анализ) // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (48). С. 63-69.
5. Кобец П. Н. Особенности миграционной политики Японии в конце второго десятилетия XXI столетия. Миграционное право. № 3. 2020. С. 20–23.
6. Кобец П. Н. Японский опыт противодействия нарушению иностранными гражданами миграционного законодательства и визового режима // Международный журнал теории и научной практики. 2019. Т. 2. № 2. С. 47–49.
7. Asis, Maruja M. B. Not Here for Good? International Migration Realities and Prospects in Asia // Japanese Journal of Population. 2004. Vol. 2(1). P. 18–28. UPL: http://gsti.miis.edu/CEAS-PUB/2003_Cameron.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
8. French, Howard W. Insular Japan Needs, but Resists, Immigration // New York Times. 2003. July 24. UPL: <http://www.nytimes.com/2003/07/24/international/asia/24JAPA.html> (дата обращения: 20.01.2021).
9. Fujimoto, Nobuki (Hurights Osaka). Zenken-Shuyo Shugi. UPL: <http://www.hurights.or.jp/japan/aside/human-rights-of-migrants/2006/08/post-2.html>. (дата обращения: 20.01.2021).
10. Shoji, Hiroka (Amnesty International-Japan). Interview with Yuki Kobayashi (Global Detention Project). Geneva, Switzerland. November 12, 2012.
11. Shoji, Hiroka. 2009. Immigration Detention and the Role of Civil Society. M-Net, No. 154. November 2012. P. 3–5.
12. Shoji, Hiroka. Immigration Detention Facilities: Why there are persistent violence? Sekai, September, 2010. P. 29–32.

* Amnesty International, Japan. 2002. Welcome to Japan? UPL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ce502664.htm>. (дата обращения: 20.01.2021).

УДК 343

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Павел Леонидович Сердюк, старший преподаватель Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук,

E-mail: pavel.ser@mail.ru

В статье исследуются вопросы, связанные с совершенствованием законодательства по борьбе с коррупцией в России и эффективностью его применения на практике на протяжении постсоветского периода. Проводится сравнительный анализ международно-правовой политики по решению этой проблемы. Отмечается эффективность реализации президентских указов и соответствующих целевых программ, касающихся борьбы с коррупцией. Даются предложения по вопросам совершенствования предупредительных мер при решении данной проблемы.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, коррупционные преступления, коррупционерность, противодействие коррупции.

ISSUES OF IMPROVING THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN RUSSIA: CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Pavel Leonidovich Serdyuk, senior lecturer of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article examines the issues related to the improvement of anti-corruption legislation in Russia and the effectiveness of its application in practice during the post-Soviet period. A comparative analysis of the international legal policy to address this problem is carried out. The effectiveness of the implementation of presidential decrees and relevant targeted programs related to the fight against corruption is noted. Suggestions are given on how to improve preventive measures in solving this problem.

Keywords: corruption, fight against corruption, corruption crimes, corruption, anti-corruption.

Понятие коррупции включает в себя столько видов и форм преступных проявлений, что однозначного его толкования нет ни в российской, ни в мировой юридической литературе. В документах Совета Европы, например, коррупция определялась как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп» [7, с. 100]. Конвенция Организации Объединенных Наций шире подходит к определению коррупции. В это понятие включается наряду с подкупом национальных публичных должностных лиц также подкуп иностранных публичных должностных лиц, должностных лиц публичных международных организаций, хищение, присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом, а также злоупотребление влиянием в корыстных целях, незаконное обогащение и подкуп в частном секторе [8].

На сессии Комитета министров Совета Европы в 1998 г. была принята Конвенция, которая уточняет понятие коррупции и предусматривает значительное усиление уголовной ответственности за коррупционные деяния. Создана межгосударственная организация по борьбе с коррупцией, в которую вошли представители 17 государств. На конференции в 1999 г. в Кишиневе была принята резолюция «О борьбе с коррупцией», в которой кроме уголовно-правовых мер предлагались также и гражданско-правовые меры. Это предложение было закреплено в Конвенции Совета Европы, что нужно признать существенным усилением

комплекса международно-правовых мер по предупреждению этого негативного социального явления. В частности, в Конвенции предусмотрена государственная гарантия возмещения в полном объеме ущерба или упущенной выгоды, причиненных в результате коррупционных проявлений, в том числе и за счет государства [5].

В России в постсоветский период коррупционные преступления получили не только особое распространение, но значительно увеличилась их общественная опасность. Изменились формы и методы коррупции, что существенно затруднило борьбу с ней на основе устаревшего уголовного законодательства. Долгое время в уголовном праве нашей страны не было выработано даже определения коррупции как преступления. Например, в Законе Республики Башкортостан «О борьбе с коррупцией» (1994 г.) это явление определялось как *«использование лицами, уполномоченными на реализацию функций органов государственной власти, управления, органов правосудия... своего официального положения и связанных с ним возможностей для противоправного, вопреки интересам службы или деятельности, извлечения материальных благ и преимуществ»* [3, с. 37].

Рост коррупции в России, по официальной статистике, начался с момента усиления борьбы с ней, т. е. с принятия Указа Президента РФ от 4 апреля 1992 г. «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». Тогда было возбуждено 3331 уголовное дело о взяточничестве, из них 1908 дел – на лиц, связанных с властью (+ 797 дел против предыдущего года). За 5 месяцев 1993 г. количество уголовных дел о взяточничестве выросло до 4497 дел, что на 1166 дел больше, чем в целом за 1992 г. [4].

Увеличение в стране коррупции в указанный период В. А. Шабалин рассматривал как результат роста отклоняющегося поведения при наличии определенных условий. «Это состояние, как правило, возникает в переходные периоды, характеризующиеся стремительными темпами общественных перемен, к которым не может столь же быстро приспособиться значительная часть людей» [10].

Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1999–2000 гг. содержала ряд дополнительных мер в борьбе с преступлениями экономического характера. В частности, это были меры, препятствующие криминальной деятельности коррумпированных должностных лиц, связанной с добычей и переработкой нефти и газа. Но Программа запоздала, так как эти природные богатства были уже распределены предыдущим правительством. Государство фактически еще не было готово бороться с коррупцией в условиях новой формации. В своем докладе на Совете Федерации в феврале 1997 г. Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. И. Скуратов откровенно признал: «Общественность обманывают, что борьба с коррупцией ведется, на самом деле эта борьба лишь имитируется».

По сути, реальное наступление на коррупцию в России началось лишь с 2008 г., когда был издан следующий президентский Указ «О мерах по противодействию коррупции». На основе этого указа Государственная Дума в декабре этого же года приняла Закон «О противодействии коррупции». Наряду с определением коррупции как опасного для общества социального явления в законе отмечалось разнообразие видов и форм коррупционных проявлений. Это было выражено в самом определении коррупции путем перечисления наиболее распространенных и наиболее опасных ее форм. К ним были отнесены: *«злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»* [1].

Этот перечень наказуемых деяний в сфере коррупции не являлся исчерпывающим. В мае 2011 г. были внесены изменения в уголовно-правовые нормы об ответственности за получение и дачу взятки, введена уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве.

Но, как представляется, основной мерой борьбы с коррупцией является не число статей в уголовном законе, а в большей степени неотвратимость уголовной ответственности и наказания коррумпированных лиц, особенно связанных с властью.

Следует отметить, что наряду с экономической коррупцией все больше распространяется коррупция, которую можно, на наш взгляд, отнести к политической. О таком виде коррупции писал еще Аристотель, который именовал политику государства, связанную с тиранией, коррумпированной (неправильной). Сегодня политическая коррупция приобрела новое содержание, когда, напротив, не возбуждаются уголовные дела по коррупционным преступлениям, таким как злоупотребление должностными полномочиями (ч. 2 ст. 285 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств и государственных внебюджетных фондов (ст. 2851 и 2852 УК РФ) и некоторым другим. Это, в свою очередь, существенно вредит авторитету российского правосудия и самой власти, свидетельствуя о коррумпированности отдельных ее представителей и целых групп.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ об ответственности за должностные преступления особое внимание обращалось на повышенную опасность вымогательства взятки [2]. Суть ее в том, что данное преступление сопряжено с злоупотреблением должностными полномочиями, а часто и с их превышением, в чем и выражается повышенная общественная опасность данного преступления. Вымогательство взятки должностным лицом характеризует степень его коррупционности.

Ранее понятие «коррупционность» в юридической литературе толковалось как «вовлечение должностного лица в незаконное обогащение путем использования должностных полномочий» [5, с. 2]. Сегодня эта форма коррупционности устарела. Современные коррупционеры не просто позволяют вовлечь себя в «незаконное обогащение», а чаще сами проявляют инициативу, откровенно требуя незаконные вознаграждения, или заведомо создают условия, при которых зависимые от них лица вынуждены дать взятку. Данный процесс часто является завуалированным, а потому представляет сложность при организации противодействия коррупции. Кроме того, следует отметить, что с периода перестройки появился новый тип коррупционеров, открыто вымогающих денежные средства у различного рода «спонсоров» якобы для нужд государственного строительства, ссылаясь на общие материальные трудности в стране. При этом часть этих средств должностным лицом присваивается и используется для строительства собственной дачи, покупки автомобиля и т. д.

Коррупция сегодня – «это не просто криминальные действия, это целый теневой рынок», – справедливо пишет М. П. Фомиченко [9, с. 94]. Еще 10 лет назад в России отмечалось большое число крупных и особо крупных «откатов» в сфере государственного строительства. Если в 2010 г. было зафиксировано с направлением в суд 5793 уголовных дела по названным преступлениям, то в последующие годы число таких уголовных дел стало увеличиваться: в 2015 г. – 10220, в 2016 г. – 9125. Однако выявляется только 3–4 % коррупционных преступлений, остальные 96 % – по-прежнему в латентном состоянии.

Рост числа коррупционных уголовных дел произошел также в связи с тем, что с 2007 г. в российском уголовном законодательстве значительно расширился круг субъектов, включенных в число должностных лиц. Примечание к ст. 285 УК РФ (ред. от 24.02.2021 № 16-ФЗ) к должностным лицам относит не только представителей государственной власти, лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в государственной сфере, но и «в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем 50 % голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 % состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах,

в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами ("золотая акция")». Увеличение количества преступлений коррупционного характера за счет введения в число должностных лиц представителей частного бизнеса, на наш взгляд, является искусственным и не вполне оправданным.

Кроме того, работниками правоохранительных органов иногда допускаются ошибки в привлечении к уголовной ответственности за получение взятки лиц, выполняющих чисто профессиональные обязанности, которые не являются в данный момент должностными. К таковым, например, относятся педагоги и врачи, которые на практике иногда привлекаются к уголовной ответственности за получение подарков в благодарность за профессиональные услуги, не связанные с их организационно-распорядительной деятельностью.

В связи с тем, что в 2016 г. суммы взяток выросли в среднем до 800 тыс. руб., этот год был признан годом коррупции. Но этот рост коррупционных преступлений и количества и суммы взяток не был пределом. В 2019 г. коррупционных преступлений было выявлено на 3,6 % больше по сравнению с предыдущим годом*. Этому способствовало принятие в 2016 г. указов Президента РФ «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и «О мерах по реализации отдельных положений по реализации Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Был значительно обновлен план по борьбе с коррупцией, принятый Правительством Российской Федерации на 2016–2017 гг. Это способствовало появлению ряда громких уголовных дел коррупционного характера.

Развитие законодательства по борьбе с коррупцией продолжалось. Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. был утвержден «Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы», который предусматривал контроль за расходами и доходами граждан Российской Федерации. Правительством было официально признано, что эта форма контроля в борьбе с коррупцией себя оправдала. В январе 2021 г. вступили в силу еще более жесткие правила контроля за денежными накоплениями граждан. Эти правила коснулись вопросов блокирования счетов в банках с передачей данных в Росфинмониторинг. Новый закон от 10 января 2021 г. № 115-ФЗ предусматривает контроль за отмытием доходов и за занятием гражданами запрещенной деятельностью. Закон ужесточил контроль за наличностью, увеличив налог на вклады свыше 1 млн руб. и на перевод денег с карты на карту. Контроль сегодня осуществляется также за резким увеличением прихода и расхода денег, за нетипичными операциями держателя карты и др. (подобный контроль за приходом и расходом денежных средств граждан как одна из мер борьбы с коррупцией осуществляется в таких странах, как Норвегия, Гонконг и некоторых других).

Таким образом, можно констатировать, что борьба с коррупцией направляется в сторону ее ужесточения. Это, на наш взгляд, можно только одобрить, но с условием, что новые правила государственного контроля будут распространяться на всех граждан страны, независимо от их политического и социального статуса. Это условие сегодня подтверждается возбуждением отдельных громких коррупционных уголовных дел.

Кроме того, в целях дальнейшей борьбы с коррупцией, наряду с усилением уголовной ответственности за взяточничество и отмытие денежных средств, по нашему мнению, необходимо обратить особое внимание на активизацию привлечения к уголовной ответственности также за целый ряд других преступлений, связанных с коррупцией напрямую или косвенно, в частности, это преступления, предусмотренные ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности»; ст. 170 УК РФ «Незаконные сделки с землей»; ст. 2851 УК РФ «Нецелевое расходование бюджетных средств»; ст. 292 УК РФ «Служебный подлог»; ст. 3221 УК РФ «Организация незаконной миграции» и др.

* Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 12.04.2021).

Суть активизации привлечения к уголовной ответственности за указанные преступления заключается не в усилении наказания, а в его неотвратимости. Это является наиболее эффективной мерой в борьбе с коррупцией, как и с другими видами преступлений.

В части предупреждения коррупции целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание на правовое воспитание молодежи в плане привития вступающему в жизнь молодому поколению уважения к законам и традициям страны, к обычаям народа и его истории. Начинать этот процесс с 14-летнего возраста при современных информационных условиях оказывается уже поздно. В этом возрасте молодежь уводят за собой различного рода политические и социальные экспериментаторы. Так что начинать правовое воспитание необходимо, по нашему мнению, с дошкольного возраста. Цель – сделать общество более нравственным, на наш взгляд, должна стать одной из главных в государстве. Это относится и к мерам по предупреждению коррупции, так как данный вид преступности, так же, как и другие ее виды, связан с нравственными качествами человека.

Литература

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: ред. от 26.05.2021 // Рос. газета. 2008. 30 декабря.
2. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 URL: <http://sudact.ru/law/> (дата обращения: 12.04.2021).
3. Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1995. № 2.
4. О состоянии преступности в России: мат-лы Информационно-аналитического центра МВД РФ. М., 1994.
5. Гаухман Л. Д. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. 2000. № 6.
6. Кобец П.Н., Никитенко И. В. Международно-правовые основы противодействия коррупции // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2020. № 3.
7. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы (тезисы доклада) // Государство и право. 2000. № 4.
8. Лукашук И. И. Международно-правовые формы борьбы с коррупцией // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / под ред. В. В. Лунеева. М., 2001.
9. Фомиченко М. П. Понятие «коррупция» и причины ее возникновения в органах муниципального управления // Вопросы правообразования. 2012. № 2.
10. Шабалин В. А. Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4.

УДК 343.296

ВОЗМЕЩЕНИЕ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА ГОСУДАРСТВОМ И СРЕДСТВА ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Никита Константинович Сливко, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: nikitaslivko@mail.ru

Рассматривается возможность активного участия государства в процессе возмещения преступного вреда потерпевшим, а также потенциальные средства обеспечения такого возмещения. Автор приходит к выводу о том, что для создания таких средств необходимо внести изменения в нормы действующего уголовного законодательства Российской Федерации, регламентирующие содержание наказаний и мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: потерпевший, уголовное законодательство, возмещение преступного вреда, восстановление социальной справедливости, фонд помощи потерпевшим, позитивное посткриминальное поведение.

COMPENSATION OF CRIMINAL HARM BY THE STATE AND MEANS OF ITS PROVISION

Nikita Konstantinovich Slivko, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The possibility of active participation of the state in the process of compensation of criminal harm and potential means of such type of compensation is considered by the author. The author comes to the conclusion that creation of these means will require amends to the norms of current criminal legislation of the Russian Federation, that regulate content of punishments and measures of criminal-legal nature.

Keywords: victim, criminal legislation; compensation of criminal harm; restoration of social justice; victims' support fund, positive post-crime behavior.

Долгие годы отечественное научное сообщество не раз обращало свое внимание на необходимость совершенствования уголовно-правовых норм, обеспечивающих возмещение преступного вреда потерпевшему. Так, в частности, Н. И. Коржанский справедливо указывал на то, что «основной задачей уголовного закона должна быть защита личности, ее свобод, прав и законных интересов от преступных посягательств, а направленность уголовно-правовых норм и институтов должна быть не карающей, а охранительной». По мнению ученого, уголовное право нуждается в разработке именно восстановительных норм, направленных на полное возмещение преступного вреда потерпевшему [2, с. 13-21].

Таким образом, в полной мере могут быть реализованы все цели назначения наказания, т. е. не только предупреждение совершения новых преступных деяний и исправление лиц, осужденных за их совершение, но также восстановление социальной справедливости, нарушенной в результате совершения преступления [3, с. 38], которое, на наш взгляд, возможно только при условии своевременного и наиболее полного возмещения преступного вреда потерпевшим.

К сожалению, как показывает правоприменительная практика, говорить о должном уровне уголовно-правовой защищенности прав и законных интересов лиц, ставших потерпевшими от преступлений, еще преждевременно. Исходя из статистических данных,

представленных на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы, за 2020 г. потерпевшими от преступлений были признаны 1 620 013 чел. (на 2236 чел. больше, чем в 2019 г.)^{*}.

Примечательными представляются официальные данные, приводимые Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым общая сумма ущерба от преступлений (причем связанных только с хищениями), определенная по судебному акту, в 2020 г. составила 69670 147276 руб. Из них признаны возмещенными только 6526 948049 руб. (9,4 % от общей суммы причиненного ущерба)^{**}.

Следует отметить, что одной из основных причин того, что далеко не всегда преступный вред потерпевшему находит свое возмещение, заключается в несовершенстве процедур взыскания. Так, например, исходя из данных Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП), в 2020 г. в рамках исполнительного производства о взыскании штрафов, назначенных за совершение преступлений, общая сумма назначенных к взысканию денежных средств составила 45846 282 руб., в то время как общая сумма реально взысканных с преступников денежных средств – только 5687 747 руб.^{***} На наш взгляд, это является свидетельством того обстоятельства, что многие лица, совершившие преступные деяния, неплатежеспособны.

Исходя из представленных статистических данных, необходимо согласиться с мнением, что «реальное и полное возмещение вреда потерпевшему – редкость в российском уголовном судопроизводстве» [8, с. 65].

Кроме того, приходится констатировать, что сегодня потерпевший может забыть о своевременном и максимально полном возмещении вреда, причиненного преступлением, также в тех случаях, когда:

- лицо, совершившее преступление, не установлено (либо установить его местонахождение не представляется возможным);
- зафиксирован факт смерти данного лица;
- вред потерпевшему был причинен лицом, признанным невменяемым.

Очевидно, что вышеизложенное свидетельствует о явном пробеле в правовом регулировании и требует переосмысления подходов к защите прав жертв преступных деяний. В связи с этим считаем необходимым определить эффективные пути решения имеющихся проблемных вопросов, связанных с возмещением преступного вреда потерпевшим. На наш взгляд, одним из наиболее приоритетных в этом плане направлений должно стать развитие института активного участия государства в процессе восстановления прав потерпевшей от преступления стороны.

Сегодня Российскую Федерацию можно с уверенностью отнести к числу государств, в которых последовательно происходят процессы гуманизации внутригосударственной уголовной политики и отказа от ее исключительно карательных целей, а также ориентированных на улучшение состояния защищенности прав и законных интересов лица, ставшего жертвой преступного деяния. Тем не менее, сама идея возмещения преступного вреда государством, несмотря на ее длительное обсуждение в научно-юридическом сообществе, все еще не реализована.

Аргументация ученых-юристов, являющихся сторонниками данной идеи, представляется вполне убедительной. Так, А. В. Суслин справедливо отмечает, что в пользу законода-

^{*} Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36202> (дата обращения: 12.05.2021).

^{**} Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз в 2020 году. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaia_statistika/2021/F4-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения: 12.05.2021).

^{***} Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов по итогам 2020 года.

тельного закрепления обязанности государства возмещать преступный вред, причиненный гражданину, свидетельствует следующее:

1. Государство должно активно участвовать в процессе восстановления прав потерпевших потому, что именно оно взяло на себя обязанность по обеспечению безопасности граждан, а значит, должно быть ответственно за необеспечение должного уровня защищенности прав собственного населения.

2. Возможности государства в вопросе обеспечения возмещения преступного вреда несоизмеримы с возможностями отдельно взятого правонарушителя.

3. В конечном итоге суммы, израсходованные на возмещение преступного вреда потерпевшим, вернутся в государственный бюджет в виде отчислений из заработка или иных доходов осужденных [7, с. 163–165].

Примечательно, что на необходимость реализации идеи активного участия государства в процессе возмещения преступного вреда потерпевшим указывают и государственные деятели, в частности Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова, которая в рамках доклада на онлайн-конференции «Совершенствование уголовной политики и повышение гарантий прав потерпевших», проводимой в 2020 г. в Совете Федерации, высказала мысль о необходимости разработки механизма возмещения преступного вреда потерпевшим в тех случаях, когда преступник не установлен и потерпевший не имеет возможности требовать с него компенсацию*.

По мнению некоторых ученых, реализация идеи государственной компенсации преступного вреда должна происходить за счет учреждения в нашей стране специализированного фонда, обеспечивающего своевременное и максимально полное возмещение преступного вреда потерпевшим, которые по тем или иным причинам не могут получить такое возмещение непосредственно от лиц, причинивших им вред. Создание, а в дальнейшем и эффективная организация деятельности такого фонда в России позволят обеспечить жертвам преступных деяний реальную государственную поддержку, повысить уровень доверия граждан к правоохранительным и судебным органам, а также это будет способствовать повышению престижа нашей страны на международной арене [5, с. 55].

Отметим, что в таких странах, как Германия и США, подобного рода учреждения существуют не первый год и являются постоянными участниками организационно-правовых отношений, связанных с восстановлением прав потерпевших [6, с. 242–248].

Основным спорным вопросом в реализации идеи активного участия государства в процессе возмещения преступного вреда тем потерпевшим, которые не могут получить такое возмещение непосредственно от лиц, совершивших преступления, является вопрос изыскания источников финансирования подобной процедуры.

Рассуждая о возможности учреждения в Российской Федерации специализированного фонда, деятельность которого была бы направлена на оказание помощи жертвам противоправных деяний, логичным видится предложение о том, что на цели обеспечения возмещения преступного вреда может быть предусмотрена соответствующая статья расходов федерального бюджета. В то же время считаем, что обеспечить аккумуляцию денежных средств в бюджете фонда возможно посредством внесения изменений в содержание ряда наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера, закрепленных действующим отечественным уголовным законодательством.

Штраф. В настоящее время такой вид уголовного наказания, как штраф, предусмотрен ст. 46 УК РФ и, исходя из данных судебной статистики, является часто назначаемым наказанием за совершение преступлений. В 2020 г., согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, штраф, будучи денежным взысканием в доход государства,

* Нужен механизм возмещения вреда потерпевшим, если преступника не установили. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9037813> (дата обращения: 20.05.2021).

в качестве основного наказания был назначен 61 706 осужденным, а в качестве дополнительного – 8039 осужденным*.

Справедливым решением со стороны законодателя, на наш взгляд, может стать закрепление механизма отчисления 50 % от суммы взысканного с лица, совершившего преступление, штрафа в бюджет специализированного учреждения, занимающегося вопросами поддержки лиц, ставших жертвами преступлений (далее – фонд помощи потерпевшим) посредством дополнения ч. 2 ст. 46 УК РФ абзацем следующего содержания: «Пятьдесят процентов от суммы взысканного в качестве наказания штрафа направляются в бюджет фонда помощи потерпевшим». Исходя из уже приводимых нами выше статистических данных ФССП, согласно которым общая сумма взысканных с преступников денежных средств составила 5687 747 руб.,** в случае допущения того факта, что половина от данной суммы денежных средств могла бы быть направлена в фонд помощи потерпевшим, то логично предположить, что проблема своевременного и максимально полного возмещения преступного вреда хотя бы для некоторого числа жертв преступлений разрешилась.

Исправительные работы. Еще одним часто назначаемым наказанием в Российской Федерации являются исправительные работы (в 2020 г. данное наказание было назначено 40924 осужденным)***. Согласно ст. 50 УК РФ, сущность этого наказания состоит в том, что из заработной платы осужденного лица в доход государства производятся удержания в пределах от 5 до 20 %.

Рассматривая содержание данного вида наказания, следует принять во внимание положительный опыт Республики Казахстан, где, начиная с 2018 г., происходит активная перестройка уголовной политики. Уголовным законодательством Казахстана определено, что исправительные работы исполняются путем ежемесячного удержания и перечисления от 10 до 50 % заработной платы (денежного содержания) виновного в фонд компенсации потерпевшим (ч. 2 ст. 42 УК Республики Казахстан) [4]. Как представляется, подобный подход законодателя к правовой регламентации исполнения наказания в виде исправительных работ нельзя не назвать прогрессивным.

Понимая, что сразу прийти к подобной практике в России в данный момент не представляется возможным, считаем, что для формирования полноценного источника финансирования фонда помощи потерпевшим в Российской Федерации, с учетом текущей социально-экономической обстановки в нашей стране, необходимо дополнить часть 3 ст. 50 УК РФ абзацем следующего содержания: «Пятьдесят процентов от удерживаемых из заработной платы осужденного денежных средств направляются в фонд помощи потерпевшим».

Принудительные работы. Наказание в виде принудительных работ, наряду с рассмотренным ранее наказанием в виде исправительных работ, также подразумевает определенные удержания из заработной платы осужденного в доход государства (согласно ч. 5 ст. 53.1 УК РФ, от 5 до 20 %). Исходя из этого, резонно внести аналогичные с представленными выше изменения и в содержание данного вида наказания, а именно изложить норму ч. 5 ст. 53.1 УК РФ в следующей редакции: «Из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся равные в процентном соотношении удержания в доход государства (перечисляемые на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы) и в фонд помощи потерпевшим в размере, установленном приговором суда, но суммарно не более двадцати процентов».

Следует обратить внимание на инициативу директора Федеральной службы исполнения наказаний А. П. Калашникова, прозвучавшую на заседании координационного совета

* Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/k4-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения: 12.05.2021).

** Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов по итогам 2020 года.

*** Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания.

уполномоченных по правам человека 20 мая 2021 г., об увеличении числа рабочих мест для осужденных, которым наказание в виде лишения свободы может быть заменено принудительными работами. Таких лиц, по данным ФСИН, в России более 188 тыс.,* при том что реально за 2020 г. данный вид наказания был назначен только 947 осужденным**. При условии реализации данной идеи, как нам представляется, предложенные выше изменения в содержание наказания в виде принудительных работ будут способствовать значительному аккумулярованию денежных средств в бюджете фонда помощи потерпевшим и обеспечению государственной компенсации вреда, причиненного преступлениями, тем потерпевшим, которые не могут получить своевременное и максимально полное возмещение преступного вреда от лица, совершившего преступление.

Ограничение по военной службе. Несмотря на то, что ограничение по военной службе не является часто назначаемым наказанием за совершение преступлений (в 2020 г. данный вид наказания был назначен 179 осужденным***) [13], представляется также логичным усовершенствовать нормы уголовного закона по аналогии с ранее обозначенными предложениями в части распределения денежных средств, удерживаемых с заработной платы осужденных.

Исходя из того, что особенностью данного вида наказания является тот факт, что из денежного довольствия осужденного производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, но не свыше 20 % процентов, наиболее рациональным решением для усиления восстановительного потенциала рассматриваемого наказания будет являться внесение изменений в ч. 2 ст. 51 УК РФ, а именно: «Из денежного довольствия осужденного к ограничению по военной службе производятся равные в процентном соотношении удержания в доход государства и в фонд помощи потерпевшим в размере, установленном приговором суда, но суммарно не свыше двадцати процентов. Во время отбывания этого наказания осужденный не может быть повышен в должности, воинском звании, а срок наказания не засчитывается в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания».

Иные меры уголовно-правового характера. Нельзя забывать о том, что определенным восстановительным потенциалом в вопросе возмещения преступного вреда в порядке уголовно-правовых отношений могут обладать не только наказания, но также и иные меры уголовно-правового характера.

В современной отечественной правоприменительной практике одной из наиболее часто применяемых и эффективных мер уголовно-правового характера является судебный штраф. Исходя из представленных ФССП статистических данных относительно порядка исполнения судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, в 2020 г. в связи с выплатой судебного штрафа в полном объеме суммарно было окончено и прекращено 22165 исполнительных производств на общую сумму 345972 руб.****

В связи с этим целесообразно внесение изменений в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ с изложением ее в следующей редакции: «Размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. В случае если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей. После выплаты суммы судебного штрафа в полном объеме лицом, которому была назначена данная мера уголовно-правового характера, денежные средства в равном процентном соотношении распределяются в доход государства и в бюджет фонда помощи потерпевшим».

* ФСИН предложила заменить трудовых мигрантов заключенными. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2021/60a5fa8d9a79477c1f8620f4> (дата обращения: 10.06.2021).

** Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания.

*** Там же.

**** Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов по итогам 2020 года.

Кроме того, анализируя содержание понятие вреда, причиняемого преступными деяниями, считаем необходимым согласиться с мнением И. Г. Кожина о том, что преступный вред сам по себе уже включает в себя такие элементы, как ущерб, убытки и иные негативные последствия совершенного преступления, выступая по отношению к последним родовым понятием [1, с. 7]. В связи с этим видится целесообразным внести изменения и в ст. 104.3 УК РФ, а именно изменить название данной статьи с «Возмещение причиненного ущерба» на «Возмещение причиненного вреда». В настоящее время, исходя из положений ч. 2 данной статьи, в случае отсутствия у лица, совершившего преступление, имущества, подлежащего конфискации, вред, причиненный законному владельцу, возмещается из стоимости данного имущества, оставшаяся же часть из его стоимости обращается в доход государства.

На наш взгляд, истребование оставшейся части имущества осужденного исключительно в государственный бюджет напоминает средневековый порядок признания государством себя потерпевшей от преступления стороной. Более прогрессивным представляется изложение ч. 2 ст. 104.3 УК РФ в следующей редакции: «При отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме указанного в частях первой и второй статьи 104.1 настоящего Кодекса, из его стоимости возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть в равном процентном соотношении обращается в доход государства и в бюджет фонда помощи потерпевшим».

Помимо указанных средств уголовно-правового обеспечения механизма государственной компенсации преступного вреда в уголовном законодательстве также необходимо, с нашей точки зрения, развивать правовые средства мотивации лица, совершившего преступление, к позитивному посткриминальному поведению. Данный вывод обусловлен тем, что в современном уголовном праве России в рассматриваемом сегменте правовых отношений, связанных с возмещением преступного вреда потерпевшему, преобладает диспозитивно-поощрительный метод правового регулирования.

Из содержания правовых норм, связанных с законодательным определением возможностей и условий возмещения преступного вреда в порядке уголовно-правовых отношений, следует, что, по сути, возмещение преступного вреда является правом, но не обязанностью виновного лица. В связи с этим законодатель через разные варианты смягчения уголовной ответственности либо полного освобождения от таковой поощряет и стимулирует позитивное посткриминальное поведение, выражающееся в готовности возместить виновно причиненный преступный вред. Правовая же обязанность возмещения преступного вреда возникает лишь после удовлетворения исковых требований потерпевшего, что, по нашему мнению, не вполне справедливо и имеет ряд серьезных недостатков. Представляется, что сложившийся правовой диссонанс может быть устранен через внедрение в действующее уголовное законодательство соответствующей правовой обязанности. Реализовать данное предложение представляется возможным посредством возвращения в УК РФ нормы, позволяющей суду возлагать на лицо, совершившее преступление, обязанность возместить причиненный вред.

В настоящее время обязанность загладить причиненный вред предусмотрена законодателем лишь в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших противоправные деяния. Расширение круга лиц, на которых указанная выше обязанность сможет быть возложена, на наш взгляд, должно повлиять на изменение диспозитивно-поощрительной направленности современного уголовного закона, который, как было отмечено выше, допускает существование ситуации, при которой возмещение причиненного преступлением вреда часто является не обязанностью, а именно правом лица, совершившего преступление (в частности, если данное лицо желает снижения степени уголовной репрессии по отношению к себе). Кроме того, логично предположение о том, что у «взрослых правонарушителей», в силу их большего жизненного опыта, наличия каких-либо трудовых

навыков и образования, позволяющих заниматься деятельностью, сопряженной с получением дохода, объективно больше возможностей как устранить причиненный их действиями вред, так и его возместить.

В то же время, несмотря на определенную прогрессивность императивного подхода советского законодателя к обеспечению возмещения преступного вреда, считаем, что вследствие произошедших с момента распада СССР изменений в подходе к содержанию и основным целям внутригосударственной уголовной политики, у которой сегодня нельзя не заметить черты восстановительного правосудия, обязанность возместить причиненный преступлением вред должна рассматриваться не в качестве наказания (как было предусмотрено, например в УК РСФСР 1960 г.), а исключительно как мера уголовно-правового характера. Это, в свою очередь, сможет положительно отразиться как на усилении правовой защищенности потерпевших от преступлений, так и на мотивации преступников к позитивному посткриминальному поведению. Для внедрения данной нормы предлагается дополнить УК РФ гл. 15.3 «Возложение обязанности возместить причиненный вред», включив в нее ст. 104.6 «Обязанность возместить причиненный вред», изложив ее в следующей редакции:

«1. Исполнение обязанности возместить причиненный вред состоит в непосредственном устранении причиненного вреда своими силами, либо возмещении материального вреда своими средствами.

2. Обязанность возместить причиненный вред может быть возложена судом за совершение преступлений небольшой или средней тяжести в случае, если размер причиненного вреда не превышает 100000 рублей».

На наш взгляд, для обеспечения эффективности применения предлагаемой нормы необходимо закрепить уголовную ответственность за уклонение от исполнения данной меры уголовно-правового характера, дополнив УК РФ ст. 314.2 «Уклонение от обязанности возместить причиненный вред», изложив ее в следующей редакции:

«1. Уклонение лица от возложенной на него судом обязанности возместить причиненный вред наказывается исправительными либо принудительными работами на срок до одного года либо лишением свободы на тот же срок.

2. В случае если лицу, уклонившемуся от обязанности возместить причиненный вред, помимо данной меры уголовно-правового характера были назначены виды наказаний, указанные в ч. 1 настоящей статьи, срок их отбывания увеличивается на срок вновь назначенных наказаний».

3. «В случае если лицу, уклонившемуся от обязанности возместить причиненный вред помимо данной меры уголовно-правового характера были назначены иные виды наказаний, они подлежат исполнению совместно с вновь назначенными наказаниями».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в случае реализации предложенных автором изменений в уголовное законодательство:

1) сможет образоваться стабильная система источников, обеспечивающих возмещение преступного вреда государством, которая для определенной доли жертв преступных деяний решит до сегодняшнего момента неразрешимую проблему получения своевременного и максимально полного возмещения преступного вреда при невозможности получения такого возмещения от лица, совершившего преступление;

2) будут развиваться уголовно-правовые средства стимулирования позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, следовательно, вред, который был причинен его противоправными действиями конкретному потерпевшему, будет возмещен своевременно и в максимально полном объеме.

Таким образом, очевидно возможным представляется качественное изменение уровня защищенности прав и законных интересов потерпевших, которые, в свою очередь, смогут быть уверены в том, что государство стремится прийти к максимально высокому уровню жизни для собственного населения и берет на себя ответственность за жизнь каждого отдельного гражданина.

Литература

1. Кожин И. Г. Уголовно-процессуальный механизм обеспечения возмещения вреда физическому лицу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.
2. Коржанский Н. И. Очерки теории уголовного права. Волгоград, 1992.
3. Никитенко И. В. Гуманизация исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии (организационно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2001.
4. Никитенко И.В., Сливко Н. К. Уголовно-правовой механизм компенсации материального вреда потерпевшим в Республике Казахстан // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51).
5. Ситковский А.Л., Шикула И. Р., Шумейко С. Г. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений в отношении лиц пожилого возраста: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2014.
6. Сливко Н. К. Уголовно-правовые и иные средства восстановления имущественных прав потерпевших в законодательстве зарубежных стран и возможность их использования в российской правоприменительной практике // Право и практика. 2019. № 2.
7. Суслин А. В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
8. Яременко Н.Е., Майоров А. В. Актуальные вопросы в сфере обеспечения защиты жертв преступлений по российскому законодательству // Виктимология. 2017. № 3 (13).

УДК 343.2/.7

ФИЗИЧЕСКОЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Эдуард Вадимович Сон, инспектор (дежурный) комендантского отделения Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: Eduard_son@mail.ru

В статье рассматривается проблема толкования и соотношения уголовно-правовых понятий «физическое насилие» и «психическое насилие». Проводится анализ норм уголовного законодательства России, судебно-следственной практики, а также доктринальных воззрений, касающихся рассматриваемой проблемы; выделяются и исследуются признаки, присущие физическому и психическому насилию. В целях устранения разноречия в судебно-следственной практике, а также повышения эффективности предупреждения насильственных преступлений предложены авторские определения понятий «физическое насилие» и «психическое насилие». Кроме того, указано на необходимость закрепления дефиниций физического и психического насилия в уголовном законодательстве либо в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: насильственные преступления, виды насилия, угроза применения насилия, физическое насилие, психическое насилие, объекты посягательства, посягательство на жизнь и здоровье.

PHYSICAL AND MENTAL ABUSE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICES

Eduard Vadimovich Son, Inspector (duty officer) of the commandant department of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The presented article examines the problem of interpretation and correlation of the criminal law concepts "physical violence" and "mental violence". The author analyzes the norms of the criminal legislation of Russia, judicial and investigative practice, as well as doctrinal views concerning the problem under consideration; identifies and examines in detail the signs inherent in physical and mental violence.

With the aim of eliminating contradictions in forensic practice, as well as in order to increase efficiency in the prevention of violent crimes, the article proposes the author's concepts of «physical violence» and «mental violence» physical and mental violence in criminal legislation, or in the relevant Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: violent crimes, types of violence, threat of violence, physical violence, mental violence, objects of assault, encroachment on life and health.

Любое преступное деяние обладает общественной опасностью и причиняет вред охраняемым уголовным законом Российской Федерации общественным отношениям, интересам и благам. Вместе с тем общественная опасность содеянного значительно возрастает, когда виновный совершает преступление с применением насилия.

При уголовно-правовой оценке насильственного преступления надлежит устанавливать механизм применения насилия, его интенсивность и характер. Все эти признаки имеют решающее значение при квалификации преступления. Однако отсутствие нормативно установленных критериев для оценки насилия создает сложности при разграничении одной его разновидности от другой, что в конечном итоге не способствует точной уголовно-правовой оценке преступлений, совершенных с применением насилия.

Доктринальный анализ работ по рассматриваемой проблематике позволяет утверждать, что у теоретиков прочно устоялось мнение о двух разновидностях насилия: физическом и психическом. При этом легальное толкование данных терминов отсутствует, что приводит к сложностям в уголовно-правовой оценке насильственных преступлений и негативно сказывается на противодействии этим опасным посягательствам.

Несмотря на пристальное изучение криминалистами уголовно-правового понятия насилия, исследование вопроса о соотношении физического и психического насилия так и остается дискуссионным.

Поэтому в рамках настоящей публикации мы ставим целью попытаться выявить, что составляет содержание физического и психического насилия, и сформулировать дефиниции этих уголовно-правовых категорий.

В действующем уголовном законе России словосочетания «физическое насилие» и «психическое насилие» не раскрываются. Законодатель при конструировании составов насильственных преступлений употребляет термин «насилие» без конкретизации его формы. Это обстоятельство позволяет специалистам делать вывод о том, что законодатель при описании составов насильственных преступлений подразумевает лишь физическое насилие [12, с. 39 и др.]. Однако Д. В. Попов справедливо отметил, что «...отсутствие на законодательном уровне закрепления самого понятия «психическое насилие» не означает, что данная форма насилия не находит своего отражения в правовых нормах уголовного закона» [20].

Анализ теоретических источников показывает, что в научных кругах внимательно изучается дефиниция физического насилия, под которым большинство ученых подразумевают любое противоправное воздействие на организм человека против его воли [напр., 14, с. 52].

И. Г. Барсукова более развернуто предлагает понимать физическое насилие, а именно как «...виновное противоправное общественно опасное, вопреки и помимо воли другого человека, мускульное, механическое, химическое воздействие на его организм» [6, с. 50].

Р. Д. Шарапов определяет физическое насилие как «...умышленное неправомерное причинение вредного последствия другому человеку путем энергетического (механического, физического, химического, биологического) воздействия на органы и ткани или физические функции и организм потерпевшего» [23, с. 7].

Р. А. Базаров видит проявление физического насилия в применении мускульной силы человека к другому лицу [5, с. 40].

Мы не можем согласиться с позициями тех авторов, кто определяет физическое насилие через мускульное, механическое, термическое, биологическое и другие виды воздействия, по следующим причинам.

Во-первых, при любом воздействии (механическом, физическом, химическом, биологическом) на организм потерпевшего всегда наступают общественно опасные последствия в виде боли, страданий, вреда здоровью или смерти.

Во-вторых, данные приемы воздействия на организм не имеют никакого уголовно-правового значения для квалификации деяния. Обозначенное обстоятельство позволяет считать, что необходимости указывать в качестве обязательного признака механическое, физическое, химическое, биологическое и другие образы воздействия при конструировании дефиниции физического насилия нет.

Попытки формулировать определение физического насилия предпринимают и представители судейского сообщества. Так, в ходе рассмотрения гражданского дела о восстановлении истца П. на работе, которая была уволена на основании п. 2 ст. 336 ТК РФ, за применение методов воспитания, связанных с физическим и психическим насилием*. Суд в своем решении под физическим насилием предложил понимать применение физической

* Архив Топчихинского районного суда Алтайского края. Дело № 2–432/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uJ0RIOb1Wgld/> (дата обращения: 10.11.2020).

силы, принудительного физического воздействия, в том числе и преднамеренное нанесение физических повреждений, причинивших физическую боль различной степени тяжести, а также принудительную изоляцию и т. п. Однако приведенная судом формула рассматриваемого понятия видится нам не вполне точной, так как правоприменитель лишь перечислил способы применения физического насилия и к тому же оставил данный перечень открытым. Кроме того, полагаем, что нет необходимости в подробном перечислении способов применения физического насилия, так как их имеется бесконечное множество.

Проведенный анализ норм уголовного законодательства об ответственности за насильственные преступления позволяет сделать вывод о том, что составы, в которых применение насилия является основным признаком объективной стороны, сконструированы по типу материального, то есть в качестве конститутивного признака в них предусмотрены общественно опасные последствия. В связи с этим при формулировании дефиниции физического насилия надлежит учитывать характер и тяжесть общественно опасных последствий, так как именно данный признак имеет значение при уголовно-правовой квалификации насильственных преступлений.

В уголовном законодательстве в большинстве своем представлены такие виды последствий применения физического насилия, как физическая боль, вред здоровью и смерть. Однако в ст. 117 УК РФ законодателем указаны последствия в виде физических и психических страданий, под которыми понимается систематическое нанесение побоев либо иные насильственные действия. К тому же законодатель не разъясняет, что относится к иным насильственным действиям. Данный пробел отчасти был восполнен в приказе Минздрава РФ [3], который в настоящее время утратил силу. В нормативном акте было установлено, что к иным насильственным действиям относятся: длительное причинение боли щипанием, сечением, причинением множественных, в том числе небольших повреждений тупыми или острыми предметами, воздействием термических факторов и другие аналогичные действия. Из вышеизложенного следует, что физическое и психическое страдание заключается в длительном причинении физической боли.

Таким образом, содержание физического насилия подразумевает такие признаки, как физическая боль, вред здоровью, смерть. Однако Пленум Верховного Суда РФ к физическому насилию также относит и ограничение свободы. Данный вывод проистекает из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, в котором разъясняется, что если в ходе хищения чужого имущества в отношении потерпевшего применяется насильственное ограничение свободы, то квалификация деяния как грабеж или разбой должна решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить [2, п. 21].

Данная позиция высшей судебной инстанции была поддержана отдельными криминалистами, которые относят к физическому насилию и ограничение свободы [напр.: 7, с. 525–526; 22, с. 58]. Однако мы не разделяем эту точку зрения, так как:

– во-первых, уголовным законодательством ответственность за незаконное лишение свободы предусмотрена в рамках самостоятельного преступления (ст. 127 УК РФ), которое относится к преступлениям против свободы, чести и достоинства. В связи с этим свобода человека как благо является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, обособлено от таких видов блага, как жизнь и здоровье;

– во-вторых, в ч. 2 ст. 127 УК РФ предусмотрена квалифицированная разновидность состава незаконного лишения свободы, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. Как представляется, законодатель не случайно помимо «основного» состава ограничения свободы вводит его «насильственную» квалифицированную разновидность. Полагаем, что «простое» ограничение свободы само по себе не влечет наступления последствий, присущих насилию, когда потерпевший испытывает физическую боль или причиняется вред его здоровью или смерть.

Считаем, что ограничение свободы можно относить к физическому насилию в тех случаях, когда оно представляет для потерпевшего реальную угрозу наступления вреда его здоровью или лишения жизни (оставление в закрытом помещении с низкой или высокой температурой либо в помещении без доступа кислорода; связывание, при котором затрудняется дыхание либо пережимаются кровеносные сосуды, и т. д.), либо в тех случаях, при которых сам процесс ограничения свободы сопровождается применением физической силы со стороны виновного.

С нашей точки зрения, ограничение свободы является лишь факультативным признаком физического насилия, поэтому считаем излишним включение данного признака в дефиницию физического насилия. Таким образом, под физическим насилием необходимо понимать умышленное противоправное воздействие, независимо от способа, на организм и ткани другого человека, причиняющее физическую боль или иные последствия в виде вреда здоровью или смерти.

Перейдем к исследованию сущности психического насилия.

Криминалистами выделяются такие элементы структуры личности, как социальный, биологический и психический [напр.: 13, с. 251–262; 21, с. 102]. Объектом психического насилия выступает психический элемент личности [15, с. 19]. В этимологическом смысле под психикой понимается совокупность ощущений, представлений, чувств, мыслей как отражение в сознании объективной действительности [19]. В психологическом словаре данный термин определен как форма активного отображения субъектом объективной реальности, возникающая в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющая в их поведении (деятельности) регулятивную функцию [9, с. 378]. Анализ доктринальных воззрений специалистов в области психологии позволяет утверждать, что функция психики человека заключается в формировании субъективного отображения окружающей материальной действительности индивида [18, с. 300–342].

Относительно уголовно-правового понятия психического насилия отметим, что в составах Особенной части действующего уголовного закона России данное словосочетание не упоминается. Вместе с тем в научных кругах мнения правоведов по его пониманию разделились. Одни специалисты полагают, что психическое насилие представляется в виде различных угроз [напр.: 4, с. 34]. Более того, Р. А. Левертова утверждает, что угроза является единственной формой проявления психического насилия [17, с. 6].

Другие ученые определяют психическое насилие как воздействие на человека посредством угрозы применения только физической силы [10, с. 94; 11, с. 4].

Ни одна из приведенных точек зрения теоретиков нас не устраивает: позиция авторов, отождествляющих психическое насилие с угрозой применения только физической силы, видится нам слишком усеченной.

Анализ норм действующего уголовного законодательства РФ позволяет утверждать, что психическое насилие практически во всех случаях выступает в качестве дополнительного признака объективной стороны, в отличие от физического насилия, которое в нормах Особенной части уголовного закона представлено как самостоятельным криминообразующим признаком объективной стороны преступления, так и дополнительным. Исключение составляет лишь состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Следовательно, психическое насилие, выраженное в угрозе, является инструментом или способом совершения основного деяния.

Угроза при совершении преступления, как правило, направлена на устрашение и подавление воли потерпевшего к сопротивлению либо на принуждение его к совершению действий вопреки собственной воле. На основании этого полагаем, что последствия угроз в виде появления чувства страха, тревоги и беспокойства могут возникнуть не только от угрозы применения физического насилия, но и от иных разновидностей угроз.

В защиту такой позиции Н. И. Верченко поясняет, что недопустимо расширение психического насилия за счет эмоционального ущерба, причиняемого личности, так как любое преступление влечет ту или иную психическую травму для потерпевшего, даже кража может вызвать стресс у потерпевшего [10, с. 95]. Мы согласны с автором в том, что любое преступление причиняет психический ущерб потерпевшему, однако в данном случае психический ущерб необходимо рассматривать в совокупности с умыслом виновного, ведь, как отмечено выше, насилию свойствен умышленный характер, а потому направленность умысла имеет определяющее значение. Так, умысел при совершении кражи направлен на тайное хищение имущества и причинение имущественного ущерба, в то время как при психическом насилии умысел виновного направлен на причинение вреда психике, на подавление воли потерпевшего, принуждение его к каким-либо действиям либо отказу от их совершения. Поэтому угрозу применения физической силы следует рассматривать только как один из способов психического насилия.

Позиция других авторов, которые представляют психическое насилие в виде угроз различного характера, аргументирована тем, что в насильственных преступлениях угроза является единственной альтернативой физического насилия [4, с. 34]. Данный вывод исходит из анализа уголовно-правовых норм, где угроза выступает способом совершения преступления. В уголовном законе угроза представлена по-разному: в виде угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества; в виде угрозы распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких; в виде угрозы совершения взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Примечательно, что лишь в ст. 150 УК РФ угроза как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений обозначена законодателем без какой-либо конкретизации. Представляется, что психическое насилие не ограничивается одними угрозами.

Нам импонирует позиция авторов, которые признают оскорбление равнозначным акту психического насилия [16, с. 312]. Законодатель определил оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме [1, ст. 5.61]. Честь – это объективная оценка морально-нравственных качеств человека окружающими, под достоинством понимается внутренняя самооценка человека.

Последствия оскорбления заключаются в причинении вреда чести и достоинству посредством унижения человека, то есть происходит искажение восприятия субъектом объективной реальности. А ведь психика – это форма активного отображения субъектом объективной реальности, возникающая в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющая в их поведении (деятельности) регулятивную функцию. Таким образом, полагаем, что оскорбление является неправомерным умышленным актом, причиняющим вред психике человека.

По данному пути идет и судебная практика. Так, в судебных актах достаточно широко встречается мнение, что разновидностью психического насилия выступает оскорбление, которое выражается в отрицательной оценке виновным личности гражданина и наносит ущерб его самоуважению*.

Суд под психическим насилием предлагает понимать также причиняющее душевное страдание воздействие, проявляемое в форме угроз, оскорбления, унижения, систематической необоснованной критики, выводящей из состояния душевного равновесия, в демонстратив-

* См., напр.: Архив Октябрьского районного суда г. Тамбова. Дело № 2–5487/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2qz6t9snq4bm/> (дата обращения: 10.11.2020); архив Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан. Дело № 12–271/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xaid2pJiVymX/> (дата обращения: 10.11.2020).

ном негативном отношении к объекту посягательства*. Однако, думаем, что при определении понятия психического насилия нет необходимости в подробном перечислении способов его применения, так как их множество.

Считаем целесообразным при формулировании дефиниции психического насилия обратить внимание на последствия, наступившие в результате применения такого насилия, так как именно последствия имеют значение при уголовно-правовой оценке деяния, совершенного с применением данного вида насилия. Сложившаяся судебная практика подкрепляет наши доводы. Так, в ходе рассмотрения уголовного дела по обвинению К. по ст. 119 УК РФ, суд установил, что К., имея умысел на наступление такого последствия, как возникновение чувства страха у потерпевшей, применил к ней психическое воздействие, которое выразилось в том, что К., взяв в руки кухонный нож, высказал угрозу лишения жизни потерпевшей**. Из этого примера видно, что суд делает акцент на последствиях в виде негативных эмоциональных чувств.

Как справедливо отмечено специалистами, результатом любой угрозы являются такие негативные последствия, как появление у потерпевшего состояния опасения, чувства тревоги и страха, беспокойства за свою безопасность [7, с. 96]. Мы полагаем, что такие чувства потерпевший испытывает при любом акте психического насилия. Следовательно, психическому насилию присущи такие признаки, как появление чувства страха, тревоги, состояния опасения, беспокойства за свою безопасность. В связи с этим психическим насилием считаем умышленное противоправное воздействие на психику, направленное на появление у потерпевшего чувства тревоги, страха, состояния опасения, беспокойства за свою безопасность с целью подавления воли потерпевшего. Вместе с тем термин «безопасность» в данном случае следует понимать в широком смысле (личная безопасность, информационная безопасность, безопасность собственности и т. д.).

Кроме того, подчеркнем, что физическое и психическое насилие по своей природе тесно связаны между собой. Виновный одними действиями может причинять физическое и психическое насилие как одновременно, так и по отдельности. При применении виновным физического насилия у потерпевшего может возникнуть чувство страха, опасения за свою жизнь. Исключением, по нашему мнению, являются случаи, например, неожиданного нанесения удара потерпевшему, от которого последний теряет сознание, выстрел из засады или незаметное добавление в напиток потерпевшего отравляющих веществ.

В свою очередь, воздействие на психику потерпевшего сказывается и на физиологической составляющей организма, что может проявиться в появлении болезни, связанной с нарушением физиологических функций организма, или даже в наступлении смерти.

Завершая рассмотрение спорных вопросов уголовно-правовой оценки психического и физического насилия, в целях решения обозначенных проблем предлагаем:

- на законодательном уровне дифференцировать насилие – физическое и психическое;
- под физическим насилием понимать умышленное противоправное воздействие на организм и ткани другого человека, причиняющее физическую боль или иные последствия в виде вреда здоровью, или смерти независимо от способа воздействия;
- под психическим насилием понимать умышленное противоправное воздействие на психику человека, направленное на появление у потерпевшего чувства тревоги, страха, состояния опасения, беспокойства за свою безопасность с целью подавления воли потерпевшего;

* Архив Топчихинского районного суда Алтайского края. Дело № 2–432/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uJORIOb1Wgld/> (дата обращения: 10.11.2020).

** Архив Котовского городского суда Тамбовской области. Дело № 1–125/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KQvLYnLTWtj/> (дата обращения: 10.11.2020).

– с учетом теоретических наработок понятий психического и физического насилия выбрать наиболее удачные предложения, которые легально представить либо в уголовном законе (например, в примечании к статье), либо в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, что послужит разрешению спорных вопросов, которые возникают при уголовно-правовой оценке физического и психического насилия.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.
2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. 2003. 18 января.
3. О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз: приказ Минздрава РФ от 10.12.1996 № 407.
4. Антонян Ю. М. Насилие. Человек. Общество: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2001.
5. Базаров Р. А. Уголовно-правовая характеристика насилия // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан: труды Академии. М., 1995.
6. Барсукова И. Г. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика разбоя: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
7. Безверхов А. Г. Насилие и его виды в уголовном праве России: вопросы методологии теории и практики // Вестник Самарского гос. ун-та. 2014. № 11/1.
8. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Право. 2018. Т. 9. Вып. 8.
9. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. Изд. 3-е. М.: АСТ-Москва, 2002.
10. Верченко Н. И. Угроза как вид психического насилия // Научный альманах. 2016. № 7–2 (21).
11. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юрид. лит., 1974.
12. Гаухман Л. Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5.
13. Дубинин С. Н. Социально-психологическая структура личности // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 5.
14. Иванцова Н. В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005.
15. Клоченко Л. Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
16. Кургузкина Е. Б. Психическое насилие в уголовном праве // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сб. трудов междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: Науч. кн., 2018.
17. Левертова Р. А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск: ВШ МВД СССР, 1978.
18. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 2006.
20. Попов Д. В. О психическом насилии как о признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ // Российский судья. 2016. № 12.
21. Решетников А. Ю., Клоченко Л. Н. Психологические и правовые основы учения о психическом насилии // Вестник Российского нового ун-а. 2018. № 3.
22. Челябова З. М. Насилие в посягательствах на собственность: понятие, виды, проблемы законодательной регламентации, квалификации и наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.
23. Шарапов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОСВОЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ВЫДЕЛЕНИИ СУБСИДИЙ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Сергей Анатольевич Ярошенко, доцент кафедры, кандидат юридических наук;
Денис Григорьевич Лисовский, преподаватель Владивостокского филиала
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: yaroshenkosergey@rambler.ru

Lissden2979@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные особенности личности преступника, совершающего преступления экономической направленности в сфере освоения бюджетных средств, в частности: их профессиональные навыки, круг общения, криминальный опыт, социальная устроенность. Авторы обращают внимание на поведение изучаемых лиц в период реализации дел оперативных учетов.

Ключевые слова: личность преступника, экономические преступления, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, бюджетные средства, субсидии, должностные лица.

PECULIARITIES OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL COMMITTING A CRIME IN THE SPHERE OF EXPLOITING BUDGET FUNDS WHEN ALLOWING SUBSIDIES FOR AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Sergey Anatolevich Yaroshenko, associate professor of the Department, *kandidat nauk*, degree in Law;

Denis Grigorievich Lisovsky, lecturer of the Vladivostok branch
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article examines certain features of the personality of a criminal, economic crimes in the sphere of the development of budgetary funds. In particular: their professional skills, circle of friends, criminal experience, social arrangement. The authors focus on the behavior of the studied persons during the period of implementation of cases of operational records.

Keywords: the identity of the offender, economic crimes, Agriculture, agro-industrial complex, budget resources, subsidies, officials.

В сфере оперативно-розыскной деятельности вовлекается множество людей, представляющих оперативно значимый интерес. В специальной юридической литературе верно замечено, что знание особенностей свойств личности лица, совершившего преступное деяние, представляет собой важнейшее условие успешной деятельности по установлению и задержанию виновного в совершении преступления [2, с. 6].

Личность преступника является объектом изучения различных научных направлений – социально-гуманитарного, общеправового, а также объектом наук так называемого криминального цикла.

Изучение личности преступника характерно для науки криминологии, результаты криминологических исследования служат основой для создания методических рекомендаций для органов следствия, дознания, судей, органов прокуратуры, оперативного состава. Однако личность преступника в большей части познается на этапах предварительного следствия и суда (по материалам уголовных дел). Но существует также изучение личности «потенциальных

преступников», чей процессуальный статус не определен (подозреваемый или обвиняемый), такое изучение осуществляется сотрудниками оперативных подразделений в рамках дел оперативных учетов. Статус этих лиц определяется как проверяемый или разрабатываемый. Изучение таких лиц не всегда возможно даже при имеющейся информации, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, и это не обязательно связано с сохранением государственной тайны (хотя и это не исключено). Речь идет о скорректированном поведении преступника.

Первоначальная информация о личности, получаемая преимущественно негласным путем, способна вскрыть его истинные намерения, разглядеть реальный поведенческий психотип, определить закономерности поведения в различных ситуациях. Такая информация в большей степени представляет интерес для оперативного состава, в нашем случае – для сотрудников экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБ и ПК).

Учет полученных результатов о личности, а также аналогии, возникавшие в результате повторявшихся преступных событий, дали возможность сотрудникам ЭБ и ПК определять последовательный алгоритм действий, направленных на выявление и закрепление информации о преступной деятельности лиц в процессе раскрытия преступлений экономической направленности в сфере освоения бюджетных средств при выделении субсидий на развитие сельского хозяйства.

Основную группу лиц, совершающих преступления в исследуемой сфере, составили лица среднего возраста – от 28 до 55 лет, мужчины – 63,8 %; женщины – 36,2 %.

Несмотря на количественный перевес мужчин, совершающих указанные деяния, следует отметить, что женщины также являлись непосредственно исполнителями, а порой и организаторами преступных действий. Эта тенденция не является последствиями эмансипации, здесь преобладал практический опыт организаторской деятельности в сельском хозяйстве, а также развитая коммуникативная функция (умелое ведение беседы).

Из пояснений 80 % изученных лиц установлено, что они объективно имели доход, обеспечивающий им нормальный уровень жизни (наличие собственного жилья, автотранспорт), 39 % в той или иной мере испытывали нужду (в оплате за учебу своих детей, в лечении своих близких родственников, в отдыхе по туристическим путевкам и др.), а 16,5 % отнесли себя к малообеспеченным.

В ходе проведения исследования предметом изучения в большей степени становились материалы проверок, дела оперативного учета. Именно на этой стадии лица, попавшие в оперативное поле зрения, вели себя искренно, их цели были вполне объяснимы и ясны. При изучении оперативных материалов особый интерес вызывали лица, чьи характеристики присущи двум основным категориям преступников – «ситуационным» и «устойчивым».

К категории «ситуационные преступники» можно отнести «добросовестных коммерсантов», которые идут на «небольшой обман», причиняют «незначительный» материальный ущерб. Чаще всего они пытаются воспользоваться пробелами законодательства, фактически не входя в категорию лиц, имеющих право участвовать в государственной программе [1] и в связи с этим получать субсидии, например, предоставляют фиктивные сведения об образовании фермерского хозяйства.

Относительно рассматриваемых преступлений в категорию «ситуационных преступников» попали: лица, имеющие подсобные хозяйства; представители садоводческих, огороднических и дачных объединений; руководители небольших крестьянско-фермерских хозяйств и (реже) производственных кооперативов.

Данная категория граждан изначально не имела преступного умысла, организуя свою деятельность, связанную с животноводством, птицеводством, растениеводством и т. д., они планировали честно, в рамках законов Российской Федерации, вести свое хозяйство. Но постепенно круг их общения расширялся и пополнялся новыми деловыми связями,

как положительными, так и сомнительными. В их сознании стал появляться преступный умысел на получение незаконных денежных средств, используя льготные условия кредитования либо выплаты участникам различных государственных программ.

По результатам нашего исследования, толчком для совершения преступных действий для 80 % «ситуационных» преступников стали «рекомендации» лиц из числа приобретенных деловых связей, уже имеющих такой преступный опыт, остальные 20 % самостоятельно пришли к формированию преступного умысла.

Исследуемые нами лица из категории «ситуационных преступников», как мужчины, так и женщины, состоят или ранее состояли в браке, при этом исследование не дает однозначного ответа, влияли ли брак или развод, наличие детей и их количество на их преступную деятельность. Толчком к совершению преступных действий стала возможность получения значительного дохода, при этом не быть разоблаченным правоохранительными органами.

Как мужчины, так и женщины из этой категории преступников на предварительном следствии вели себя растерянно, вину признавали полностью, в дальнейшем активно помогали следствию.

Что же касается «устойчивых» преступников, совершивших преступления в изучаемой нами сфере, то это в основном лица, имеющие более развитый и устойчивый бизнес, которые на протяжении длительного периода совершали преступления экономической направленности. Многие из них перешли в эту категорию из «ситуационных преступников». Среди таких лиц организаторы производственных кооперативов; руководители крестьянско-фермерских хозяйств, агрофирм, объединений в форме ассоциаций (союзов); представители и руководители снабженческо-сбытовых кооперативов; председатели хозяйственных товариществ.

Первоначальное восприятие этих лиц формировало впечатление у сотрудников правоохранительных органов как о высокоинтеллектуальных людях с качественным высшим образованием. Но в процессе работы в рамках дел оперативных учетов, а затем на предварительном следствии складывалось представление о них как о лицах, приобретших значительный опыт ведения бизнеса в сельском хозяйстве, с хорошими знаниями законодательства для выстраивания преступных схем и их маскировки. Оставаясь долгое время безнаказанными, такие лица получали опыт в общении с партнерами по бизнесу, конкурентами, контролирующими и надзирающими органами. Их коммуникативные связи развивались и расширялись, формировались неформальные отношения с контролирующими органами власти. Этими лицами особое внимание уделялось своему внешнему виду, что было необходимо для подтверждения своей успешности, деловитости, стабильности в глазах новых «партнеров» (преимущественно «ситуационных преступников»), вовлекаемых к разовым сделкам. Их представительному имиджу способствовали высокие доходы от преступных действий.

Приведем пример. Гражданин П., являясь представителем индивидуального предпринимателя Р. – главы фермерского хозяйства, путем предоставления недостоверных сведений в Департамент сельского хозяйства и продовольствия Приморского края в рамках реализации постановления администрации Приморского края от 20.02.2013 № 193-па «О грантах на создание и развитие начинающих крестьянских (фермерских) хозяйств, единовременной помощи на их бытовое устройство, гранты на развитие семейных животноводческих ферм в Приморском крае на 2013–2020 годы» получил денежные средства в сумме 15 млн руб. После этого П. заключил договор подряда на сумму 9255 670 руб. с индивидуальным предпринимателем К., достоверно зная, что данный договор не будет исполнен в связи с неисполнением его условий. Денежные средства были возвращены и обналичены П. В дальнейшем он распорядился ими по своему усмотрению*.

«Устойчивые преступники» при посягательстве на денежные средства государственной поддержки хорошо понимают суть реализации программы и правила предоставления

* Уголовное дело № 12001050010000552. Уссурийский районный суд, г. Уссурийск. 2020 г.

субсидий. Достойный вид и поведение, достаточно высокий уровень культуры, высокая финансовая составляющая позволяли им входить в доверие к сотрудникам Департамента агропромышленного комплекса субъекта РФ и выступать в роли добросовестных претендентов на получение бюджетной поддержки государства, что является неотъемлемым звеном способа совершения рассматриваемого вида преступлений. Для достижения преступной цели преступники консультировались у сотрудников Департамента агропромышленного комплекса субъекта РФ, не подозревавших об истинной цели получения информации собеседником.

Отметим, что конкретные поведенческие проявления, особенно при делящихся преступлениях, всегда есть некое среднее взаимовлияний побуждающего (мотивационного) и удерживающего характера. В числе последних, при всем их разнообразии, более всего действенно осознание опасности, страх перед наказанием. Вопрос лишь в том, насколько действенно для конкретного лица осознание правовых последствий его преступного поведения. Во всяком случае, 45 % изученных нами лиц, по их собственному свидетельству, хорошо понимали последствия своих действий, но твердо рассчитывали, что никогда не будут разоблачены, а 55 % – опасались уголовной ответственности, но настолько втянулись в преступный процесс, что уже не могли остановиться. Здесь мы видим различную степень одноплановой психологической деформации, преимущественно в ценностно-волевой сфере, нежелание и неспособность отказаться от преступной деятельности.

По прошествии времени, приобретая новые деловые связи среди служащих государственных органов, а также повышая свой уровень жизни, у исследуемых лиц, преимущественно мужского пола, стали ярко проявляться такие черты личности, как тщеславие и честолюбие. На предварительном следствии эти люди вели себя спокойно, уверенно, высокомерно, при этом указывали на недостатки в правовых знаниях сотрудника, при удобном случае подчеркивали свою осведомленность о работе контрольно-надзорных органов власти, своих деловых знакомствах. Вину отрицали полностью.

Что же касается женщин, относящихся к «устойчивым преступникам» в рассматриваемой нами сфере, то их поведение отличалось не проявлением тщеславия и честолюбия, они, наоборот, старались быть более внимательными в общении с новыми «партнерами» (преимущественно «ситуационными преступниками»), вовлекаемыми в разовые сделки. Их также отличал широкий общий кругозор, хорошая общая и специальная компетентность, высокая квалификация, а также активность, коммуникабельность, психологическая гибкость, позволяющая корректировать линию поведения в зависимости от условий динамично меняющейся ситуации взаимодействия с другими субъектами общественных отношений. Кругозор их общения в фазе становления бизнеса начинался со знакомых им уже лиц, преимущественно женщин, которые им доверяли. К приобретению новых партнеров и вовлечению их к преступным сделкам относились осторожно, рассчитывая на более длительные отношения. На предварительном следствии вели себя спокойно, при этом на многие задаваемые вопросы отказывались давать ответы. При предъявлении собранной доказательственной базы всем видом показывали непонимание предъявляемых доказательств. Вину признавали частично.

Характерно, что 75 % всех исследуемых лиц на предварительном следствии были неискренны, упорствовали в отрицании своей вины.

Среди избежавших уголовного наказания преимущественно были лица, оказавшие консультативные услуги непосредственным участникам преступлений. Лишь 25 % обвиняемых на следствии вели себя искренне, вину признали.

Таким образом, можно сделать вывод, что знание об особенностях личности преступника в исследуемой сфере дает возможность:

1) оперативным подразделениям определить линию поведения сотрудника оперативно-полицейского подразделения при планировании и проведении мероприятий, связанных с непосредствен-

ным контактом с фигурантами; найти дополнительные источники информации о фигурантах; качественно провести реализацию дел оперативных учетов при проведении первоначальных совместных действий со следственными органами;

2) следственным органам (дознанию) верно избрать средства и методы, необходимые для успешного раскрытия и расследования преступлений; определить тактику проведения следственных действий в отношении подозреваемых и обвиняемых; выявить лиц из круга подозреваемых, способных к заключению досудебного соглашения.

Литература

1. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4549. Собр. законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.
2. Жбанков В. А. Криминалистические средства и методы раскрытия неочевидных преступлений. М., 1987.

УДК 343.34

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАЦИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Кристина Михайлова Кравченко, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: white_owk@mail.ru

В статье рассматриваются особенности уголовной ответственности за реабилитацию нацизма и экстремистскую деятельность по законодательству стран ближнего зарубежья. Автором проведен сравнительный анализ норм уголовного права России и стран СНГ по схожим составам преступления. Затронуты отдельные аспекты уголовной политики прибалтийских государств и Украины, касающиеся попыток исторического ревизионизма событий Второй мировой войны. В рамках проведенного исследования зарубежных уголовно-правовых норм сделан вывод о взаимосвязи экстремизма и реабилитации нацизма.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, экстремизм, экстремистская деятельность, страны ближнего зарубежья, исторический ревизионизм, мир и безопасность человечества.

FEATURES OF COUNTERACTION TO NAZISM AND EXTREMISM UNDER THE LEGISLATION OF THE MIDDLE ABROAD COUNTRIES

Kristina Mihailovna Kravchenko, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the features of the criminal legislation of the neighboring countries, which regulate responsibility for the rehabilitation of Nazism and extremist activity. The author conducted a comparative analysis of the norms of the Russian criminal law and the countries that are part of the Commonwealth of Independent States for similar offenses. Some aspects of the criminal policy of the Baltic countries and Ukraine, concerning the attempts of historical revisionism of the events of the Second World War, are touched upon. The conclusion is made about the relationship between extremism and the rehabilitation of Nazism.

Keywords: rehabilitation of Nazism, extremism, extremist activity, neighboring countries, historical revisionism, peace and security of mankind.

Исследование зарубежного законодательства и особенностей правоприменительной практики является ценным источником аналитической информации, поскольку позволяет оценить собственное национальное право, глубже увидеть его преимущества и недостатки. Кроме того, на основе анализа источников зарубежного права и практики их применения представляется возможным выработать действенные предложения по совершенствованию отечественного законодательства, в том числе в части уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. Ввиду общности с Россией социально-правовых основ и ценностей, историко-политических истоков стран ближнего зарубежья особый интерес представляет изучение уголовно-правового противодействия реабилитации нацизма и экстремизму.

Большинство стран, входящих в состав Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), одобряют политику Российской Федерации в вопросах сохранения исторической памяти о роли советского народа в разгроме Третьего рейха, противодействия попыткам фальсификации истории Второй мировой войны и героизации нацизма.

Приведем примеры уголовно-правового противодействия экстремизму и реабилитации нацизма в указанных странах.

Так, объективная сторона ст. 111 Уголовного кодекса Республики Азербайджан (далее – УК РА) предусматривает такие действия, совершаемые в отношении членов расовой группы, как «отрицание права на жизнь», «незаконное лишение свободы», «умышленное создание жилищных условий, рассчитанных на уничтожение членов группы», воспрепятствование участию во всех сферах жизнедеятельности общества, разделение населения путем создания гетто и резерваций, эксплуатация труда представителей группы [4].

Ответственность за расовую дискриминацию, в соответствии с диспозицией названной статьи, наступает в случае установления цели совершения общественно опасного деяния – осуществления превосходства одной расовой группы над другой. Такая правовая норма коррелирует с положениями российского уголовного закона об ответственности за геноцид (ст. 357 УК РФ), нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ) [1]. Однако законодательная регламентация специальной цели совершения преступления, направленной на достижение превосходства одной расовой группы над другой, в УК РФ отсутствует.

Аналогичные нормы есть и в уголовном законодательстве Республики Армения. Так, уголовная ответственность за пропаганду идей расового превосходства отражена в ст. 226 УК Республики Армения [5]. Кроме того, в армянском уголовном законе содержится запрет на совершение преступления против безопасности человечества (ст. 392) и геноцида (ст. 393), для которых характерна реализация общественно опасного деяния по признакам расовой, религиозной, национальной, этнической принадлежности.

Уголовная ответственность за распространение идей расового превосходства, расовой дискриминации, а также за осуществление насилия по мотивам ненависти отражена в уголовном законодательстве Республик Таджикистан и Узбекистан.

Статья 143 Уголовного кодекса Республики Таджикистан устанавливает запрет на умышленное нарушение либо ограничение прав и свобод граждан, установление преимуществ по половому, расовому, национальному, языковому, религиозному признаку [8].

Согласно ст. 141 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (далее – УК РУ), виновное лицо подлежит ответственности за нарушение прав граждан в зависимости от полового, национального, языкового, расового, религиозного признака [9].

Согласно ст. 156 УК РУ, уголовному наказанию подлежит лицо, совершившее повторно, после привлечения к административной ответственности, следующие деяния: «изготовление, хранение с целью распространения материалов, пропагандирующих национальную, расовую, этническую или религиозную вражду». Отметим с положительной стороны нормотворческую инициативу законодателя Республики Узбекистан по использованию административной преюдиции в отношении названных действий. В российском уголовном законе за производство и распространение экстремистских материалов, пропаганду либо публичное демонстрацию нацистской атрибутики или символики предусмотрена административная ответственность (ст. 20.29, 20.3 КоАП РФ).

Часть 2 ст. 156 УК РУ регламентирует ответственность за унижение национальной чести и достоинства граждан, возбуждение вражды и нетерпимости к группам населения по различным признакам. В соответствии с российским уголовным законом (ст. 282 УК РФ) лицо подлежит уголовному наказанию за подобное преступление после привлечения к административной ответственности за совершение аналогичного деяния в течение одного года. Таким образом, нормотворческая политика Республики Узбекистан, в отличие от российской, имеет тенденцию усиления уголовной репрессии в рамках осуществления противодействия экстремизму.

Правовые нормы, касающиеся вопросов назначения уголовного наказания за возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной и религиозной розни, содержатся и в Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК). В статье 174 УК казахстанский законодатель за подобного рода деяния предусмотрел наказание

от 2 до 7 лет лишения свободы и от 12 до 20 лет за совершение данного преступления в составе группы лиц [7]. Этой же нормой регулируется ответственность за «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности» по национальному, религиозному, сословному, родовому признакам. Уголовно наказуемым деянием является также финансирование или оказание иной материальной поддержки, а также пособничество подобного рода деятельности, предусматривающей, согласно ст. 258 УК РК, наказание от 5 до 9 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Среди стран СНГ наиболее развитым уголовным законодательством, направленным на борьбу с экстремизмом и реабилитацией нацизма, на наш взгляд, обладает Республика Беларусь. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 14 мая 2021 г. подписал закон о недопущении реабилитации нацизма и об изменении норм по вопросам противодействия экстремизму [12]. В нем нашли свое закрепление и развитие положения, которые ранее содержались в Законе «О противодействии экстремизму» [13]. В новом законе сформулировано определение нацизма, а также дан перечень действий, представляющих его реабилитацию. Подчеркнем, что реабилитация нацизма, согласно Закону Республики Беларусь об экстремизме, является одним из способов осуществления экстремистской деятельности, перечень которых содержится в ст. 1 названного нормативного правового акта.

Уголовная ответственность за совершение действий, реабилитирующих нацизм, предусмотрена ст. 130 УК Республики Беларусь (далее – УК РБ). Согласно данной норме, виновное лицо подлежит наказанию за «разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» [10]. Таким образом, уголовная ответственность за умышленные действия по реабилитации нацизма регламентируется наравне с разжиганием расовой или другой социальной вражды, что подтверждается положениями Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма». При этом лицо, реабилитирующее нацизм, а равно совершающее действия по разжиганию расовой, национальной либо иной вражды или розни, согласно уголовному закону Республики Беларусь, посягает на общественные отношения по защите мира и безопасности человечества.

Прогрессивным представляется тот факт, что белорусский законодатель, в отличие от большинства своих коллег из стран СНГ (в частности, из Казахстана и Таджикистана, Российской Федерации), установил в национальном законодательстве достаточно полное понятие нацистской символики, которое, как и дефиниция нацизма, а также перечень действий по его реабилитации, содержится в ст. 1 Закона РБ «О противодействии экстремизму». К такой символике относятся флаги, музыкальные произведения, свастика, символы и другие отличительные знаки, использовавшиеся политическими партиями Германии и Италии в годы Второй мировой войны.

Наличие подобного понятийного аппарата в белорусском законодательстве видится перспективным, поскольку в отечественном уголовном праве ни нормы УК РФ, ни нормы Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» подобного комментария по ст. 3541 УК РФ, предусматривающей ответственность за реабилитацию нацизма, не содержат. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по этому поводу также отсутствуют.

Отдельно отметим группу стран ближнего зарубежья, особенностью уголовной политики которых относительно исследуемого вопроса является пресечение попыток реабилитации тоталитарного режима (Украина, Латвия, Литва, Эстония). В данных странах наблюдается системная политика власти по фальсификации истории, выражающейся в героизации и реабилитации нацистских преступников, с одной стороны, и приравнивании советского (коммунистического) режима к длительному «красному террору». Такая особенность государственной политики не могла не отразиться и на законодательстве вышеупомянутых стран.

Так, 4 апреля 2019 г. в Латвии были приняты поправки к Закону «О собраниях, шествиях и пикетах» 1997 г., которые предусматривают запрет на использование формы вооруженных сил и символики СССР, а также запрет на публичное исполнение гимна Советского Союза. В Литве установлено наказание «за публичное выражение одобрения международных преступлений СССР и нацистской Германии в отношении Литовской Республики, их отрицание или грубое преуменьшение значимости» (ст. 170/2 УК Республики Литвы) [2].

Что касается Эстонской Республики, то, несмотря на наличие в Уголовном кодексе норм, предусматривающих наказание вплоть до пожизненного лишения свободы за совершение преступлений против человечности (геноцида) (ст. 611 УК ЭР), а также норм, предусматривающих менее суровое наказание (наказание штрафом или арестом) за нарушение равноправия по национальному, расовому признаку, по цвету кожи, пола, языка, происхождения (ст. 721 УК ЭР), возбуждение национальной, расовой, религиозной, политической вражды (ст. 72 УК ЭР) [11], данная страна также придерживается политики исторического ревизионизма. Например, в Эстонии открыто, с участием представителей государственных органов проводятся официальные мероприятия в память пособников нацистов, осуществляется политика их возвеличивания и героизации. На государственном телевидении и радио широко освещаются в положительном ключе случаи осквернения памятников, посвященных советским солдатам. Эстонские власти открыто применяют дискриминационный подход в отношении общин национальных меньшинств [3].

Апогей развития идеи о приравнивании советского режима к нацистскому можно видеть в Украине, где в настоящее время осуществляется политика героизации членов националистических формирований как «борцов с коммунизмом за свободу Родины». На фоне реабилитации нацистов и их пособников вводятся законодательные запреты на символику Красной армии и СССР.

Так, в 2015 г. Верховной Радой Украины был принят Закон № 317 «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики», нормами которого на территории этого государства запрещена пропаганда советских флагов, эмблем в виде серпа и молота, а также красной звезды [2]. 1 июля 2021 г. Верховной Радой принят, а 21 июля подписан президентом Украины В. Зеленским Закон «О коренных народах Украины», ущемляющий права русских, проживающих на территории названной страны.

Уголовно-правовыми нормами Украины советская символика приравнена к нацистской символике. Так, за «изготовление, распространение, публичное использование символики коммунистического, национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов» предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет (ст. 4361 УК Украины) [10].

Как можно заметить, в рассмотренных нами национальных законодательствах прибалтийских стран и Украины понятие нацизма отождествляется с понятием коммунизма, а сам коммунистический режим порой представляется куда большим злом, чем идеология и практика нацизма. Данное обстоятельство является прямым результатом фальсификации истории и может служить причиной отсутствия должного механизма противодействия реабилитации нацизма.

Таким образом, уголовно-правовая политика, направленная на предотвращение и пресечение возникновения идеологии и практики нацизма, проводится большинством зарубежных стран. Связано это прежде всего с тем, что в период Второй мировой войны жертвами преступлений против мира, человечности и военных преступлений, совершенных нацистами, стало все мировое сообщество. Поэтому в целях недопущения подобной ширококомасштабной катастрофы зарубежными законодателями в целом предпринимаются меры правового регулирования по закреплению формы ответственности за реабилитацию нацизма.

В странах СНГ существуют правовые нормы, предусматривающие ответственность за действия, прямо или косвенно направленные на создание условий возникновения идеологии и практики нацизма, то есть за экстремистскую деятельность. При этом нормы об ответственности за такие общественно опасные деяния включены в систему преступлений против мира и безопасности человечества. Представляется, что наличие подобного рода норм в уголовном законе, а также их эффективное практическое применение может препятствовать распространению идей нацизма.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 11.07.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», 2019 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: <https://ethiopia.mid.ru/upload/iblock/a7a/a7a005889e5ce8681ea110c74d9c7801.pdf>.
3. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», 2020 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/4145891#39.
4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ: по сост. на 06.10.2020 // Информационно-правовая система «Континент». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353.
5. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 № ЗР-528 IQ: по сост. на 03.06.2021 // Правовая информационная система Армении. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=63312>.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З: по сост. на 06.01.2021 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V: по сост. на 30.12.2020 // Правовая система Республики Казахстан «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.
8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574: по сост. на 20.04.2021 // Информационно-правовая система «Континент». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325.
9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII: по сост. на 30.03.2021 // Информационно-правовой портал Республики Узбекистан «Lex». URL: <https://lex.uz/docs/111457>.
10. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III: по сост. на 03.03.2021. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109.html
11. Уголовный кодекс Эстонской Республики от 06.06.2001: по сост. на 20.07.2020. URL: https://www.legislationline.org/download/id/6462/file/Estonia_CC_as_of_2002_ru.pdf
12. Закон Республики Беларусь от 14.05.2021 № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100103_1621026000.pdf.
13. Закон Республики Беларусь от 17.07.2019 № 232-З «О противодействии экстремизму» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700203>.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНЫХ ЗНАНИЙ: К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ЭКСПЕРТНОМ ЦЕНТРЕ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: ugpd@rambler.ru

В статье обосновываются некоторые вопросы, касающиеся объединения знаний нескольких специалистов при производстве экспертиз в одном экспертном учреждении. С целью получения неопровержимых доказательств при расследовании преступлений и судебном исследовании обнаруженных следов привлекаются лица, обладающие уникальными познаниями в определенной области науки и техники, применяющие общую методику экспертного исследования. Объединение различных экспертных учреждений подчиненных различным министерствам и ведомствам позволит работникам правоохранительных органов объединить усилия и сократить сроки расследования по многим преступлениям.

Ключевые слова: расследование, эксперт, специалист, судопроизводство, доказательства, криминалистика, знания, исследование, наука, следователь.

PROBLEMS AND FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF COMPLEX KNOWLEDGE: ON THE ISSUE OF THE UNIFIED FEDERAL EXPERT CENTER

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation

The article substantiates some questions concerning the integration of knowledge by several specialists in the production of expert examinations in one expert institution. In order to obtain irrefutable evidence in the investigation of crimes and judicial investigation of the discovered traces, persons with unique knowledge in a certain field of science and technology are involved, using the general methodology of expert research. The integration of various expert institutions

subordinate to various ministries and departments will allow law enforcement officials to combine their efforts and shorten the investigation time for many crimes.

Keywords: investigation, expert, specialist, legal procedure, evidence, criminology, knowledge, research, science, investigator.

В настоящее время практически ни одно уголовное дело не расследуется без проведения досконального научного исследования обнаруженных следов и объектов в экспертных учреждениях. И это верно. В силу того, что мало обнаружить и изъять следы, оставленные преступником, их необходимо подробно изучить с целью установления субъекта и определения его причастности к совершенному противоправному деянию. Это, как правило, достаточно сложная задача, решение которой предусматривает, во-первых, возбуждение уголовного дела; во-вторых, исключение возможности обвинения невиновных лиц; в-третьих, признание неопровержимым доказательством обнаруженных и изъятых объектов преступления; в-четвертых, создание условий для информационной осведомленности лиц, участвующих в расследовании преступления; в-пятых, исключение возможности нанесения какого-либо ущерба законным интересам тем или иным субъектам; в-шестых, установление лиц, принимавших непосредственное участие в совершении преступления.

При обнаружении, получении, оценке и исследовании объектов как в области уголовного, так и гражданского судопроизводства возникает необходимость в привлечении эксперта (ст. 57 УПК РФ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ) или специалиста (ст. 58 УПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ) для решения насущных задач и получения достоверных доказательств. Однако этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что почти по всем противоправным деяниям изучением и исследованием объектов преступной деятельности субъекта возникает необходимость в расширении методов использования знаний в области уголовного и гражданского судопроизводства. Обозначенная проблема не нова. О привлечении «сведущих людей» указывалось в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Согласно ст. 112 Устава, для участия в уголовном судопроизводстве сведущие люди приглашались «в тех случаях, когда для точного умозрения встречающихся в деле обстоятельств необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» [1, с. 153]. Справедливости ради необходимо отметить, что как в XIX, XX вв., так и в XXI в. достоверными познаниями по тому или иному вопросу наделены преимущественно небольшие группы людей, в основном ученые и практики. Законодательное закрепление привлечения сведущих людей к расследованию преступлений дало толчок к принятию решения о создании в 1912–1913 гг. кабинетов научно-судебной экспертизы в Санкт-Петербурге и Москве.

В связи с расширением преступной деятельности субъектами, использующими новейшие технологии, возникает необходимость в исследовании следов и иных объектов с привлечением знаний специалистов (сведущих людей) не в рамках какой-либо одной из существующих наук, а различных. Обозначенное объединение знаний на практике может обеспечить расширение и продвижение исследования обнаруженных на месте преступления объектов в различных областях указанной деятельности. Следовательно, основной задачей успешного раскрытия и расследования преступлений является тенденция оптимизации расширения экспертной практики с использованием знаний в той или иной области, что влечет развитие производства судебных экспертиз, в том числе и поиск путей их интенсификации.

Изучая сущность обнаруженных следов с точки зрения криминалистики, судебной медицины, различных областей техники и т. д., некоторые исследователи совершают подмену общепринятых в экспертной практике понятий, указывая не столько на сущность, сколько на методы получения доказательств. Разумеется, сведущие люди, обладающие специальными научными познаниями, например, в судебно-экспертной или криминалистической деятельности, в практике при производстве судебных экспертиз используют самые разнообразные методы.

Некоторые из этих методов являются общими для всех наук, а другие – частными. Именно это обстоятельство натолкнуло нас на мысль об объединении знаний экспертов-медиков, экспертов-криминалистов, биологов, химиков, технологов и т. д. с целью, во-первых, устранения процессуальных неточностей и, во-вторых, сокращения сроков производства экспертиз. Следовательно, задавая те или иные вопросы в постановлении о назначении экспертизы, в некоторых случаях предлагает эксперту выйти за пределы своей компетенции при формировании заключения. По нашему мнению, предлагаемая система должна определять компетенции специалистов в одном экспертном учреждении, что в итоге создаст возможность сократить сроки проведения экспертиз и в целом расследования по уголовному делу.

Перед нами не стоит задача перечислять все направления экспертных исследований, проводимых в стране и мире по обнаруженным следам и объектам при осмотре места происшествия и иных следственных действиях, однако на некоторых следует остановиться более подробно.

Так, достаточно теоретически и практически сложный и многоструктурный комплекс образуют трасологические экспертизы следов, обнаруженных на месте происшествия. По предмету и используемым специальным методикам различают четыре вида трасологических экспертиз: гомеоскопические (следы человека), механоскопические, транспортные и следы животных. Все виды трасологических экспертиз, в свою очередь, подразделяются на подвиды в зависимости от особенностей следообразующих объектов: гомеоскопические – экспертизы следов рук, ног, зубов, обуви, одежды и следов крови человека; механоскопические – экспертизы следов орудий и механизмов, запирающих и предохранительных устройств; транспортные – экспертизы следов автотранспорта, водного и железнодорожного транспорта; экспертизы следов животных – экспертизы следов зубов и следов ног (лап, подков), экспертиза тавра (клейма). Научные познания в обозначенной области из года в год расширяются, и можно это перечисление продолжить, однако остановимся на некоторых из них.

Обратим внимание на то, что трасологические объекты могут изучаться некоторыми областями знаний. Исходя из этого, исследования перечисленных экспертиз проводят специалисты, имеющие на это законное право, что дает возможность изучение представленных объектов отнести к определенной группе, а впоследствии – индивидуализировать их. Так, диагностирование трасологических объектов позволяет специалистам в дальнейшем идентифицировать человека по различным свойствам и признакам, например, следам рук, от зубов, кровяным следам и т. д. Например, в результате исследования следов зубов эксперт может установить, во-первых, форму лица и размеры зубной дуги; во-вторых, особенности произношения (шепелявость, присвист); в-третьих, наличие протезов, имплантов (искусственных зубов); в-четвертых, кем конкретно оставлен след на остатках пищи или теле человека. Все это позволяет разрабатывать методику исследования обозначенных следов как специалистам в области судебной медицины, так и криминалистам.

Изучение практики показывает, что методика проведения экспертных исследований, как правило, включает, во-первых, общую или основополагающую систематизацию представленных на экспертизу объектов и, во-вторых, планомерное изучение отдельных объектов, которое основано на общих положениях, являющихся связующим звеном всех частных методик проводимых экспертиз. Необходимо отметить, что в основе разработки подлинно научной методики экспертного исследования лежат законодательные акты, а также ранее разработанные и апробированные практикой исходные данные в представленном объекте. Кроме того, находясь в структуре общего теоретического знания проведения экспертизы, частные судебно-экспертные методики, образуя методологическое единство, интегрированы в общесистемное научное знание общей теории судебной экспертизы. Более того, в период исследования могут допускаться отдельные колебания в структуре методики проведения некоторых экспертиз, которые позволяют их объединять, устанавливая предельные границы в структуре заключения эксперта или группы экспертов.

Например, при необходимости исследования состава вещества, образующего кровяные следы, назначается и проводится судебно-медицинская или судебно-биологическая экспертиза (что это за вещество, кому принадлежат следы и т. д.), но и криминалистическая (трасологическая) экспертиза изучает обозначенные следы с позиции запечатления их конфигурации с целью, во-первых, определения, каким образом они оставлены; во-вторых, установления направления движения раненого; в-третьих, исследования действий того или иного субъекта на месте совершения преступления.

При установлении позы потерпевшего (трупа) или положения оружия в руках нападавшего в момент выстрела должна назначаться комплексная баллистическая, химическая, судебно-медицинская, судебно-биологическая и т. д. экспертиза [2, 3, 6, 7, 8]. Дело в том, что после причинения огнестрельного повреждения может изменяться не только положение потерпевшего, оружия в пространстве, но и нередко направление раневого канала. Кроме того, если стрелявший субъект задержан на месте или вблизи его, то необходимо сделать смывы с его рук на стерильный тампон. То же самое выполняется с потерпевшим при подозрении в самостреле или инсценировке самоубийства. В силу этого возникает необходимость совместного исследования медиком, криминалистом, химиком, биологом и т. д. В результате использования каждым своих знаний они могут не только восстановить механизм происшествия, но и определить состав вещества (следы продуктов выстрела), предоставленного в результате смыва рук у подозреваемого. В то же время очевидным является и тот факт, что при обнаружении трупа в месте преступления первоначально назначается судебно-медицинская экспертиза, а впоследствии иные, например, баллистическая, трасологическая и т. д.

Изучение практики показывает, что при производстве криминалистических экспертных исследований в качестве объектов познания выступают: 1) место нахождения огнестрельного повреждения на теле и одежде потерпевшего; 2) данные, свидетельствующие о фактическом наличии (отсутствии) следов на теле, одежде и других объектах, на которых отобразились последствия выстрела; 3) оружие, боеприпасы и т. д.; 4) движение снаряда по каналу ствола и вне его, т. е. закономерности внутренней и внешней баллистики и т. д.

В то же время при назначении и производстве судебно-медицинского исследования следствие и суд интересуют: 1) закономерности образования повреждений на теле потерпевшего (основной объект); 2) характеристика следов, образовавшихся в результате выстрела (дополнительный объект); 3) методы лечения пострадавшего; 4) причина смерти (если таковая наступила).

Однако решить все вопросы раздельно не всегда представляется возможным без предоставления данных об оружии, снарядах, порохового заряда и т. д.; без анализа воздействия на одежду и тело посторонних предметов, оказавшихся на пути полета снаряда; без совместного обсуждения действий потерпевшего и стрелявшего.

Закономерности производства выстрела, полета снаряда, его соприкосновение и внедрение в объект исследуются многими науками, в том числе криминалистикой (судебно-баллистическая экспертиза) и медициной (судебно-медицинская экспертиза). В ходе исследования они применяют одни и те же методы, понятия, т. е. создается и используется при расследовании единая информационная база для идентификации обозначенных следов.

Анализ данных о преступлениях, совершенных за последние годы, показывает, что сохраняется необходимость в назначении и проведении судебно-почерковедческих и судебно-документоведческих экспертиз, которые являются разновидностью графологии. Обозначенный вид исследования часто встречается в следственной и судебной практике, поскольку проводятся они по самым различным категориям уголовных и гражданских дел. Важно, что исследуя почерк, можно:

– определить свойства пишущего, изучая при этом размеры букв, скорость и наклон письма, расположение слов и многое другое. Эта область знаний графологов;

– узнать о свойствах личности, о характере человека, его социальном поведении и т. д. Это область психологии и психиатрии;

– проанализировать род использованного при выполнении рукописного документа красителя, однородность его с красителем пишущего прибора, состав бумаги, на которой выполнен текст, и т. д. Для этого используются знания в области физики и химии;

– установить некоторые заболевания у человека, писавшего текст. Это область судебной медицины.

Кроме того, в период проведения технико-криминалистической экспертизы документов отождествляются материалы (например, залитые, зачеркнутые, замазанные записи), представленные на исследование, средства их изготовления, т. е. фактические обстоятельства, связанные с исполнением документов. В этом случае необходимо использовать знания специалистов в области химии, физики, психологии и т. д.

Отвечая на поставленные следователем или судом вопросы, судебные медики, а также привлекаемые специалисты в разных областях знаний используют специальные научные методики, разработанные экспертами других наук, либо применяют криминалистические приемы, позволяющие осуществлять экспертные исследования.

Не меньшее значение имеет привлечение специалистов различных областей знаний в период проведения пожарно-технической экспертизы [5, с. 153]. В этих случаях необходимо провести исследования не только экспертом в области проведения пожарно-технической экспертизы, но и требуется привлечение проектировщиков, архитекторов, строителей, энергетиков, электротехников, электромехаников, электромонтажников, радиоэлектроников и т. д. В период проведения пожарно-технической экспертизы также решаются ситуационные, диагностические, классификационные и идентификационные задачи. Только комплексное решение перечисленных задач может позволить провести доскональное экспертное исследование.

К числу мало назначаемых, но достаточно сложных в исследовании относится экспертиза, проводимая в области криминалистики и металловедения [4, с. 29]. Предметы, изготовленные из металлов, могут быть как похищены, так и служить орудием совершения преступления. Исследованию по обозначенным объектам подлежит обширное количество предметов, используемых человеком: изделия из черных металлов (ножи, отвертки, отмычки, ломы и т. п.) и сами металлы; самородное и промышленное золото, платина, а также украшения (кольца, кулоны, серьги и т. п.), изготовленные из них; приспособления для изготовления монет (тигель, форма, прессы и т. д.), инструменты (сосуды, предназначенные для отливки гипсового слепка, напильники, граверные инструменты) и иное оборудование. При назначении в этой области экспертиз привлекают специалистов и ученых, обладающих знаниями в криминалистике, химии, физике, геологии, природоведении, металловедении и т. д.

Для проведения полного идентификационного исследования (с установлением субъекта преступления) следователю необходимо представить на экспертизу сравнительный материал, позволяющий определить круг лиц, среди которых можно установить непосредственного исполнителя противоправного деяния. В результате деятельности работников правоохранительных органов (проведение оперативно-розыскных и иных мероприятий) могут появиться подозреваемые, у которых необходимо изъять образцы следов и иных вещественных доказательств (ст. 202 УПК РФ). Доказательства, полученные и подтвержденные в результате проведения обозначенных экспертиз, могут служить базой для выдвижения дополнительных версий, проверка которых позволит в кратчайший срок расследовать совершенное преступление. Однако при обнаружении новой информации (материальных следов) следует назначать дополнительные экспертизы, поставив на разрешение экспертов конкретные вопросы.

В связи с этим необходимо отметить, что использованием информации, получаемой при раскрытии и расследовании преступления и передаваемой при помощи техники, занимается

в основном человек, который, естественно, не может ее переработать из-за разрозненности формирующих источников. Вполне реальным нам представляется вариант разрешения обозначенной проблемы в создании централизованной системы экспертно-криминалистических подразделений России – *единого федерального экспертного центра (ФЭЦ РФ)*, в котором эксперты в различных областях знаний смогли бы объединить усилия при доказывании причастности конкретного субъекта к совершению преступления. Предлагаем обозначенный центр создать в составе МВД РФ в силу того, что в настоящее время там сосредоточены самые развитые в техническом отношении специальные подразделения, да и специалисты, работающие в них, как правило, являются высококвалифицированными.

Информация, имеющаяся в распоряжении работников правоохранительных органов, позволит следователю в ФЭЦ РФ выносить постановление о назначении конкретной или комплексной экспертизы и ставить на ее разрешение, во-первых, общие вопросы, касающиеся установления родовой принадлежности обнаруженных и представленных вещественных доказательств; во-вторых, конкретные идентификационные вопросы по многогородным объектам. Кроме того, исчезнет ведомственная неразбериха при использовании доказательств, подтвержденных экспертным исследованием. Все это даст возможность совместными усилиями успешно раскрывать и расследовать большинство наиболее сложных преступлений.

Литература

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991.
2. Кальницкий А. Ф. Определение удельной кинетической энергии снаряда на различных дистанциях от дульного среза оружия и предельной дальности выстрела // Использование специальных знаний на первоначальном этапе расследования. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983.
3. Корухов Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: мат-лы всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1997.
4. Мерецкий Н. Е., Кузнецов А. В., Пудовиков А. С. Организационно-тактические аспекты назначения экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях: учеб. пособие. М.: Изд-во «Научный консультант», 2019.
5. Мерецкий Н. Е. Тактические особенности первоначального этапа расследования причин пожара // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2021. № 1(54).
6. Путинцев А. В., Дилис А. Д., Китаев Н. Н. Экспертная оценка входных огнестрельных отверстий на своде черепа // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. Т. 33. № 4.
7. Соловьев М. Я. Программирование установления огнестрельного оружия по криминалистическим признакам // Криминалистические аспекты совершенствования доказывания при расследовании преступлений: труды Академии. М., 1992.
8. Чулков И. А. Предварительные судебно-баллистические исследования на месте происшествия: учеб. пособие. Волгоград: ВЮИ МВД РФ, 1997.

УДК 343.98

ИЗУЧЕНИЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ О ПОСЯГАТЕЛЬСТВЕ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ, ЗАФИКСИРОВАННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Николай Григорьевич Шурухнов, главный научный сотрудник НИЦ-3 НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Александр Николаевич Калюжный, сотрудник Академии ФСО России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: matros49@mail.ru

kaluzniy-a-n@yandex.ru

Обозначается сущность непосредственного и опосредованного осмотра места происшествия, приводятся случаи, когда это происходит в практической деятельности, говорится о возможностях использования беспилотных летательных аппаратов для фиксации места происшествия. Отмечаются присущие им качества, указывающие на перспективность использования в деятельности субъектов расследования преступлений. Приводятся отдельные технические характеристики, а также возможности монтируемого на них оснащения для качественной фиксации обстановки. Указываются основные объекты фиксации при расследовании посягательств на свободу личности, приводится комплекс требований, которые должны выполняться субъектами использования беспилотных летательных аппаратов при расследовании преступлений. Акцентируется внимание на некоторых особенностях производства ориентирующей, обзорной, узловой и детальной фиксации места происшествия и отдельных объектов.

Ключевые слова: место происшествия, непосредственное восприятие, опосредованное восприятие, беспилотный летательный аппарат, посягательства на свободу личности.

INVESTIGATION OF THE SCENE OF THE ENCROACHMENT FREEDOM OF THE PERSON RECORDED USING UNMANNED AERIAL VEHICLE

Nikolai Grigoryevich Shurukhnov, chief researcher of the Research Center-3 of the NRI of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor;

Alexander Nikolaevich Kalyuzhny, employee of the Academy of the FSO of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The essence of a direct and indirect inspection of the scene of the incident is indicated, cases are given when this happens in practical activities, the possibility of using unmanned aerial vehicles to fix the scene of the incident is mentioned. Their inherent qualities are given, indicating the prospect of use in the activities of subjects of crime investigation. Individual technical characteristics are listed, as well as the capabilities of the equipment mounted on them for high-quality fixation of the situation. The main objects of fixation in the investigation of violations of personal freedom are indicated, a set of requirements is given that must be fulfilled by the subjects of the use of unmanned aerial vehicles in the investigation of crimes. Attention is focused on some features of the production of orienting, viewing, knot and detailed fixation of the scene and individual objects.

Keywords: scene; direct perception, indirect perception, unmanned aerial vehicle, violations of individual freedom.

Основополагающим следственным действием, определяющим процесс расследования преступлений, посягающих на свободу личности, вне зависимости от этапа, на котором оно производится, является осмотр места происшествия. Он не только позволяет получить материальные свидетельства совершения противоправного деяния, становящиеся предметом исследования отдельных экспертиз, но и позволяет выдвинуть версии, подтвердить или опровергнуть предположения субъекта расследования, указывая направления его действий. Уникальность этого следственного действия состоит и в том, что дознаватель, следователь, присутствуя непосредственно на месте происшествия, имеет возможность убедиться в существовании и характере фактов с помощью собственных органов чувств. Присутствие уполномоченных должностных лиц на месте, где действовал преступник, позволяет сделать предварительный вывод о свойствах личности, о его намерениях, а также прогнозировать, все ли пошло так, как планировал субъект, что этому способствовало или препятствовало. Непосредственное видение всей обстановки позволяет использовать это в качестве отправной точки при подготовке к проведению других следственных действий, определить отдельные корреляции в процессе расследования и даже прогнозировать, когда и по каким вопросам преступник будет пытаться давать ложные показания, оказывать противодействие расследованию, избегать при допросе изложения некоторых фактов, имевших место в момент совершения преступления.

Непосредственное восприятие обстановки, предметов, следов, механизма их образования является незаменимым при расследовании преступлений. Поэтому неправильно поступают те субъекты расследования, которые по различным причинам не проводят осмотр места происшествия, отдельных предметов, вещей, следов, не задействуют возможности собственных органов чувств для их непосредственного восприятия. Важную роль во всем этом процессе занимает параллельная фиксация хода следственного действия с помощью фото-, видеоаппаратуры и последующее подробное описание в протоколе осмотра места происшествия. Это идеальный вариант, который закреплен нормами УПК РФ и относится к общим условиям производства следственных действий.

Однако в современной практике нередки случаи, когда произвести осмотр места происшествия не представляется возможным, а также когда существуют объективные и субъективные причины, препятствующие своевременному проведению указанного следственного действия. При этом иногда есть возможность изучить различные носители информации, на которых специально или непреднамеренно запечатлено место происшествия, т. е. речь идет об опосредованном его восприятии.

Не следует ни игнорировать, ни умалять достоинств опосредованного восприятия: записей видеорегистраторов, схем, чертежей, фотоснимков, аудиовидеозаписей, аэрофотоснимков (лесных пожаров на большой площади, наводнений, селей). Современные информационно-компьютерные технологии, научно-технические средства, программное обеспечение, беспроводная передача данных как варианты предоставления возможностей для опосредованного восприятия стали широко использоваться в уголовном судопроизводстве.

Одним из направлений получения материалов (объектов) для опосредованного ознакомления с местом происшествия (предстоящего проведения следственного действия) является использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА)* [6]. Необходимо подчеркнуть, что сразу, как только о них заговорили в передовой технической среде, с появлением первых образцов этих аппаратов в числе первых «разработчиков» идей возможности их использования в противоправной деятельности стали, в частности, осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, у которых есть время продумать, коллективно обсудить и даже поэкспериментировать, как такие средства можно применить для доставки денег, наркотических средств, сотовых телефонов и их комплектующих на территорию конкретного исправительного

* Наименования «беспилотный летательный аппарат», «квадрокоптер», «мультикоптер», «дрон», «беспилотное воздушное судно» в статье используются как равнозначные.

учреждения [2]. По данным В. В. Горюхова и В. Л. Самуткина, с 2015 по 2019 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы России зафиксировано 54 случая обнаружения БПЛА, из которых 33 единицы были сбиты или перехвачены сотрудниками дежурных смен и караулов. В 90 % случаев БПЛА использовались для доставки средств сотовой связи и комплектующих к ним, в 5 % – для доставки наркотических средств и в 5 % – для доставки запрещенных в исправительных учреждениях предметов [1].

В настоящее время существует большое разнообразие беспилотных летательных аппаратов как специального, так и любительского назначения. Как указывают специалисты, самыми используемыми являются различные модели мультикоптеров – многовинтовых вертолетов с произвольным количеством несущих винтов, вращающихся диагонально в противоположных направлениях, и квадрокоптеров – летательных аппаратов с четырьмя несущими винтами. Они широко используются не только на военном поприще, но и для нужд сельского хозяйства (в частности, квадрокоптер DJI Agras MG используется для распыления удобрений, пестицидов и других жидкостей), для выполнения геодезических, энергетических, нефтегазовых, картографических и инспекционных задач, задач пожарной безопасности, для наблюдения за опасными материалами, для проведения спасательных операций.

При оснащении беспилотных воздушных судов (БВС) фото- и видеоаппаратурой они могут быть использованы для производства видео-, фотосъемки в режиме трансляции данных с камеры на монитор компьютера или другого современного гаджета при условии установления на нем соответствующего программного обеспечения. Такая оснастка БПЛА позволит провести фиксацию места происшествия, расположенного на большой площади, в труднодоступной местности, в условиях сложного проникновения на ограниченное пространство. Актуально использование БПЛА по преступлениям против свободы личности, в ходе совершения которых жертвы могут удерживаться и эксплуатироваться на огороженной, охраняемой территории, открытый доступ на которую ограничен или затруднен.

Практическое использование БВС позволяет выделить ряд присущих им качеств, указывающих на перспективность применения в деятельности субъектов расследования: мобильность; простота управления; возможность использования как в ночное, так и в дневное время суток; получение информации в режиме реального времени; способность непрерывной фиксации фото- или видеоизображения; наличие программной обработки информации. Современные БПЛА позволяют совершать полеты на высотах до 5000 м, развивать скорость в благоприятных погодных условиях до 80 км/час, дальность управления их полетом составляет от 30 до 9000 м.

Для нужд фиксации мест происшествий по различным видам преступлений БПЛА и их оснастка, по мнению профессионалов, должны обладать следующими характеристиками и возможностями:

- трехосевым стабилизатором фотокамеры;
- точным полетом, с возможностью зависания (дроны оснащаются автопилотами, что позволяет им вернуться к месту старта безопасно);
- фиксацией радара и функцией возврата в исходную точку;
- камерой с повышенной разрешающей способностью;
- регулируемым наклоном и настройкой камеры;
- непосредственной передачей и фиксацией воспринимаемых данных на аппаратуру.

Анализ практики расследования посягательств на свободу личности позволяет указать основные объекты, которые необходимо зафиксировать еще до их непосредственного восприятия (осмотра места происшествия):

- а) значительные по объему участки местности: пастбища, поля, лесные массивы, делянки для разработки леса, дороги, путепроводы, на которых ведутся устроительные или ремонтные работы и осуществляется эксплуатация жертв противоправной деятельности;

б) участки местности, доступ к которым затруднен: болотистая территория, на которой ведется сбор лесных ягод (клюквы), акватория реки, озера, моря (для осуществления рыбного промысла), высокогорные участки (пастбища скота, добыча ископаемых), где удерживающимся поручается производство определенных работ;

в) огороженная частная территория и домовладения, в которых содержатся и эксплуатируются потерпевшие, а также местность со значительным количеством отдельно стоящих зданий и сооружений;

г) открытые участки местности с обширной территорией и следовой картиной, характерной для преступлений, механизм реализации которых был связан с групповым способом посягательства, со следами ожидания жертвы, борьбы, перемещения к транспортному средству.

Начинающаяся практика использования БПЛА требует от субъектов расследования:

– выяснения основ их эксплуатации, возможности использования конкретного образца для фиксации места предстоящего производства следственного действия (осмотра места происшествия, проведения следственного эксперимента) в полевых условиях;

– приобретения навыков работы с БПЛА и его оборудованием;

– изучения опыта их применения в других правоохранительных, следственных органах;

– осмысления положений воздушного законодательства, являющихся отправными для эксплуатации БПЛА; норм УПК РФ, которые могли бы служить в качестве правового основания использования их для фиксации мест проведения следственных действий;

– выбора дрона под конкретные цели, с оптимальной оплатой за его эксплуатацию;

– проработки организационных вопросов применения;

– получения разрешения на использование воздушного пространства;

– продумывания обеспечения безопасности применения БПЛА, в первую очередь для воздушных судов [3], граждан, специальных высотных сооружений (телевизионных вышек, ретрансляционных станций сотовой связи).

Индивидуальная или коллективная наработка перечисленного является отправной для последующего общения со специалистами, которые применяют БВС в Вооруженных силах, МЧС (для определения территории пожара, подтопления населенного пункта, разлива реки, ледового затора), постановки перед ними конкретных вопросов, получения необходимых консультаций.

Однако следует отметить, что в настоящее время практика располагает лишь единичными случаями использования БПЛА для фиксации мест предстоящего производства следственных действий. Основными факторами, препятствующими такой практике, выступают достаточно высокая стоимость БПЛА, отсутствие наработанного опыта их использования в деятельности субъектов расследования. На сегодняшний день требуется специальная подготовка дознавателей, следователей, оперативных уполномоченных, соответствующих специалистов, введение учебных курсов при подготовке субъектов расследования, экспертов в профильных учебных заведениях. Нужно обращаться к богатейшему опыту специалистов Вооруженных сил, МЧС России, геологоразведки, строителей, а также использованию БПЛА в зарубежных странах. При этом подчеркнем, что существуют разнообразные курсы, которые рассчитаны на привитие навыков работы с квадрокоптерами (например, учебно-технический центр «Энергоскан»).

Обозначенное нами направление использования БПЛА, оснащенных соответствующей фото-, видеоаппаратурой, является предпосылкой результативности предстоящего осмотра места происшествия*, так как позволяет делать прогноз о расположении следов преступления, средств, использовавшихся для похищения человека, определения характера работ, выполняемых жертвой, условий ее изоляции. К тому же специфика мест происше-

* Велика роль беспилотных средств в установлении (розыске) местонахождения похищенного человека.

ствий по делам о посягательствах на свободу личности указывает, что использование БПЛА является не только дополнением к традиционным технико-криминалистическим средствам фиксации места происшествия, но и порой единственно возможным способом в конкретной следственной ситуации.

В зависимости от установленной на БПЛА фото-, видеоаппаратуры, от навыков ее эксплуатации, от рельефа местности можно произвести ориентирующую, обзорную, узловую и детальную фиксацию места происшествия. Принимая решение об использовании БПЛА (на подготовительном этапе), необходимо проверить его полную работоспособность, наличие комплектующих, убедиться в заряде батарей (аккумуляторов) квадрокоптера, пульта управления и планшетного компьютера, оценить возможность использования БПЛА на предполагаемом участке (рельеф местности, естественные и искусственные препятствия). БПЛА может находиться в воздушном пространстве достаточное время, быть невидимым и неслышимым для посторонних (при условии, если нет преднамеренного восприятия*), производить аэрофотосъемку происходящих событий в режиме реального времени и выполнять задачи в интересах субъектов расследования.

По прибытии на место запуска нужно провести комплекс действий, направленных: на калибровку БПЛА и установление связи с имеющейся аппаратурой; подготовку аппарата к эксплуатации; соотнесение данных системы глобального позиционирования с картографическими данными местности; оценку возможности запуска БПЛА на предмет наличия препятствий (деревья, линии электропередач, постройки). Затем произвести обзорный полет над участком местности с целью определения границ места происшествия, а также получения информации о его особенностях. Положительно, что БПЛА, оснащенный соответствующей аппаратурой фиксации, может запечатлеть условия, в которых происходило (происходит) преступное событие, сверху вниз, предоставляя возможность опосредованного восприятия в другом ракурсе (не совсем обычном).

Поставленные цели проведения фиксации места происшествия предполагают выполнение фото-, видеофиксации происходящих событий, в связи с чем проводится ориентирующая фотосъемка места происшествия с привязкой к другим объектам, расположенным на участке местности. Для этого беспилотный летательный аппарат должен делать пролеты вперед/назад, вправо/влево, захватывать (расчетные) углы, висеть над местностью, делать вращение вокруг собственной оси и производить фотосъемку.

При обзорной фиксации дрон плавно поднимается вверх над объектом, выполняется полет по спирали с подъемом и снижением (с разными ярусами высоты), фотосъемка ведется без учета прилегающей территории.

В дальнейшем оператором БПЛА определяются сектора (квадраты), которые необходимо осматривать, фиксировать в определенной последовательности. Как правило, сначала осматривается вся площадь отдельного сектора для того, чтобы выявить и определить ключевые объекты, строения, в которых удерживаются или работают жертвы. Затем производится узловая фотосъемка объектов (при необходимости, видеосъемка), находящихся в определенном секторе (сами потерпевшие; средства и орудия труда, используемые ими; лица, находящиеся рядом с жертвами, в том числе виновные; препятствия, ограничивающие перемещение жертв в рамках определенных участков местности, строений).

Детальная фиксация осуществляется путем максимального приближения БПЛА к объекту. В ходе ее проведения могут быть зафиксированы конкретные средства удержания потерпевших, используемые инструменты и предметы труда, выполняемые работы. С применением данной съемки может быть подтверждено нахождение потерпевших в определенных строениях, помещениях, а также зафиксировано наличие иных лиц (в том числе виновных) вместе с ними.

* При преднамеренном восприятии человек ставит перед собой цель увидеть определенный объект.

В зависимости от решаемых задач, использование БПЛА может быть применено не только с фото-, видеоаппаратурой. Для обнаружения удерживаемых на определенных территориях, в строениях или помещениях людей БПЛА могут оснащаться тепловизионной камерой. В ночное время суток для оснащения могут применяться цифровые аэрофотокамеры, спектрзональные и другие фотокамеры [5, с. 14].

Отдельного внимания заслуживает возможность использования БПЛА для получения трехмерного изображения места происшествия. По посягательствам на свободу личности данный вид фотосъемки позволит зафиксировать важные для расследования пространственные координаты отдельных важных объектов [7, с. 78] (следы транспортных средств, ограждения территорий, мест удержания потерпевших). Построение 3D-моделей места происшествия (3D-карт) предоставляет субъектам расследования средство дополнительной реальности, выступает интерактивным планом выдвижения следственных версий, создает условия для более глубокого изучения события преступления [2, с. 194].

Подводя итоги изложенному, отметим, что современные возможности БПЛА позволяют в кратчайшие сроки провести фиксацию места происшествия вне зависимости от ее масштабов, рельефа, растительности и труднодоступности, предварительно изучить, установить отдельные обстоятельства совершения преступления, провести в последующем обстоятельный осмотр места происшествия, подготовиться к производству других следственных действий.

Использование БПЛА в ходе расследования посягательств на свободу личности выступает эффективным средством для получения криминалистически значимой информации, ее дальнейшего накопления для сбора доказательственной базы и решения задач субъектами расследования. Установленная на БПЛА фото- или видеоаппаратура обеспечивает поиск, обнаружение и отождествление отдельных объектов в режиме реального времени. Производство фиксации места происшествия с применением БПЛА является не только данью времени, но объективной необходимостью решения задач уголовного судопроизводства.

Применение беспилотных воздушных аппаратов в расследовании преступлений открывает новые возможности в поиске истины, интенсифицирует процесс познания и требует усилий криминалистов, специалистов в области беспилотной техники по разработке тактических приемов, рекомендаций использования таких уникальных средств.

Литература

1. Горовой В. В., Самушкин В. Л. Борьба с незаконным использованием беспилотных летательных аппаратов на примере уголовно-исполнительной системы // E-Scio: электронный журнал. 2019. С. 400–404.
2. Гусев К. А., Колесников А. О., Назаренко М. А. Создание 3D-модели поверхности методом аэро-съемки // Вестник современных исследований. 2017. № 11–1 (14). С. 194–195.
3. Колотушкин С. М. Безопасность воздушного транспорта в современных условиях развития беспилотных летательных аппаратов: проблемы и пути решения // Транспортное право и безопасность. 2019. № 2 (30). С. 28–35.
4. Румянцев Н. В., Колотушкин С. М. Современные методы и средства противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы России // Вестник Московского ун-та МВД России. 2018. № 4. С. 224–227.
5. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Тактико-криминалистические возможности беспилотных летательных аппаратов в криминалистической деятельности // Проблемы уголовного процесса, криминалистика и судебной экспертизы. 2017. № 2 (10). С. 9–14.
6. Фетисов В. С., Неугодникова Л. М., Адамовский В. В. Беспилотная авиация: терминология, классификация, современное состояние. Уфа: Фотон, 2014.
7. Швец С. В., Шумаев Д. Г. Современные возможности фотофиксации места происшествия по факту взрыва // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 11 (64). С. 75–79.

УДК 343.98

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ СО СТОРОНЫ АДВОКАТОВ

Юрий Петрович Гармаев, профессор кафедры Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, доктор юридических наук, профессор
E-mail: garmaeff1@mail.ru

На основе анализа основ частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию сформулировано определение противодействия расследованию со стороны адвокатов, концептуально отличающееся от действующей научной парадигмы. Даны основные принципы преодоления противодействия и некоторые тактические приемы, нормативные предписания, обеспечивающие эффективность деятельности следователя. Особое внимание уделено недопустимости злоупотребления правом со стороны сотрудников правоохранительных органов и вредности пресловутого «обвинительного уклона» в отношении представителей адвокатского сообщества.

Ключевые слова: преодоление противодействия расследованию, обвинительный уклон, адвокат-защитник, защита прав доверителя, принципы преодоления противодействия, законное противодействие, незаконное противодействие, преступления адвокатов.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF OVERCOMING COUNTERACTION TO INVESTIGATION BY LAWYERS

Yury Petrovich Garmaev, professor of the Department of the Dorji Banzarov Buryat State University, Doctor of Law, Professor

Based on the analysis of the foundations of the private forensic theory of overcoming opposition to the investigation, the definition of opposition to the investigation by lawyers was formulated, which conceptually differs from the current scientific paradigm. The basic principles of overcoming opposition and some tactical techniques, normative prescriptions that ensure the effectiveness of the investigator's activity are given. Particular attention is paid to the inadmissibility of abuse of the right by law enforcement officers and the harmfulness of the notorious «accusatory bias» against representatives of the legal community.

Keywords: overcoming opposition to the investigation, accusatory bias, defense lawyer, protection of the client's rights, principles of overcoming opposition, legal opposition, illegal opposition, crimes of lawyers.

Действующее законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, а также Кодекс профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) постоянно повышают требования к профессиональным и нравственным качествам адвоката. Адвокаты не просто вправе, а обязаны применять не запрещенные законом и нормами профессиональной адвокатской этики методы противодействия расследованию. Сами представители профессионального сообщества осознают всю меру возложенной на них ответственности. Как и к представителям иных юридических профессий, представителям стороны обвинения следует относиться к адвокатам с уважением и пониманием, как к профессионалам, отдающим свои силы высоким целям защиты прав, свобод, законных интересов доверителей, а также обеспечения доступа к правосудию.

Прежде чем представить прикладные рекомендации по проблематике, сформулируем важные положения теоретико-методологического характера.

Б. Я. Гаврилов и В. П. Лавров определяют противодействие расследованию преступлений как совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний. Основная цель противодействия, по мнению авторов, – уклониться от ответственности за совершенное преступление или, по меньшей мере, *добиться незаслуженного* (курсив наш – Ю.Г.) смягчения наказания [12, с. 9]. Подобной позиции по поводу понятия и сущности противодействия придерживаются сегодня большинство ученых-криминалистов [4, с. 186-187].

Нет принципиальных, непримиримых возражений по поводу данного подхода. Но есть предложения о его уточнении. Исходя из предлагаемой авторами концепции, всякое противодействие, хотя и определяемое авторами как «противоправное *или иное*», все же рассматривается как некий негативный феномен. Такое допущение, а точнее, эта часть парадигмы всей науки криминалистики, транслируемое практически всеми разработчиками данной частной криминалистической теории, безусловно, имеет право на жизнь.

Однако в отношении адвокатов можно использовать и иной подход, который можно назвать попыткой обновления самой парадигмы взаимодействия между следователем и адвокатом-защитником [7]. Суть его прежде всего в том, что противодействие уголовному преследованию часто действительно бывает противоправным. Однако оно может быть и законным, и в то же время эффективным, этически допустимым как с позиции адвоката и иных противодействующих лиц, так и с позиции оценки этого противодействия следователями, иными представителями стороны обвинения. Обоснуем этот тезис подробнее.

Во-первых, целью (планируемым результатом) противодействующих лиц, строго говоря, вряд ли может быть собственно воспрепятствование расследованию. Это может быть одна из задач на пути к цели. Цель же – избежать уголовного преследования и уголовной ответственности или, по крайней мере, смягчить ее, избежать иных негативных последствий вовлечения лица в сферу уголовной юстиции (ущерб репутации, потери в бизнесе и т. п.).

Адвокат не вправе, а обязан отстаивать права и законные интересы доверителя. Только делать он это должен честно, разумно и добросовестно, а также квалифицированно, принципиально и своевременно, и притом всеми не запрещенными законодательством средствами (п. 1 ч. 1 ст. 7 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре, п. 1 ст. 8 КПЭА).

Во-вторых, можно было бы шире подходить к оценке задач и мотивов субъектов противодействия по уголовным делам. В реальной практике таковыми не всегда являются лишь воспрепятствование расследованию преступлений. Существуют и иные задачи, а также мотивы противодействия. Задачами могут быть:

- изменение меры пресечения в виде заключения под стражу на иную, более мягкую;
- если лицо арестовано, то добиться тех или иных преимуществ в связи с содержанием его под стражей;
- смягчение обвинения и иное: переквалификация деяния на менее тяжкие составы, предусмотренные УК РФ; исключение из объема обвинения отдельных эпизодов; иные обстоятельства уголовно-правового, уголовно-процессуального и иного характера, правомерно или неправомочно улучшающие положение подозреваемого (обвиняемого).

Кроме того, можно выделить следующие мотивы противодействия расследованию со стороны адвоката:

- субъективная уверенность в полной или частичной невиновности подозреваемого (обвиняемого);
- субъективная уверенность в том, что доказательства вины подозреваемого (обвиняемого) получены с нарушениями закона и не могут быть признаны допустимыми;
- незаконная, неэффективная и/или аморальная, по мнению адвоката, деятельность отдельных сотрудников правоохранительных органов и суда по конкретному уголовному делу [6].

Исходя из изложенного, предлагаем следующее определение противодействия расследованию со стороны адвоката. Это законная или противоправная деятельность адвоката-защитника или представителя, осуществляемая совместно с доверителем, сопровождающаяся созданием препятствий для реализации представителями стороны обвинения поставленных ими задач на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

В данном определении формулировки «законная или противоправная деятельность» призваны обратить внимание правоприменителя (следователя, прокурора и др.) на то, что противодействие может быть как законным, так и незаконным. Соответственно, необходимо в типичных следственных ситуациях давать прежде всего правовую оценку тому или иному акту противодействия.

В формулировке «...сопровождающаяся созданием препятствий для реализации представителями стороны обвинения поставленных ими задач...», в отличие от позиции уважаемых коллег Б. Я. Гаврилова и В. П. Лаврова («...воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний...»), нами подчеркивается, что, с одной стороны, адвокаты действительно нередко препятствуют правоохранителям. Но, с другой стороны, очень часто это попытка не помешать, а помочь следствию объективно выявить, раскрыть и расследовать реальное преступление или убедиться в отсутствии состава (события) преступления, то есть опровергнуть ошибочную следственную версию.

Важно отметить также тот очевидный, казалось бы, но нуждающийся в напоминании многим правоохранителям тезис о том, что адвокаты – носители важнейшей для граждан, общества и государства правозащитной функции, поэтому предвзятое отношение к ним, некорректное поведение недопустимы. Это особенно актуально в связи с тем, что сами правоохранители как должностные лица, чья деятельность сопряжена с высокими коррупционными и иными криминальными рисками, очень часто вынуждены обращаться за помощью к тем же адвокатам. Отсюда выстраивание не обязательно неформальных, дружеских, но всегда конструктивных взаимоотношений с ними, – немаловажная задача в работе следователей и оперативных сотрудников.

Между тем некий антагонизм между представителями противоборствующих сторон в уголовном процессе, безусловно, иногда объясним. Например, у следователя вызывают чувство досады и возмущения ситуации, когда подозреваемый, ранее дававший признательные показания, начинает под влиянием вновь приглашенного защитника активно противодействовать расследованию. Так, после беседы со своим адвокатом он отказывается давать показания, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ, или излагает заведомо ложную, по мнению следователя, версию происшедшего, пишет необоснованные, по мнению следователя, жалобы и ходатайства.

Однако относительно приведенных выше норм законодательства и профессиональной этики действия адвоката в подобной ситуации часто не просто допустимы, но и обязательны для него. Он не вправе занимать позицию вопреки воле своего доверителя (п. 3 ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре), в том числе, если она была сформирована под влиянием его консультации, разъяснения правовых последствий дачи правдивых показаний, после беседы между адвокатом и подзащитным наедине и конфиденциально.

Однако ничто не мешает следователю в любой «противодействующей» ситуации планировать и применять комплекс мер по преодолению противодействия расследованию.

Прогнозируя противодействие со стороны адвоката и его подзащитного, следователь должен напомнить себе те нормы, знание которых от него обычно не требуется, а потому он их редко применяет или даже вовсе не знает. (Так, результаты опроса более 200 следователей показывают, что свыше 85 % правоприменителей либо вообще не знали этих нормативных положений, либо знали их «в самом общем виде», «слышали о них».) То есть следователю

необходимо внимательно изучить законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре и нормы профессиональной этики адвоката. Как минимум, нужно знать и легко ориентироваться в следующих документах:

- Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ;
- Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003);
- Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017).

Также весьма полезным будет знать дисциплинарную практику адвокатов, особенно на уровне адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является соответствующий адвокат (прикладные пособия и образцы документов по данной тематике можно получить, направив мотивированное письмо на адрес: garmaeff1@mail.ru).

Для предупреждения и преодоления преступных способов противодействия расследованию необходимо знать и уметь применять соответствующую частную криминалистическую методику. С учетом степени распространенности тех или иных видов «адвокатских» преступлений, наиболее актуальными являются методики расследования коррупционных преступлений, включая реальное и мнимое коррупционное посредничество (мошенничество) [3; 5; 8; 9]; методика расследования преступлений против правосудия [10; 11].

Что касается преодоления законного противодействия со стороны адвокатов, то особенно важно в ходе расследования неукоснительно соблюдать принцип законности, то есть не допускать каких-либо нарушений закона и следственных ошибок. Дело в том, что это основной «хлеб» адвоката и инструмент противодействия со стороны защиты. Нет ошибок и со стороны следователя – у адвоката минимум работы, нулевые шансы эффективно противодействовать расследованию законными способами.

К числу специальных принципов преодоления противодействия со стороны адвокатов следует отнести:

- 1) *принцип презумпции добросовестности адвоката*. Следователь должен презюмировать стремление адвоката отстоять права и законные интересы доверителя всеми допустимыми средствами. Этот принцип позволяет следователю использовать прежде всего самые эффективные методы предупреждения и преодоления противодействия – неконфликтные методы;
- 2) *принцип приоритета компромиссных тактических приемов и процедур, профилактических мер*, особенно в отношении законных способов противодействия;
- 3) *принцип эффективности выявления, фиксации и правовой оценки нарушений закона и норм профессиональной этики со стороны адвоката для решения задач преодоления противодействия*.

Давая поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, следователь должен знать сам и проконтролировать соблюдение оперативными сотрудниками следующих нормативных предписаний:

1. В соответствии с ч. 3 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) органам, осуществляющим ОРД, запрещается использовать конфиденциальное содействие по контракту, в том числе адвокатов.

При изобличении адвоката-посредника при передаче ему от «взяткодателя» предмета взятки в рамках оперативного эксперимента у оперативных сотрудников возникает вопрос: могут ли они привлечь такого адвоката к добровольному сотрудничеству для последующей передачи взятки под контролем взяткополучателю?

Конституционный Суд РФ по этому вопросу разъяснил: оспариваемые нормы (включая ч. 3 ст. 17 ФЗ об ОРД) ограничивают использование содействия лиц, имеющих статус адвоката, органам, осуществляющим ОРД, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещают использование их содействия для подготовки или проведения ОРМ

на бесконтрактной основе [1]. Таким образом, ответ на поставленный вопрос положителен. Адвоката можно, с письменного его согласия, привлечь к сотрудничеству в рамках ОРМ, но только не на основе контракта.

2. В соответствии с ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре проведение ОРМ и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

Полученные в ходе ОРМ или следственных действий, после приостановления или прекращения статуса адвоката, сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей. Указанные ограничения не распространяются на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В то же время в решениях Конституционного Суда РФ указывается, что поскольку норма п. 3 ст. 8 названного закона не устанавливает неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом, постольку она предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех ОРМ и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности, к каковой в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния, как не совместимого со статусом адвоката [2].

Таким образом, исследование продемонстрировало, что большинство правоприменителей недостаточно осведомлены о том, какие законные и эффективные средства и методы преодоления противодействия со стороны адвокатов они вправе применить; например, как не допустить умышленных затягивания, срывов процессуальных действий и не нарушить при этом право на защиту (практическое пособие по данной тематике можно получить, направив мотивированное письмо на адрес: garmaeff1@mail.ru).

Вместе с тем категорически неприемлемо злоупотребление правом. Нельзя допускать, чтобы отдельные недобросовестные следователи, сами нарушающие закон, исповедующие обвинительный уклон, не умеющие и не желающие расследовать уголовное дело полно, объективно и всесторонне, пытались бы замаскировать свой непрофессионализм, халатность ограничением возможностей стороны защиты. Руководителям следственных подразделений и надзирающим прокурорам необходимо в каждом случае оценивать законность и обоснованность действий следователя с учетом всех обстоятельств конкретного дела, жестко реагировать на попытки злоупотребления правом со стороны должностных лиц органов предварительного расследования.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курбатова Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1460-О. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
2. Определения Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 629-О-О, от 17 июля 2012 г. № 1472-О, пункт 2 Определения Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № 732-О, Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2012 г. № 47-012-30сп-а. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
3. Багмет А.М., Бычков В. В. Квалификация и расследование преступлений, связанных с подкупом: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2014.
4. Веренич И.В., Кустов А. М., Прошин В. М. Криминалистическая теория механизма преступления. М.: Юрлитинформ, 2014.
5. Вольнский А.Ф., Лапин Е. С. Расследование провокаций взятки и коммерческого подкупа. М.: Юрлитинформ, 2010.

6. Гаврилов Б. Я. Необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела как противодействие расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: мат-лы 51-х криминалистических чтений. Ч. 1. М., 2010. С. 54–61.
7. Гармаев Ю. П., Ким Д. В. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 461–470.
8. Гармаев Ю. П. Основы методики расследования и поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006.
9. Гармаев Ю. П., Степаненко Д. А., Степаненко Р. А. Расследование коррупционного посредничества: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
10. Карагодин В. Н. Ситуационные особенности расследования преступлений против правосудия, совершаемых следователями // Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сб. науч. ст. М.: ИД «Юриспруденция», 2020. С. 49–54.
11. Мозяков В. В. Расследование преступлений против правосудия // Руководство для следователей / под общ. ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005.
12. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М.: Юрайт, 2017.

УДК 343.98

НЕЗАКОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД», ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ НА БАЗЕ КРЕДИТНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вячеслав Олегович Лапин, начальник отдела научно-исследовательского центра, кандидат юридических наук, доцент;

Петр Александрович Колпаков, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательского центра, кандидат исторических наук
(Академия управления МВД России)

E-mail: lapin78@mail.ru,

1kolpakov1@rambler.ru

В статье проведен краткий исторический экскурс опыта развития кооперации в России. Выявлены недостатки правовой регламентации надзорной деятельности саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка в отношении кредитных потребительских кооперативов на современном этапе. Приведена типовая схема преступной деятельности «финансовых пирамид» на базе кооперативов. На основе анализа следственной практики выделены проблемы расследования данных преступлений.

Ключевые слова: кредитно-финансовая сфера, «финансовая пирамида», кредитная кооперация, кредитный потребительский кооператив, саморегулируемая организация, Банк России, хищение денежных средств.

ILLEGAL ACTIVITY OF «FINANCIAL PYRAMIDS» OPERATING ON THE BASIS OF CREDIT CONSUMER COOPERATIVES: HISTORICAL BACKGROUND AND MODERNITY

Vyacheslav Olegovich Lapin, head of the department of the Research Center, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Petr Aleksandrovich Kolpakov, senior researcher of the department of the Research Center, *kandidat nauk*, degree in History
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

The article analyzes the historical experience of the development of cooperation in Russia. The shortcomings of the regulation of the supervisory activities of self-regulatory organizations in the field of the financial market in relation to credit consumer cooperatives are revealed. A typical scheme of the organization of a «financial pyramid» on the basis of such cooperatives is given. Based on the analysis of the investigative practice of the preliminary investigation bodies, the problems of investigating crimes are identified.

Keywords: credit and financial sphere, «financial pyramid», credit cooperation, credit consumer cooperative, self-regulating organization, Bank of Russia, embezzlement of funds.

В современной России проблема распространения разнообразных схем хищения денежных средств, реализуемых на основе массового вовлечения граждан и организаций в псевдо-предпринимательскую, инвестиционную и кооперативную деятельность, имеет чрезвычайно острый характер. Их организаторы и выгодополучатели подрывают доверие граждан к легально работающим финансовым институтам и органам власти, формируя негативный фон общественного мнения о степени защищенности прав и интересов населения.

В российском законодательстве понятие «финансовой пирамиды» отсутствует. Исследователями этого экономического явления сформировано несколько подходов к пониманию его сущности, с позиций которых «финансовая пирамида» рассматривается как предприятие, привлекающее деньги инвесторов высоким доходом; растущая во времени система долговых обязательств; особый механизм погашения обязательств за счет привлечения средств, характерным свойством которого является предопределенность его краха; совершение преступления сопряжено с созданием иллюзии продуманности инвестиций и быстрого обогащения; иррациональное поведение большого количества инвесторов [7, с. 166–167]. Отражающим все существенные признаки является, по нашему мнению, определение, сформулированное В. Ю. Белицким, согласно которому под «финансовой пирамидой» понимается способ привлечения финансовых средств от физических и юридических лиц и осуществление последующих выплат им денег, а равно предоставление имущества не в результате собственной экономической деятельности, а за счет поступлений от новых кредиторов [4, с. 277].

В 2020 г. Банком России выявлено 1549 субъектов нелегальной деятельности на финансовом рынке. Доля «черных кредиторов» в их общем числе составила 53 %, нелегальных форекс-дилеров – 25,5 %, «финансовых пирамид» – 14,3 %, иных субъектов – 7,2 %*. Таким образом, «финансовые пирамиды» имеют значительную распространенность, что негативно влияет на стабильность кредитно-финансовой сферы. Сведения о количестве выявленных Банком России субъектов с признаками «финансовых пирамид» в период 2015–2020 гг. представлены на рис. 1.

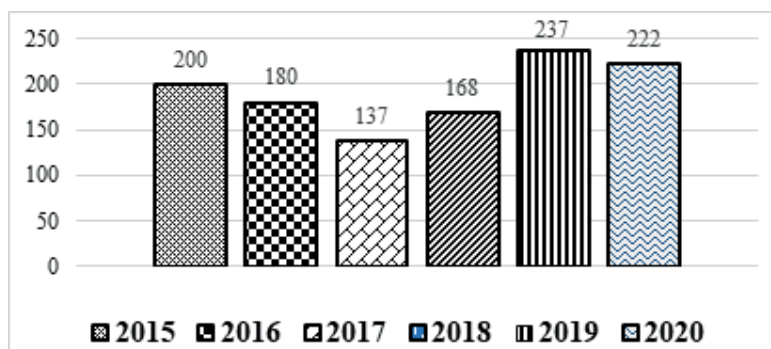

Рис. 1. Количество выявленных Банком России субъектов с признаками «финансовых пирамид»**

Анализ изменения количества выявленных субъектов с признаками «финансовых пирамид» позволяет сделать вывод о том, что позитивный тренд первых трех лет рассматриваемого периода на снижение числа организаций, чья деятельность по ряду оснований соответствует системе индикаторов, выработанной Банком России для обнаружения схем хищения привлеченных средств, был сломлен, и финансовый рынок вновь заполняется сомнительными предложениями быстрой и значительной выгоды.

В связи с этим важным является показатель суммы ущерба, причиненного в результате деятельности «финансовых пирамид» (рис. 2) [10; 11].

* Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Официальный сайт Банка России. URL: cbr.ru/inside/analytics/2020/ (дата обращения: 21.04.2021).

** Большинство пирамид выявлено в Центральной России // Официальный сайт Банка России. URL: cbr/press/event/?id=5046 (дата обращения: 21.04.2021).

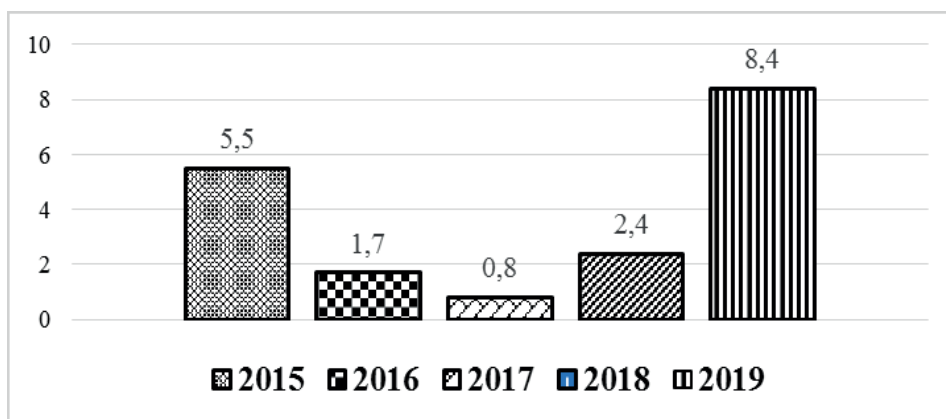

Рис. 2. Установленная сумма ущерба от деятельности «финансовых пирамид» в период 2015–2019 гг., млрд руб.

Совокупная сумма установленного ущерба от деятельности «финансовых пирамид» в период 2015–2019 гг. составила 18,8 млрд руб. Примечательными в части изучения преступных схем хищений привлеченных денежных средств обманутых вкладчиков и последствий их реализации являются результаты анализа корреляции между количеством выявленных субъектов и размером ущерба от деятельности «финансовых пирамид» (рассматривались приведенные выше значения показателей с разбивкой по годам в течение периода 2015–2019 гг.). Коэффициент корреляции указанных показателей имеет значение 0,95. С учетом того, что коэффициент корреляции может принимать значения $-1 < r < 1$, авторами сделан вывод о наличии тесной прямой связи между показателями количества функционирующих организаций с признаками «финансовых пирамид» и объемом причиняемого вследствие их деятельности ущерба. Таким образом, широта существующего спектра предложений достижения значительной материальной выгоды в короткие сроки определяет величину похищенных у обманутого населения денежных средств. Сильная корреляционная связь свидетельствует о наличии проблем недостаточной финансовой грамотности населения и низкой результативности проводимых мероприятий по профилактике вовлечения граждан в «финансовые пирамиды».

Воплощение схем «финансовой пирамиды», в основе которой лежит привлечение денежных средств за счет формирования у ее участников ложного устойчивого убеждения в реальности перспектив улучшения материального положения и последующее их хищение, предполагает использование финансовых и нефинансовых организаций, а также разнообразных публичных проектов. Ниже пойдет речь о проблемах, связанных с деятельностью «финансовых пирамид», функционирующих на базе кредитных потребительских кооперативов (далее – КПК, кредитный кооператив, кооператив).

Необходимо отметить, что кооперация как форма объединения людей или предприятий в целях совместного достижения удовлетворения разного рода потребностей имеет достаточно длительную историю существования в России. Проблематика использования злоумышленниками кооперативов также не является новой, свойственной исключительно современному этапу развития кооперации.

Начало истории кооперации в России было положено в 1831 г. принятием устава созданного ссыльными декабристами потребительского кооператива «Большая артель». Механизм функционирования и основные признаки, присущие современным российским кредитным кооперативам, также сформировались в имперский период. Так, например, 17 марта 1867 г. императором Александром II был утвержден Устав общества взаимного кредита в городе Риге, определявший цель общества как «доставление своим членам возможности делать

на наиболее выгодных условиях потребные для их промыслов займы», а также подробно регламентировавший процессы принятия и исключения членов, их права и обязанности; формирования запасного капитала для покрытия возможных убытков; выдачи ссуд; распределения прибылей; разрешения споров, а также состав органов управления обществом и условия его ликвидации [9].

Следующей значимой вехой в истории института кооперации в России стало его развитие в период становления советской власти. В 1921 г. X съездом РКБ(б) было принято решение о замене продразверстки натуральным налогом и переходе от «военного коммунизма» к новой экономической политике [2, с. 564–565]. С реализацией НЭПа открывались легальные возможности для возвращения частного капитала в экономику, это было мерой, обусловленной разрушенным состоянием народного хозяйства. Промысловая кооперация должна была стать основой для развития мелкой промышленности и увеличить объем и ассортимент необходимой населению продукции. Внимание было уделено и потребительской кооперации. В. И. Ленин отмечал, что потребительская кооперация должна быть поддержана и развита ввиду ее способности обеспечить правильное и дешевое распределение, при этом обращалось внимание на осуществление властями надзора за кооперацией, «чтобы не было обмана, не было утайки от государства, не было злоупотреблений» [8, с. 250–251]. Необходимость организации такого надзора объясняется тем, что, являясь по своему предназначению механизмом восстановления экономики, обеспечения населения товарами, кооперация должна была вытеснить в конкурентной борьбе частный капитал, однако ее распространение, кроме объективных преимуществ, открывало возможности для личного обогащения и эксплуатации наемного труда под личиной кооперации.

Схемы получения незаконных доходов, которым сопутствовала маскировка под кооперативную деятельность, были достаточно разнообразны. Одной из них являлось вовлечение в кооперативное членство максимально возможного количества граждан. Большая численность пайщиков позволяла подавать заявки на приобретение потребительским кооперативом значительных объемов товаров у государства. Однако после их приобретения кооператив не выполнял своей роли механизма распределения, а перепродавал товары представителям частного капитала. Разница в стоимостях приобретения и продажи составляла прибыль лжекооператоров. Хищения денежных средств осуществлялись посредством присвоения авансов, выделявшихся для выполнения промысловыми кооперативами заявок. Вскрывались факты, когда использование наемного труда осуществлялось под вывесками производственных кооперативов. В таком случае члены кооператива фактически являлись наемными рабочими, лишенными возможности влиять на его деятельность, а их организаторы, в свою очередь, получали возможность распределять полученные вследствие реализации произведенной продукции денежные средства по своему усмотрению, присваивать их себе, скрываясь, не осуществляя оплаты [3, с. 6–14].

Обобщая исторический опыт развития кооперации в период новой экономической политики, необходимо отметить, что каждая из перечисленных выше схем незаконного обогащения имеет общие признаки: удовлетворение лжекооператорами интересов в части улучшения своего материального положения незаконными путями, а также маскировка ими реализации таких намерений под деятельность, осуществляемую в пользу членов кооператива. С окончания периода НЭПа прошло чуть менее века, однако наличие вышеуказанных признаков и сегодня является неотъемлемой характеристикой преступных схем использования кооперативов, в том числе потребительских, для организации хищения денежных средств и иных активов у физических и юридических лиц.

Переходя от исторического опыта кооперации в России к современности и раскрытию проблематики хищений, совершенных с использованием КПК, необходимо остановиться на нормативном регулировании деятельности КПК. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» (далее – Закон) КПК являются

некоммерческими организациями, цель функционирования которых – финансовая взаимопомощь членов (пайщиков). Законодательное определение для КПК статуса некоммерческих организаций, т. е. не преследующих извлечение прибыли как основной своей цели, определило их особое положение на финансовом рынке. Кредитные кооперативы, в отличие от кредитных организаций, для осуществления своей деятельности не получают специального разрешения (лицензии) Центрального Банка Российской Федерации, при этом фактически осуществляя в усеченном объеме банковские операции: привлечение денежных средств ограниченного круга лиц (пайщиков) и их размещение путем предоставления займов для удовлетворения финансовых потребностей.

Вследствие наделяния кооперативов статусом НКО механизм контроля кредитных организаций оказался неприменимым по отношению к КПК. Принципиальным отличием воплощенного для КПК механизма контроля стало распределение функций между Банком России и НКО, которые в установленном законом порядке приобрели статус саморегулируемых организаций, объединяющих КПК. Согласно ст. 5 Закона, регулирование кредитной кооперации отнесено к компетенции Банка России, однако долгое время вне надзора регулятора оставались кооперативы, общее число членов которых не превышало трех тысяч. При этом значение стоимости активов, привлеченных такими КПК, не ограничивалось, не были определены условия их перехода под надзор регулятора, что обуславливало повышенные риски хищений средств пайщиков.

Принятие Федерального закона от 13 июля 2020 г. № 196-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в некоторой степени способствует нейтрализации указанных рисков: в Закон были внесены изменения и дополнения, согласно которым под надзор Банка России перешли КПК, размер активов которых превышает определенное нормативным актом регулятора значение. Кроме того, статья 35 была дополнена ч. 4.1, закрепившей за Банком России предоставление в адрес саморегулируемых организаций (СРО) имеющихся сведений о возможных нарушениях, совершенных кредитными кооперативами, общее число членов которых не превышает трех тысяч, а размер активов – менее установленного регулятором (т. е. по КПК, находящимся под надзором СРО). Согласно указанию Центрального Банка Российской Федерации от 9 декабря 2020 г. № 5654-У, предельное значение размера активов КПК, надзор за соблюдением которых требований Закона уполномочены осуществлять СРО, составляет 100 млн руб. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что в части соблюдения базовых и внутренних стандартов, иных требований, контроль за КПК, превысившими данную стоимость привлеченных активов, остался за СРО [1].

Существующий порядок организации надзора за деятельностью КПК опирается на систему норм, закрепленных федеральным законодательством (в частности, уже упомянутым Законом, а также Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»); указаниями, приказами, инструкциями Банка России; базовыми стандартами управления рисками, корпоративного управления, внутреннего контроля, защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, совершения операций на финансовом рынке; внутренними стандартами, определяющими проведение СРО проверок ее членов, условия членства, меры воздействия и порядок их применения, требования к деловой репутации должностных лиц саморегулируемых организаций и правил профессиональной этики их работников.

Распределение контрольных функций между Банком России и СРО, а также необходимость всестороннего нормативного регулирования деятельности КПК определяют сложность механизма осуществления надзора за деятельностью кооперативов. Вместе с тем, отсутствие закрепления ответственности СРО за нарушение стандартов входящими в них КПК в значительной степени подрывает эффективность существующего механизма. Имеющееся нормативное регулирование в должной мере не создает для СРО стимула к организации

неукоснительного контроля деятельности КПК, выявлению нарушений и реагированию на них. Обозначенная проблема формирует основу для использования злоумышленниками КПК как базы для организации «финансовых пирамид» и привлечения денежных средств населения посредством предложения сверхдоходов в нарушение п. 3.8.2 Базового стандарта совершения КПК операций на финансовом рынке. Максимальный размер платы (процентов, компенсации) за использование кредитным кооперативом привлеченных денежных средств пайщика с учетом всех выплат, причитающихся по договору передачи личных сбережений, не может превышать значение двух ключевых ставок, определенных Банком России на дату заключения договора, и должен устанавливаться в процентах годовых*. Распространение КПК информации рекламного характера, содержащей сведения, которые могут ввести получателя финансовой услуги в заблуждение, в частности, в отношении ее условий, в свою очередь, является нарушением ст. 6 Базового стандарта защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих КПК**.

Распространенность в информационном пространстве предложений доходности от внесения в разнообразные КПК активов, значительно превышающей установленное Банком России предельное значение, свидетельствует о том, что в условиях отсутствия надлежащего контроля со стороны СРО, ответственность которых за нарушение объединенными ей КПК стандартов деятельности не получила соответствующего закрепления, злоумышленники имеют эффективный инструмент влияния на выбор получателей финансовых услуг и, как следствие, привлечения их в ряды пайщиков за счет предложения заранее невыполнимых условий. Использование такого инструмента является ключевым звеном типовой преступной схемы организации «финансовых пирамид» на базе КПК и последующего хищения денежных средств пайщиков. Эта схема включает, как правило, реализацию следующих действий:

1. Создание и государственная регистрация КПК. Альтернативой учреждению нового кооператива может быть приобретение уже действующего. Такой подход способствует формированию репутации КПК, используемого в преступных целях, как организации, длительно работающей на финансовом рынке. Сеть «Интернет» наполнена предложениями продажи кооперативов, которые фактической деятельности никогда не осуществляли или лишь обозначали активность, а также в надлежащее время предоставляли в необходимом объеме отчетность в СРО.

2. Вступление в саморегулируемую организацию в сфере финансового рынка, объединяющую КПК. Преступная схема реализуется в период времени от нескольких месяцев до нескольких лет, что ввиду законодательного требования о вступлении КПК в СРО в течение 90 дней после создания вынуждает организаторов следовать указанной норме, нарушение которой влечет лишение права на привлечение денежных средств и принятия новых пайщиков.

3. Организация деятельности КПК: аренда офисных помещений, подбор и найм персонала, потребление услуг по подготовке и размещению рекламных материалов.

4. Привлечение денежных средств пайщиков. Период выполнения предлагаемых потребителям финансовой услуги условий в целях увеличения количества членов кооператива и, как следствие, объемов паенакоплений кооператива, осуществление реальной инвестиционной деятельности посредством представления займов. Создание видимости соблюдения федерального законодательства, требований Банка России и СРО. Проценты и компенсации пайщикам выплачиваются из привлеченных средств.

* Базовый стандарт совершения кредитным потребительским кооперативом операций на финансовом рынке: утв. Банком России, протокол от 13.10.2020 № КФНП-29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих кредитные потребительские кооперативы: утв. Банком России, протокол от 14.12.2017 № КФНП-44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Нарастивание привлеченного объема денежных средств посредством агрессивной рекламы, расширения географии деятельности, введения потребителей финансовой услуги в заблуждение о страховании их инвестиций.

6. Вывод денежных средств, маскировка которого осуществляется посредством фиктивных договоров займа, при этом в реальности денежные средства присваиваются выгодополучателями преступной схемы; предоставления крупных займов аффилированным со злоумышленниками лицам, не имеющим намерений последующего возврата займа; оплаты услуг подконтрольных организаций (рекламных, консалтинговых и др.), в том числе фирм-«однодневок».

7. Распределение дохода между выгодополучателями «финансовой пирамиды» и распоряжение им (данному этапу может предшествовать легализация денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем).

8. Прекращение деятельности КПК, на базе которого была развернута «финансовая пирамида»: закрытие офиса; прекращение предоставления получателям финансовой услуги, сведений о деятельности организации, а также распространения рекламной информации; выезд злоумышленников за пределы территории Российской Федерации.

Особенностью преступной схемы является то, что о функционировании «финансовых пирамид» правоохранительным органам становится известно лишь на стадии выведения денежных средств, когда учрежденные или приобретенные в преступных целях КПК не только перестают выполнять условия привлечения денежных средств, но и не возвращают членам их паенакопления.

Рассматривая изложенную типовую схему, необходимо обратить внимание на дискуссионный вопрос определения момента, в который реализуемая в интересах удовлетворения потребностей пайщиков финансово-хозяйственная деятельность КПК подменяется организаторами «пирамиды» активностью, направленной на сокрытие вывода денежных средств. Одним из подходов к данному вопросу является принятие времени совершения первого установленного факта вывода денежных средств в качестве момента начала использования КПК в целях незаконного обогащения, а последующие действия, совершенные в рамках законодательства и требований регулятора, – как маскировку воплощения преступных намерений. Согласно другой позиции, грань между реальной финансово-хозяйственной деятельностью КПК и сокрытием вывода денежных средств определяется в момент достижения некоторого соотношения между объемом средств, предоставленных пайщикам по договорам займа, и затратами на оплату услуг, потребленных кооперативом в целях обеспечения своей деятельности. Второй подход целесообразен при преимущественном использовании злоумышленниками для вывода денег аффилированных компаний, однако определение конкретного количественного универсального показателя, применимого для всех КПК, оперирующих разными объемами паенакоплений, представляется открытым вопросом.

Характерным примером реализации типовой схемы организации «финансовой пирамиды» на базе КПК и хищения денежных средств пайщиков является уголовное дело, возбужденное 14 января 2019 г. СУ МВД России по Республике Коми по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В период с сентября 2011 г. по август 2018 г. председатель КПК «Первый» Н., преследуя цель систематического хищения, привлекала денежные средства граждан на территории Республики Коми и Республики Крым, заключая договоры о передаче личных сбережений. Предусмотренные договорами обязательства выполнены не были, а Н. совершено хищение денежных средств, принадлежащих членам КПК, на общую сумму свыше 250 млн руб. При этом возврат личных сбережений пайщикам и выплата процентов частично осуществлялись за счет средств вновь привлеченных членов при отсутствии инвестиционной деятельности, что позволяло в течение длительного времени маскировать свою незаконную деятельность.

Для осуществления хищений денежных средств Н. неоднократно прибегала к изготовлению фиктивных договоров займа, согласно которым привлеченные денежные средства передавались членам КПК для удовлетворения их финансовых нужд на возмездной основе, а также приходно-кассовых ордеров, содержащих ложные сведения о выполнении обязательств по возврату займов. В дальнейшем часть похищенного была легализована Н. путем приобретения двух земельных участков на общую сумму 4,4 млн руб.

С целью возмещения ущерба на указанные земельные участки был наложен арест, Н. предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. С сентября 2020 г. выполняются требования ст. 217 УПК РФ.

Представленный пример подтверждает тот факт, что для достижения цели увеличения количества граждан, вовлекаемых в «финансовую пирамиду», злоумышленники не только предлагают невыполнимые условия доходности, но и стремятся расширять географию своей преступной деятельности. Так, Н. привлекала денежные средства на территориях городов Сыктывкар, Ухта, Ижемского, Усть-Цилемского, Прилузского районов Республики Коми, а также городов Феодосия, Евпатория, Керчь, Красноперекоск, Симферополь, Саки, Алушта, пгт. Первомайское, села Доброе Республики Крым, города Севастополь. В соответствии с Законом КПК наделены правом иметь территориально обособленные подразделения. Использование организаторами «финансовых пирамид» кооперативов, имеющих филиалы, определяет трансформацию изложенной в данной статье типовой схемы, которая дополняется действиями по учреждению территориально обособленных подразделений и координации работы филиалов. Деятельность работников филиалов и злоумышленников в головном подразделении КПК, на базе которого развернута «финансовая пирамида», может осуществляться как по единому преступному умыслу, так и в обстоятельствах, когда работники филиалов и представительств не осведомлены об истинных намерениях руководителей КПК. В последнем случае объем сведений, которыми обладают территориальные подразделения о лицах, принимающих решения по действиям с привлеченными денежными средствами, умышленно минимизируется, указания на перевод денег и инкассацию передаются посредством телефонной связи, электронной почты, мессенджеров и иных средств коммуникации, в той или иной степени способствующих анонимизации.

Примером использования организаторами «финансовых пирамид» сети территориально обособленных подразделений является находящееся в производстве СЧ ГСУ ГУ МВД России по Иркутской области уголовное дело, возбужденное 25 декабря 2018 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту хищения руководством КПК «Организация № 1» и ООО «Организация № 2» денежных средств граждан.

В целях обхода запрета Центрального Банка Российской Федерации К. предприняты действия по смене наименования юридического лица в территориальных подразделениях и перезаключению договоров о передаче личных сбережений, заключенных с КПК «Организация № 1», на договоры займа денежных средств под проценты с ООО «Организация № 2». Пайщики были введены в заблуждение относительно намерений К. исполнить обязательства по договорам, последним незаконное привлечение вкладов было продолжено. Для придания видимости законности своих действий К. внес в договор займа денежных средств заведомо ложные сведения о наличии у ООО «Организация № 2» договора страхования гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору, тем самым предоставив займодавцам дополнительные ложные гарантии, побуждая их к передаче денежных средств. В результате своих преступных действий К., используя служебное положение, путем обмана похитил денежные средства граждан на общую сумму более 100 млн руб.

Об обширности географии преступной деятельности, осуществлявшейся через филиалы кооператива, свидетельствует передача для производства в СЧ ГСУ ГУ МВД России по Иркутской области уголовных дел по фактам совершенных руководством

КПК «Организация № 1» и ООО «Организация № 2» также из СЧ СУ МВД России по Республике Бурятия, СУ УМВД России по г. Новосибирску, СО № 7 УМВД России по г. Екатеринбург. В ходе предварительного следствия было установлено и допрошено 2378 вкладчиков КПК «Организация № 1», проживающих на территории Иркутской области, 960 – на территории Омской области, 1228 – Республики Бурятия, 375 – в Новосибирске. В целях обеспечения заявленных исковых требований потерпевших наложен арест на 14 транспортных средств и 38 объектов недвижимости, находящихся в собственности К., а также на изъятые в ходе обысковых мероприятий денежные средства на общую сумму более 150 млн руб.

Срок предварительного следствия по данному уголовному делу неоднократно продлевался, а расследование продолжается более двух лет.

Активная деятельность «финансовых пирамид», функционирующих на базе КПК, ее масштабность, о которой свидетельствуют приведенные примеры уголовных дел, во много predeterminedена качеством контроля СРО. Так, СЧ СУ УМВД России по Приморскому краю 3 декабря 2018 г. возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 172.2 УК РФ.

В период с декабря 2017 г. по апрель 2018 г. неустановленные лица из числа руководства КПК «Морской», а также дополнительных офисов на территории Приморского края привлекли денежные средства на сумму более 30 млн руб. под предлогом выплаты процентов в размере от 15 до 24 % годовых, достоверно зная о предписании Департамента микрофинансового рынка Банка России от 3 ноября 2017 г. о запрете указанному кооперативу привлекать денежные средства пайщиков.

КПК «Морской» являлся членом саморегулируемой организации «Опора». В ходе проведенных Банком России мероприятий было установлено, что кооперативы, являвшиеся членами вышеуказанного СРО, в том числе КПК «Морской», использовались в противоправных целях, направленных на обеспечение формальной легитимности деятельности «финансовой пирамиды» при неудовлетворительном контроле со стороны саморегулируемой организации. Банком России 28 декабря 2017 г. в отношении СРО «Опора» принято решение о прекращении полномочий.

Совокупный ущерб от преступной деятельности «финансовой пирамиды» составил 16,9 млн руб. В апреле 2020 г. директору КПК «Морской» П. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 172. 2, ч. 4 ст. 159 УК РФ. В качестве потерпевших допрошено 1592 человека, объем изъятых по делу финансово-хозяйственной документации превысил 1 тыс. томов. Продолжается установление местонахождения пайщиков КПК, проживающих за пределами как Приморского края, так и Российской Федерации, у которых необходимо истребовать документы, подтверждающие внесение денежных средств в кооператив, и допросить в качестве потерпевших для последующего назначения бухгалтерской экспертизы по документам, осмотра в полном объеме документации и предъявления П., с учетом указанных следственных действий, нового обвинения.

Таким образом, ненадлежащее исполнение СРО возложенных на них контрольных функций является существенным негативным обстоятельством, позволяющим организациям «финансовых пирамид» на базе КПК открыто нарушать стандарты деятельности в сфере кредитной кооперации, создавая условия для обмана пайщиков и хищения принадлежащих им материальных активов.

Анализ приведенных в качестве примеров уголовных дел позволяет определить проблемы, которые приходится преодолевать сотрудникам органов предварительного следствия при расследовании незаконной деятельности «финансовых пирамид», функционирующих на базе КПК: отсутствие реестра пайщиков в КПК вследствие его сокрытия, уничтожения, а также непредставления в СРО определяет проблему установления всех лиц, которым неправомерной деятельностью «финансовой пирамиды» был причинен ущерб; поступление информации о преступной деятельности спустя длительное время после реализации злоумышленниками

схемы «финансовой пирамиды» (как правило, уже на стадии неисполнения обязательств перед пайщиками) снижает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий; сокрытие следов преступной деятельности, в частности, уничтожение бухгалтерской документации, свидетельствующей о поступлении, движении и расходовании денежных средств организации; отсутствие механизма принятия превентивных мер пресечения деятельности «финансовой пирамиды» позволяет злоумышленникам в течение длительного времени осуществлять преступную деятельность, что определяет ее значительный масштаб и широту географии.

Несовершенство механизма контроля СРО за деятельностью кредитных кооперативов, а в отдельных случаях и Банка России, в том числе после вынесения в отношении КПК запрета на привлечение денежных средств, создает условия для массовых нарушений прав пайщиков, вызывающих общественный резонанс.

В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» СРО ограничены в контрольной деятельности КПК проведением плановых (не чаще 1 раза в год) и внеплановых (по поручению Комитета финансового надзора Банка России) проверок, что лишает их возможности своевременного реагирования на появление предложений сверхдоходных финансовых услуг, за которыми нередко стоят «финансовые пирамиды».

В рамках совершенствования механизма контроля предлагается закрепить в ст. 14 указанного федерального закона право СРО на инициирование перед Банком России проведения проверочных действий в отношении КПК в связи с нарушением последним нормативного акта Банка России в части ограничения максимального размера предлагаемых процентов и компенсаций, а также дополнить ст. 14.52.2 КоАП РФ ч. 3, определяющей ответственность СРО за ненадлежащую реализацию контрольных функций в отношении входящих в него КПК, повлекшую систематическое нарушение кооперативом ограничения максимального размера предлагаемых процентов и компенсаций, установленных нормативным актом Банка России, за использование привлеченных денежных средств пайщиков.

Полагаем, что усиление контроля за деятельностью КПК со стороны СРО и Банка России, а также введение административной ответственности СРО позволит снизить негативные последствия от преступной деятельности «финансовых пирамид», функционирующих на базе КПК.

Литература

1. Об определении размера активов кредитного потребительского кооператива, общее число членов которого не превышает трех тысяч физических и (или) юридических лиц, при превышении которого Банк России осуществляет надзор за соблюдением требований законодательства Российской Федерации о кредитной кооперации: указание Банка России от 09.12.2020 № 5654 У. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. X съезд РКП(б). М.: Парт. изд., 1933.
3. Арсеньев Б. Я. Лжекооперация и борьба с ней. М.: Книгосоюз, 1929.
4. Белицкий Ю. В. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество по принципу «финансовой пирамиды» // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 3. С. 277-280.
5. Годовой отчет Банка России за 2018 год. М.: Центр. Банк РФ, 2019.
6. Годовой отчет Банка России за 2019 год. М.: Центр. Банк РФ, 2020.
7. Горловская И. Г., Гимадиева И. И. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы // Вестник Омского ун-та. Сер. Экономика. 2011. № 3. С. 166-171.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 43. М.: Изд-во полит. лит., 1970.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. 42. № 44356.

УДК 343.9

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ ЕГО ИНФРАСТРУКТУРЫ

Евгений Владимирович Чиненов, начальник кафедры Белгородского юридического института имени И. Д. Путилина, кандидат экономических наук, доцент

E-mail: chinenovevg@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности одного из важных элементов криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте, – обстановки совершения преступления. Содержание данного элемента раскрывается через призму социальных, производственных, экономических, материальных и иных элементов внешней среды. Выделяются наиболее характерные из них, индивидуализирующие изучаемую обстановку совершения преступления.

Ключевые слова: расследование преступлений экономической направленности, железнодорожный транспорт, криминалистическая характеристика преступления, обстановка совершения преступления.

THE SITUATION OF THE COMMISSION OF CRIMES AS THE MAIN ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND ITS INFRASTRUCTURE FACILITIES

Evgeny Vladimirovich Chinenov, head of the Department of the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Economic, Associate Professor

The article deals with the features of one of the important elements of the criminalistic characteristics of economic crimes committed on railway transport – the situation of the crime. The content of this element is revealed through the prism of social, industrial, economic, material and other elements of the external environment. The most characteristic of them are identified, which individualize the studied situation of the crime.

Keywords: investigation of economic crimes, railway transport, criminalistic characteristics of the crime, the situation of the crime.

Преступления экономической направленности, совершаемые на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, совершаются в особых условиях территориальных зон, конкретных мест, производственно-хозяйственной деятельности, характеризующихся специфической вещественной обстановкой материального и виртуального пространства, времени, поведенческо-психологических причин, основывающихся на социально-экономических, организационных, технических и технологических особенностях этой отрасли экономики. Данные элементы и другие факторы, в первую очередь внешней среды, оказывают непосредственное влияние на преступные события, оставляемые ими следы, а потому важность их изучения при криминалистическом анализе выбранной категории преступлений не вызывает сомнения. Такая работа, как справедливо полагает Н. П. Яблоков, позволяет «собрать существенную криминалистическую информацию о возникшей в момент происшествия криминальной ситуации» [17, с. 34], то есть показать характерность обстановки совершения деяния как условий, в которых приготавливалось, непосредственно совершалось преступление, скрывались его последствия.

Анализ обстановки совершения преступления имеет большое значение как для следственной практики, так и для криминалистической науки, в частности, следователю легче собирать, исследовать и проверять доказательства, устанавливая истину по расследуемому уголовному делу. Ученые, исследуя криминалистические особенности преступлений, обоснованно рассматривают обстановку совершения преступлений одним из важных элементов понятийного аппарата криминалистической науки в целом, криминалистических характеристик преступлений отдельных видов и групп. Знание об этом имеет методическое значение, о чем свидетельствует большое количество изученных нами работ [1; 2, с. 139; 4, с. 49; 12, с. 34; 13, с. 7 и др.].

Предметно анализируя отдельные из них, приведем некоторые частные суждения, повлиявшие на ход и результаты проведенного нами исследования.

Так, В. С. Ишегеев обстановку совершения преступления называет «несущим каркасом» криминалистической характеристики любого преступления [9]. Информацию о ней Н. П. Яблоков считает стержневой, так как именно она объединяет сведения о других ее элементах и выступает в качестве своеобразного систематизирующего начала, поскольку «охарактеризовать преступление, не раскрыв обстановку, в которой оно совершалось, невозможно» [16, с. 41].

А. А. Бессонов видит обстановку преступления обязательным звеном в криминалистическом содержании структуры каждого преступного деяния [3].

Раскрытие содержания обстановки преступления, познание характеристики условий, в которых действовал преступник, готовилось и совершалось преступление, дают возможность использовать полученные знания при разработке методов расследования отдельных видов преступлений [15, с. 179], что затем позволит, в практическом аспекте, по мнению В. И. Куликова, активнее использовать сведения о содержании обстановки в процессе расследования, дав «в руки следователя мощное средство доказывания вины, выявления целей и мотивов совершения преступления в ходе проведения следственных действий» [11, с. 77].

С перечисленными выше точками зрения нельзя не согласиться. Обстановка преступления во многом отражает конкретные личностные качества преступника, предопределяет и корректирует способ совершения преступления, в значительной мере сказывается на его механизме, индивидуализирует следовую информацию. Грамотный подход к обобщению информации об обстановке совершения преступлений определенных видов и групп позволяет охарактеризовать особенности следственных ситуаций, складывающихся на момент начала расследования, выдвигать аргументированные версии, проверять их, планировать следственные действия, выбирать наиболее эффективные формы и способы использования специальных знаний, оптимизируя весь процесс расследования преступлений.

Опираясь, помимо перечисленных выше, на предметные исследования В. А. Гамзы, посвященные изучению сущности, структуры и содержания криминалистической характеристики преступлений [5, с. 7], отметим, что в основе элементного состава криминалистической характеристики исследуемой нами категории преступлений лежит именно обстановка совершения преступления. Данный тезис подтверждается работами О. П. Грибунова, признающего обстановку совершения преступлений ключевым элементом, характеризующим с криминалистической точки зрения преступления, совершаемые на транспорте [7, с. 59]. В связи с этим знание ее особенностей позволяет не только методически грамотно организовать расследование, но и существенно повысить его качество.

Соглашаясь в целом с утвердившимися к настоящему времени в криминалистике научными положениями, так или иначе касающимися характеристики категории обстановки совершения преступления, и примеряя их к проблематике проводимого исследования, подчеркнем особое влияние среды (условий) деятельности железнодорожного транспорта на характер совершаемых в этой сфере преступлений. Для преступлений экономической направленности,

совершаемых на объектах железнодорожного транспорта и транспортной инфраструктуры, специфика и структура отрасли, организационные, финансово-экономические, производственно-технологические особенности функционирующих железнодорожных транспортных предприятий, характер явлений, процессов, связей, отношений (например, документооборота, учета, контроля финансово-хозяйственной деятельности), прочие «производственные» факторы являются ключевыми при выборе преступником способа, орудий, места и времени совершения преступления. Поэтому, чтобы понять механизм таких преступлений, обеспечить выявление лиц, имеющих отношение к расследуемому событию, установить все значимые обстоятельства, подлежащие доказыванию, определить тактику следственных действий, необходимо знать условия, в которых преступление было совершено, начиная с отраслевой нормативно-правовой базы, особенностей, индивидуализирующих хозяйственную деятельность и материальную среду, в которой она ведется [6, с. 14]. Значительный потенциал в познании обстановки совершения преступления для следователя органов внутренних дел на транспорте может содержаться в специально разработанных для этих целей методических криминалистических рекомендациях.

Изучение существующих частных методик расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, позволяет говорить о имеющихся проблемах. Подтверждение тому – результаты отдельных исследований [8; 10; 14] и проведенное нами анкетирование следователей и оперативных сотрудников УТ МВД России по Центральному федеральному округу. Ученые делают акцент на неразрешенных вопросах методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений отдельных видов и групп. Сотрудники следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел на транспорте в их числе особо выделяют преступления экономической направленности, обращая внимание на пробелы в криминалистическом обеспечении предварительного расследования. Проявляются проблемы, в частности, в отсутствии как специально разработанной межвидовой криминалистической характеристики данной категории преступлений, так и криминалистической характеристики их расследования, позволяющих в условиях дефицита исходной информации организовать эффективное решение задач выдвижения обоснованных версий относительно неустановленных обстоятельств совершенного преступления за счет знания одного из наиболее важнейших элементов – обстановки совершения преступления.

Многообразие видов деятельности в отрасли железнодорожного транспорта, специфика инфраструктуры, организационно-производственные особенности, обилие материально-технической базы влияют на восприятие обстановки преступлений экономической направленности, сказываясь на состоянии работы по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в данной сфере. Указанное обстоятельство находит свое подтверждение в данных уголовной статистики. Число выявляемых на железнодорожном транспорте преступлений экономической направленности на протяжении десяти лет неуклонно снижается с 18331 преступления в 2010 г. до 5202 преступлений в 2020 г.* При этом, несмотря на сравнительно небольшие количественные показатели преступности, криминальная активность в этой сфере сохраняется, а сами преступные деяния наносят серьезный ущерб как экономической отрасли, так и государству в целом.

Важность познания обстановки совершения преступления для следственной практики органов внутренних дел на железнодорожном транспорте не вызывает сомнений. С изучения обстановки совершения деяния начинается расследование преобладающего большинства уголовных дел, осуществляется планирование работы следователя, организуется взаимодействие, определяется тактика производства следственных действий, формируется доказательственная

* Состояние преступности в Российской Федерации в 2010–2020 гг. ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/>

база. В то же время проведенным исследованием было установлено, что значительная часть опрошенных сотрудников органов внутренних дел на транспорте испытывают трудности в распознавании обстановки совершения преступлений, совершаемых: в процессе перевозки грузов (85,2 % опрошенных); в ходе осуществления производственных, ремонтных, строительных и иных работ в цехах, на площадках, в местах общего пользования и пр. (75,3 %); при обслуживании инфраструктурных объектов железнодорожного транспорта (85,1 %); в рамках административно-управленческой деятельности (65,6 %); в процессе торговли, бытового и иного социального обслуживания на объектах железнодорожного транспорта (55,4 %). Кроме того, отдельными сотрудниками органов внутренних дел на транспорте было обращено внимание и на фактическое отсутствие актуальных методических и справочных материалов, раскрывающих особенности изучения обстановки преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте.

Предпримем попытку показать внешнюю среду события преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, и различные сопутствующие факторы объективной реальности путем деления на традиционные группы различного рода взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих условия места и времени, вещественные, природно-климатические, производственно-бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие обстоятельства, позволяющие судить об особенностях системы признаков, характеризующих обстановку совершения преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры. Наиболее характерными из них будут следующие:

1. Условия места: пространства, территории и площади объектов производственно-технологического комплекса, включающего в себя инфраструктуру железнодорожного транспорта, железнодорожный подвижной состав, другое имущество, предназначенные для обеспечения потребностей физических, юридических лиц, государства в перевозках, а также в выполнении иных работ (услуг), связанных с ними.

2. Условия времени: в большинстве своем период рабочего времени, определяемый правилами внутреннего трудового распорядка организации железнодорожного транспорта.

3. Вещественные условия: различные материальные объекты, имеющие отношение к структуре и инфраструктуре железнодорожного транспорта.

4. Производственный фактор: особый характер условий функционирования железнодорожного транспорта, специфика и многообразие производственных процессов в зависимости от сферы деятельности железнодорожного транспорта (перевозка, производство, ремонт, строительство и пр.), уровень компьютеризации и цифровизации, влияющие на способ совершения преступления и его механизм.

5. Иные факторы:

– знание преступниками особенностей функционирования железнодорожной транспортной отрасли;

– использование преступниками такого производственного процесса и момента в деятельности организаций железнодорожного транспорта, который обеспечивает выбор оптимального способа преступного посягательства;

– уровень информатизации отраслевых производственно-технологических процессов, состояние их учета, контроля;

– выбор в качестве объекта преступного посягательства чаще всего материальных ценностей, которые сравнительно легко могут быть похищены (присвоены), и пр.

В содержании обстановки преступлений экономической направленности, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта и транспортной инфраструктуры, можно выделить ряд взаимосвязанных блоков криминалистически значимой информации:

- о конкретной сфере отрасли экономики железнодорожного транспорта;
- задействованных в ней организациях;
- непосредственных структурных подразделениях, рабочих участках, протекающих в них процессах;
- об особенностях конкретных материальных объектов;
- об отдельных должностных, материально ответственных лицах, рабочих, служащих, гражданах.

Наиболее информативным, обеспечивающим получение максимальной криминалистически значимой информации, является изучение обстановки на уровне конкретного хозяйствующего субъекта. Оно включает в себя получение сведений:

- о местонахождении, ведомственной подчиненности, организационной структуре, режиме работы;
- производственных, технологических, финансовых и иных хозяйственных процессах;
- об имеющихся экономических связях и контактах;
- о количественных, качественных, стоимостных и иных характеристиках используемых в деятельности материальных ценностей;
- состоянии финансовой и расчетной дисциплины;
- об особенностях документооборота, бухгалтерского учета, контроля, анализа хозяйственной деятельности;
- иных условиях, которые, так или иначе, оказывают влияние на выбор способа совершения преступления (пространственно-временные, природно-климатические, физико-химические, поведенческо-психологические).

В наибольшей степени характеризует обстановку совершения преступления место сосредоточения следов, т. е. место происшествия. Особенностью механизма преступлений экономической направленности на объектах железнодорожного транспорта и транспортной инфраструктуры является то, что мест происшествия по одному преступлению может быть несколько (например, участки местности с расположенными на них инфраструктурными объектами, производственные и служебные помещения, жилище и пр.). Это сказывается на локализации и характере оставляемых следов, способах их маскировки (уничтожение, создание ложных, фальсификация предметов обстановки, подлоги и пр.). Ключевой особенностью места значительного количества преступлений, совершаемых в подвижном составе железнодорожного транспорта, является его перемещаемость.

Согласно имеющимся у нас данным, непосредственные места совершения преступлений экономической направленности на объектах железнодорожного транспорта и транспортной инфраструктуры варьируются в зависимости от предмета преступного посягательства.

При посягательствах на имущество и денежные средства граждан, юридических лиц, пользующихся услугами перевозки железнодорожным транспортом, это будут вокзалы, станции, пассажирские и грузовые поезда.

При посягательствах на имущество, денежные средства и финансы юридических лиц в процессе иной финансово-хозяйственной деятельности местами совершения преступлений в большинстве случаев будут являться объекты инфраструктуры транспортных организаций, ОАО «РЖД» и юридических лиц, взаимодействующих с предприятиями сферы железнодорожного транспорта.

В ряде случаев (например, по отдельным видам хищений, мошенничеств, криминальных банкротств) место совершения преступления бывает определить довольно сложно, так как для его подготовки и совершения преступниками активно используются компьютерная

техника, современные информационные технологии, позволяющие в условиях удаленного доступа планировать и осуществлять реализацию преступного умысла, уничтожать оставляемые ими следы.

В качестве характерного примера, иллюстрирующего специфику обстановки преступления, можно привести материалы следующего изученного нами уголовного дела.

Начальник вагоноремонтного депо Шахунья ОАО «ВРК-3» гр. А. совместно с мастером производственного участка депо гр. Я. систематически совершали хищение бывших в употреблении железнодорожных колесных пар, а затем реализовывали их как новые, предварительно изменив осевую маркировку. Осуществлялась преступная деятельность по завладению дорогостоящими элементами ходовых частей подвижного состава рельсового транспорта на производственных площадях вагоноремонтной компании, с учетом знаний технологии проведения ремонта и обслуживания, в ходе происходящих производственных процессов, в рабочее время, в периоды временного отсутствия руководителя организации, а маскировалась путем фальсификации бухгалтерских и производственных документов*.

Проведенный анализ дает нам основание полагать, что особенности, характеризующие сферу железнодорожной транспортной отрасли, в которой действуют участники преступных событий экономической направленности, прочие условия и факторы объективной реальности, имеющие отношение к данной сфере, несут в себе едва ли не основной спектр доказательственной, розыскной и ориентирующей информации о совершенном преступном деянии. Поэтому обстановку совершения преступления будет справедливым считать не только наиболее информативным элементом криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, но и информационной основой для решения основного спектра криминалистических задач, практических вопросов организации предварительного расследования, его логического и всестороннего криминалистического обеспечения. Отмеченное позволяет понимать обстановку совершения преступлений экономической направленности на объектах железнодорожного транспорта и транспортной инфраструктуры как систему условий, факторов, в большей степени внешней среды железнодорожной транспортной отрасли, непосредственно влияющих на механизм и способ их совершения.

Выявление и детальный анализ конкретных элементов обстановки совершения преступлений экономической направленности в указанной сфере дает ценную криминалистическую информацию, необходимую для обеспечения глубины и качества ситуационного анализа преступления, выбора наиболее правильных путей и методов расследования. Правильная оценка перечисленных условий и факторов в каждом конкретном расследовании, с учетом сведений о способе и механизме преступления, поможет выделить действенные методы выявления тех, которые тем или иным образом повлияли на ход правонарушения, его результаты и способствовали ему.

Литература:

1. Анненкова Т. С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы ее исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
2. Белкин Р. С. Собрание, исследование и проверка доказательств. М., 1966. С. 139–140.
3. Бессонов А. А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестник Саратовской гос. юрид. академии. 2014. № 6 (101). С. 158–163.
4. Гавло В. К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений: сб. науч. трудов / отв. ред. Д. А. Турчин. Иркутск, 1980. С. 49–50.
5. Гамза В. А. Криминалистическая характеристика преступления: сущность, структура и содержание // Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 2001. С. 6–9.
6. Гелюс Т. Ф. Расследование преступлений экономической направленности: учеб.-практ. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2019.

* Уголовное дело № 1–101/2018 // Архив Заводского районного суда г. Саратова.

7. Грибунов О. П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского гос. ун-та. Сер. Экономические и юридические науки. 2013. № 5–2. С. 59–63.
8. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: монография. Иркутск: ВСИ МВД России, 2016.
9. Ишигеев В. С. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.
10. Комаров И. М., Антонов А. Е. Расследование преступлений на объектах железнодорожного транспорта: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.
11. Куликов В. И. Обстановка совершения преступлений и ее криминалистическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.
12. Мерецкий Н. Е. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистические чтения на Байкале-2012: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2012. С. 33–39.
13. Образцов В. А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М., 1984. С. 7–14.
14. Усова Г. М., Лавров В. П. Факторы, определяющие специфику расследования преступлений на железнодорожном транспорте // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: сб. мат-лов III всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. М., 2020. С. 188–192.
15. Шурухнов Н. Г., Мерецкий Н. Е., Пудовиков А. С. Систематизация криминалистических методик: их сущность, содержание, взаимосвязь, служебная роль в научных исследованиях и расследовании преступлений // Белгородские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Белгород: БелЮИ МВД России, 2020. С. 177–190.
16. Яблоков Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 5. С. 40–52.
17. Яблоков Н. П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М., 1984. С. 34–39.

УДК 343.985.3

МОБИЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА СВЯЗИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ

Александр Сергеевич Пудовиков, начальник кафедры, кандидат юридических наук, доцент;
Евгений Владимирович Ненашев, адъюнкт

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: alexpud71@gmail.com

jekanenashev@mail.ru

В статье осуществлен анализ отдельных следственных ситуаций, связанных с организацией расследования хищений денежных средств с банковских счетов; предложены классификация электронно-информационных следов, связанных с работой мобильных устройств, при совершении указанных деяний, а также даны рекомендации по оптимизации процесса получения криминалистически значимой информации, хранящейся на мобильном устройстве потерпевшего.

Ключевые слова: мобильное устройство, электронно-информационный след, банковский счет, информационно-телекоммуникационные технологии, карты памяти, SIM-карты.

MOBILE COMMUNICATION DEVICES AS SOURCE OF INFORMATION AT INVESTIGATION THEFTS OF FUNDS FROM BANK ACCOUNTS

Aleksandr Sergeevich Pudovikov, head of the Department, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Evgeniy Vladimirovich Nenashev, post-graduate

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article analyzes individual investigative situations related to the organization of the investigation of embezzlement of funds from bank accounts, and offers a classification of electronic information traces associated with the operation of mobile devices in the commission of these acts. Recommendations for optimizing the process of obtaining criminally significant information stored on the victim's mobile device are proposed.

Keywords: mobile device, electronic information trail, bank account, information and telecommunications technologies, memory cards, SIM cards

В настоящее время приходится констатировать тот факт, что успехи ведущих мировых компаний при продвижении инноваций в сфере

IP-технологий, имевшие место с начала XXI в., к сожалению (естественно, с учетом ряда иных факторов), привели к тому, что Россия столкнулась с целым потоком преступлений, совершенных с использованием современных средств инфокоммуникаций. Так, статистические данные МВД России свидетельствуют о том, что в 2020 г. было совершено 510396 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [6, с. 30]. По сравнению с 2019 г. количество данных преступлений увеличилось на 57,6% [5, с. 30]. Следует обратить внимание на тот факт, что из всего количества указанных преступлений, совершенных в 2020 г., было раскрыто 94942 преступления (18,6%). Для сравнения: общая средняя раскрываемость всех преступлений в РФ за данный период составила около 50,5%, что определенным образом подчеркивает наличие некоторых проблем в организации раскрытия и расследования данного вида преступлений.

Судебно-следственная практика показывает, что в общем объеме преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации хищения денежных средств с банковского счета путем краж (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), а также мошенничеств (ст. 159 УК РФ) занимают наиболее значительное место. Согласно статистическим данным, в 2020 г. 173416 хищений – это кражи, 210493 – мошенничества [6, с. 30]. Одним из самых распространенных способов совершения вышеуказанных преступлений является введение в заблуждение потерпевшего (в ходе общения посредством информационно-телекоммуникационных технологий) о личности преступника с целью получения доступа к банковскому счету и совершения необходимых манипуляций. Так, в апреле 2020 г. гр. Д. на сайте «Авито» обнаружил страницу с предложением о продаже скота. В ходе беседы посредством приложения WhatsApp продавец отправил последнему фотографию паспорта и попросил перевести ему на счет денежные средства в размере 50500 руб., что Д. и сделал. Злоумышленник пообещал, что в скором времени поставит товар, после чего исчез. В ходе отработки абонентского номера, с которого осуществлялось общение преступника с потерпевшим, было установлено, что паспорт, на который он был оформлен, является недействительным, поскольку принадлежал лицу, которое на момент оформления соответствующего договора было признано умершим*.

Важно отметить, что в настоящее время практика расследования данной категории преступлений находится в большей степени на стадии формирования. Это, в свою очередь, может определенным образом объяснить сложившуюся ситуацию, но очевидно, что данная проблема требует скорейшего решения. Кроме того, достаточно часто жертвами указанных преступлений становятся в меньшей степени социально защищенные слои населения, например, престарелые люди. Это вполне объяснимо, поскольку многим пенсионерам, с учетом массового перевода пенсионных выплат на банковские карты, сложно разобраться в перипетиях работы банковских сервисов и приложений, чем пользуются различного рода преступники.

В продолжение сказанного отметим результаты анализа судебно-следственной практики в этом сегменте преступлений, которые свидетельствуют о том, что при совершении хищений денежных средств с банковского счета одним из основных источников доступа преступников к конфиденциальной информации потерпевших являлись устройства, обеспечивающие мобильную связь (сотовый телефон, смартфон, планшет и т. д.), а сами преступления совершались дистанционно. Так, в 2020 г. из всех преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий 42,8% были совершены с использованием средств мобильной коммуникации. В связи с этим представляется очевидным, что в процессе раскрытия и расследования указанных деликтов данные технические средства должны стать важным источником получения криминалистически значимой информации.

Обратим внимание на достаточно бесспорный факт – успех расследования не только вышеуказанной категории преступлений, но и любых других их видов, во многом предопределяется наличием у сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих этот процесс, определенных профессиональных умений и навыков в целом, а также способностью этими лицами организовать работу со следовой информацией в частности. Важно отметить, что с криминалистической точки зрения любые следы как отражение действий субъекта в реальной действительности, в рамках осуществления преступной деятельности, так или иначе, имеют информационный характер. Вместе с тем, с учетом специфики механизма исследуемых преступлений, особое значение приобретают следы, возникновение которых связано с работой радиотехнических и телекоммуникационных устройств, в виде закодированных цифровых данных, которые отображаются на картах памяти, внутренней памяти, SIM-картах сотовых телефонов, а также в приложениях, установленных на устройстве. Следует отметить,

* Архив СО ОМВД по Хабаровскому району. Уголовное дело № 12001080067000368.

что в научном сообществе существуют различные трактовки относительно комплекса указанной информации. Так, одни исследователи [2, с. 104; 4, с. 43] называют их «виртуальными» следами, другие – «цифровыми» следами [1, с. 75]. Не вступая в полемику по поводу данной дефиниции, мы будем именовать их как «электронно-информационные следы» (ЭИС).

В отличие от традиционных криминалистических следов, электронно-информационные следы по своей природе являются специфичными, а организация работы с ними требует использования специальных знаний из различных областей науки и техники.

С целью оптимизации работы с ЭИС, с учетом их многогранности, особенностей возникновения и локализации, позволим себе предложить определенную классификацию таких следов.

1. ЭИС, связанные с системой организации сотовой связи.

Для данной группы характерно то, что ЭИС возникают в процессе работы средств коммуникационных станций, в рамках взаимодействия с мобильными устройствами пользователей. Установлены общие объекты средств сотовой связи, в работе которых образуются данные следы [3, с. 156]. К ним отнесены:

- во-первых, аппаратно-технические средства поддержки системы сотовой связи (базовые, абонентские подвижные станции, центры коммутации, эфирный интерфейс);
- во-вторых, средства информационной поддержки сотовой связи, которые включают в себя программное обеспечение, данные и базы данных, позволяющие осуществлять свои функциональные возможности в системе сотовой связи;
- в-третьих, средства вспомогательной поддержки системы сотовой связи (центры технического обслуживания работы с клиентами и др.).

Механизм образования данных следов заключается в том, что в ходе осуществления своей деятельности организации, обеспечивающие функционирование связи на определенной территории, фиксируют всю связанную с этим информацию, а именно:

- расстояния до азимутов базовых станций, вблизи которых происходит соединения между абонентскими устройствами;
- абонентские номера и регистрационные данные лиц, между которыми происходит соединение, в целях отслеживания работы своих тарифных планов и контроля работы всех подстанций.

Вся эта информация хранится на серверах данных компаний, включая личные сведения лиц, на которых оформлены абонентские номера.

Не вызывает сомнения тот факт, что объективность регистрации всех вышеобозначенных сведений в конечном итоге во многом призвана предопределить эффективность решения многих идентификационных и диагностических задач. Так, в рамках реализации соответствующего запроса, на основании решения суда, следователь может получить точную информацию о времени, дате совершения интересующих звонков, точные абонентские номера, а также приблизительное местоположение лиц в момент общения, их регистрационные данные, включая данные паспорта. Вместе с тем следует учитывать, что в целях сокрытия своей преступной деятельности злоумышленники могут использовать поддельные сим-карты, сим-карты, зарегистрированные на посторонних лиц, средства IP-телефонии (в данном случае практически невозможна фиксация геолокации звонящего, доступ к услуге осуществляется посредством интернет-сайта, имеется возможность предоставить подложные документы). Злоумышленниками могут быть использованы перепрограммированные мобильные устройства, в которых ввиду внесенных изменений уничтожается либо маскируется оригинальный IMEI или IMEID телефона. IMEI (International Mobile Equipment Identity) – это уникальный номер, который выдается любому мобильному оборудованию, работающему в таких мобильных сетях, как GSM, IDEN или WCDMA. Такой уникальный идентификатор получают все мобильные телефоны, смартфоны, спутниковые телефоны, планшеты и ноутбуки, то есть все устройства, поддерживающие работу SIM-карт. Ввиду этого любое устройство связи

обладает своим уникальным идентификатором, по которому вне зависимости от используемой SIM-карты можно отследить данное абонентское устройство и его местоположение. Именно поэтому в ходе обработки «сотового» следа важно проанализировать все имеющиеся и связанные с конкретным абонентским номером сведения (адрес регистрации владельца, на кого оформлены сим-карты, с какого местоположения чаще всего совершаются звонки, с каких еще сим-карт осуществлялись звонки с устройства). Следует учитывать тот факт, что в том случае, если злоумышленник не обладает достаточным опытом, то он может использовать одно устройство как для совершения преступных действий, так и для бытовых нужд, и это может оказать содействие в его розыске.

Так, в рамках расследования преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 и ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, было установлено, что обвиняемая О. завладела банковской картой, оформленной на умершего гражданина А. Используя данную банковскую карту, О. похитила денежные средства на общую сумму 15 800 руб. В выписке по счету, предоставленной представителем потерпевшего (Пенсионный фонд России), содержались сведения об абонентском номере лица, на который также осуществлялось пополнение баланса. В ходе обработки данного абонентского номера была установлена причастность О. к совершению этого преступления*.

2. ЭИС, хранящиеся в памяти (карте памяти) устройства.

В данном случае необходимо учитывать, что в сотовых устройствах используются как внутренние (встроенные), так и внешние накопители, представляющие из себя устройства, предназначенные для записи и хранения данных. Несмотря на то, что фактически любая информация, хранящаяся на данных носителях информации, представляет из себя совокупность цифровых данных и сведений, закодированных определенным способом, для удобства использования в устройствах имеются разработанные и установленные интерфейсы, представляющие из себя специальные приложения, например, журналы звонков, меню SMS-сообщений, проводники файлов, а также установленная на устройстве операционная система (IOS, Android и др.). Механизм возникновения данных следов заключается в том, что сотовое устройство потерпевшего фиксирует множество сведений, связанных с взаимодействием с устройствами связи преступника. Будь то записи в журналах звонков, поступившие SMS-сообщения или записи в реестрах устройства, – все это фиксируется в памяти устройства. Данный факт, безусловно, важен, поскольку то, что хранится фактически в физической памяти устройства, возможно извлечь и использовать в расследовании преступления. Даже в случае попытки удалить записи в журнале звонков и SMS-сообщений, их можно восстановить с помощью специальных программ для последующей фиксации.

Для удобства данную группу ЭИС можно разделить на две подгруппы с учетом их качественного характера. Под качественным характером мы предлагаем понимать степень информативной полезности в рамках расследования преступления. Так, несмотря на то, что в соответствии со ст. 73 УПК РФ следователь (дознатель) обязан установить широкий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, в зависимости от сложившейся следственной ситуации, на определенный момент расследования возможно приоритетное разделение значимой информации для наиболее эффективного поиска подозреваемого лица и доказывания его виновности. Например, в начале расследования преступления после возбуждения уголовного дела целесообразнее проанализировать данные, которые можно получить в ходе осмотра телефона потерпевшего, не изменяя их первичный характер, в частности, осмотреть раздел SMS-сообщений, журнал звонков, предустановленные программы, которые были скачаны по просьбе мошенника самим потерпевшим. Для оценки же изменений, которые были внесены в различные банковские приложения, установленные на смартфоне, или же внедрения вредоносного программного обеспечения необходимо направить данное устройство

* Архив суда Хабаровского района Хабаровского края за 2020 год. Уголовное дело № 1–150/2020.

для производства компьютерно-технической экспертизы, срок осуществления которой часто превышает 10 суток. Этого времени, как правило, хватает злоумышленнику для уничтожения следовой картины в случае, если на телефоне действительно имелось вредоносное программное обеспечение. Однако данный фактор не умаляет значимость получаемых в ходе экспертизы сведений, поскольку они могут нести важную доказательную информацию.

Таким образом, к сведениям первой подгруппы можно отнести данные, полученные из SMS-сообщений, в которых может быть указано время совершения определенных действий (снятие денежных средств, поступление кода авторизации, смена пароля и т. д.), попытки звонков с неизвестных абонентских номеров, различные реквизиты и данные платежных средств, а также части имени и фамилии лица, на счет которого были переведены похищенные денежные средства. Кроме того, к таким сведениям можно отнести данные, получаемые из журнала звонков на устройстве, фиксирующем абонентские номера, с которых происходили звонки, время звонков (в случае если на телефоне установлено актуальное время и дата, в других случаях данные сведения возможно получить из абонентских выписок в салонах связи).

К сведениям второй подгруппы можно отнести данные, полученные из логов, то есть из файлов, содержащих системную информацию работы сервера или компьютера, в нашем случае мобильного устройства, в которые заносятся определенные действия пользователей или программ. Следователь (дознатель) с целью получения криминалистически значимой информации может прибегнуть к использованию отдельных приложений, например LogCat, однако, не обладая должным уровнем технических знаний, сотруднику будет сложно понять, где сведения были изменены или удалены, поэтому для расшифровки интересующей следствии информации назначается компьютерно-техническая экспертиза. Значение данных сведений предопределено тем, что в среде логов (журналов) устройства возможно установить наличие следов внедрения посторонних программ, вирусов, а также извлечения преступниками зашифрованной информации без использования средств социальной инженерии и контакта с потерпевшим. Кроме того, проверка логов позволит проверить версию об утаивании потерпевшим какой-либо важной для расследования информации. Так, например, в случаях, когда потерпевший обратился с заявлением о незаконном списании денежных средств с его банковского счета в то время, когда с ним никто не связывался, никому лично никаких данных он не передавал, пин-код его банковской карты, доступ к установленным банковским приложениям есть только у него, у следователя (дознателя) могут возникнуть определенные сомнения в правдивости сообщенных сведений. Кроме того, указанные обстоятельства могут послужить основанием для выдвижения версий о том, что злоумышленники получили доступ к его устройству, используя другие приемы, например с помощью эксплойтов или фишинговых ссылок, в связи с чем, при отсутствии других доказательств в виде банковских выписок, данный способ позволит установить наличие взлома устройства потерпевшего.

3. ЭИС, хранящиеся на серверах интернет-сайтов, предоставляющих услуги в виде установленных приложений.

К таким следам можно отнести сведения, которые невозможно изъять на определенный носитель, кроме как по соответствующему запросу, т. к. они хранятся на частных серверах, в основном принадлежащих иностранным компаниям (например, Google, Facebook и т. д.). Как правило, к данным приложениям можно отнести специальные банковские сервисы (например, «Сбербанк Онлайн», «ВТБ Онлайн», «Тинькофф» и т. д.), социальные сети и мессенджеры («ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграмм», WhatsApp и т. д.), торговые площадки («Авито», «Юла» и т. д.), а также сторонние программы, которые были установлены потерпевшим по требованию мошенников и не являются вирусными (например, Team Viewer). Механизм образования данных следов определенным образом схож со второй рассмотренной нами группой, поскольку сведения о действиях потерпевшего и злоумышленника также фиксируются в памяти устройств, только в данном случае имеются в виду устройства,

которые размещены на интернет-сайтах и представляют из себя хранилища серверов. В такой ситуации получить оперативную информацию возможно только при непосредственном участии самого потерпевшего, который добровольно может предоставить доступ к страницам и приложениям, установленным на его устройстве, чтобы следователь (дознатель) смог обнаружить и зафиксировать криминалистически значимую информацию.

Так, гр. К. с помощью сотового телефона потерпевшей А. и данных ее банковской карты осуществил пополнение лицевого счета на букмекерском сайте, куда он авторизовался, используя свой аккаунт в социальной сети Facebook. В ходе производства предварительного следствия был осмотрен принадлежащий А. сотовый телефон, в котором обнаружен аккаунт социальной сети Facebook, где имелся автоматический вход на страницу К., что позволило получить дополнительные доказательства причастности К. к совершенному преступлению*.

Необходимо отметить, что ключевым моментом в получении данных сведений является оперативность. Вместе с тем процесс получения данной информации посредством реализации запросов в соответствующие организации часто затруднителен ввиду расположения серверов на территории иностранных государств, к сожалению, не всегда сотрудничающих с российскими правоохранительными органами. Именно поэтому наиболее оптимальным способом сбора необходимой информации (как минимум, в рамках проверочных мероприятий) становится осмотр устройства потерпевшего. Так, например, после обращения потерпевшего в полицию с заявлением о краже у него со счета денежных средств целесообразно с его участием в ходе такого следственного действия, как осмотр места происшествия, проанализировать разделы приложения «Сбербанк Онлайн», что, в свою очередь, может позволить установить размер причиненного ущерба, время снятия денежных средств, реквизиты счета потерпевшего, а также возможные сведения о лице, на счет которого были переведены похищенные денежные средства.

Так, по факту хищения денежных средств с банковского счета гр. Ш. следственно-оперативная группа в ходе производства предварительной проверки прибыла по месту его жительства в с. Победа Хабаровского муниципального района Хабаровского края, расположенное в 500 км от краевого центра. В связи с проблемой обращения в банк, потерпевшим Ш. для получения банковской выписки следственно-оперативной группой был осмотрен его сотовый телефон, в котором остались смс-сообщения, в которых фиксировались время и сумма снятий денежных средств с его банковского счета, а также отдельные данные лица, на счет которого были переведены денежные средства. В ходе опроса потерпевшего было установлено, что к последнему в гости приходила гражданка, имеющая сходные инициалы, после чего она была задержана и опрошена. Таким образом, преступление было раскрыто по горячим следам**.

Итак, проанализировав специфику возникновения ЭИС в мобильном устройстве потерпевшего, можно получить ряд оснований для выдвижения определенных версий, имеющих большое значение для организации расследования преступлений данной категории. Так как преступники при совершении указанных преступлений практически всегда принимают все возможные меры по сокрытию своей личности и местоположения, а также по обеспечению безопасности снятия похищенных денежных средств, при расследовании преступлений, связанных с хищением денежных средств с банковского счета, важен высокий уровень оперативности действий следователя (дознателя), которому поручена организация предварительной проверки указанной в сообщении о преступлении информации. Банковские карты,

* Дело 1–34/2020 Калманского районного суда (Алтайский край) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 18.03.2020).

** Дело 1–76/2020 Новоуральского городского суда (Свердловская область) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 18.03.2020).

IP-телефонные номера, сим-карты могут быть уничтожены через несколько часов после их использования, а денежные средства потерпевшего могут быть переведены через несколько счетов на основной счет преступника, в связи с этим оперативность является главным требованием, стоящим перед следователем (дознавателем).

Литература

1. Иванов В.Ю. О теоретических аспектах использования в криминалистике понятия электронно-цифрового следа // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 75.
2. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002.
3. Потапов С.А., Потапова И. С. Использование экспертиз при расследовании и раскрытии преступлений, совершенных с применением сотовых телефонов // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 11.
4. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8.
5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2019.
6. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2020.

УДК 343.98

МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМЫЕ ПРИ ПОМОЩИ БОТОВ В ОНЛАЙН-МЕССЕНДЖЕРЕ TELEGRAM

Игорь Николаевич Озеров, заведующий кафедрой Московской академии Следственного комитета РФ, кандидат юридических наук, доцент;

Кирилл Игоревич Озеров, адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: ozerov.kir@yandex.ru

В статье подчеркивается актуальность проблемы, связанной с выявлением и раскрытием мошенничеств в сфере IT-технологий, демонстрируется и проводится тщательный анализ статистических данных. Поднимается вопрос о воздействии неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки на рост количественных показателей киберпреступности. Приводятся положительные примеры, которые касаются успешной деятельности правоохранителей по выявлению и раскрытию рассматриваемых преступлений. Объясняются причины, из-за которых возникают трудности у органов внутренних дел при борьбе с мошенничествами, связанными с использованием информационно-телекоммуникационного ресурса. Детально раскрывается схема работы ботов в мессенджере Telegram, демонстрируется их серьезнейшая угроза, а также подчеркивается анонимность подобных систем, при которых мошенник выходит «сухим из воды». В конце статьи делаются соответствующие выводы по проблематике исследования.

Ключевые слова: мошенничество, IT-технологии, информационно-телекоммуникационные технологии, Telegram, органы внутренних дел.

FRAUD COMMITTED WITH THE HELP OF BOTS IN THE ONLINE MESSENGER TELEGRAM

Igor Nikolaevich Ozerov, Head of the Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Kirill Igorevich Ozerov, postgraduate of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article highlights the urgency of the problem associated with the detection and disclosure of fraud in the field of IT technologies, demonstrates and conducts a thorough analysis of statistical data. The question of the impact of the unfavorable sanitary and epidemiological situation on the growth of quantitative indicators of cybercrime is raised. Positive examples are given that relate to the successful activities of law enforcement officers in identifying and uncovering the crime in question. The reasons why the internal affairs bodies have difficulties in combating fraud related to the use of information and telecommunications resources are explained. The scheme of the work of bots in the Telegram messenger is revealed in detail, their most serious threat is demonstrated, and the anonymity of such systems is emphasized, in which the fraudster gets away with it. At the end of the article, the relevant conclusions are drawn on the research issues.

Keywords: Fraud, IT-technologies, information and telecommunications technologies, Telegram, internal affairs agencies.

В настоящее время остро стоит вопрос о предотвращении киберпреступности, в частности мошенничеств с использованием IT-технологий [1–6]. Но на уровне всего мирового сообщества ситуация в целом остается неизменной, злоумышленники в киберсреде

продолжают похищать денежные средства у простых граждан. Правоохранители, а также компании, отвечающие за безопасность в среде информационных технологий, либо отделы (отделения) крупных корпораций часто остаются бессильны, что сказывается на общественном мнении.

Обстановка ухудшилось с появлением коронавирусной инфекции во всем мире – преступники не упустили свои возможности в похищении денежных средств, пока все озадачены проблемами здравоохранения, борьбой с Covid-19 и т. д.

Да, бесспорно, правоохранительные органы делают все возможное, чтобы преступность такого рода была раскрываема, осуществляются действия по предотвращению и недопущению мошенничеств, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, но пока эта проблема сохраняется.

Так, в 2020 г. мошенничеств с использованием информационных технологий (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ) было совершено 237074, из них раскрыто 21625*, что не назовешь хорошим показателем раскрываемости, учитывая латентность подобных преступлений, когда мошенники работают по хищению небольших сумм и граждане просто не обращаются в органы внутренних дел. Также злоумышленники действуют очень продуманно, совершая хищения денежных средств мошенническим способом при помощи информационных технологий с меньшим ущербом для потерпевшего, что не дает законного права признать такое действие уголовно наказуемым. Все это ведет к невозможности осуществления оперативно-розыскной работы по подобному факту. Но часто мошенники совершают по несколько подобных правонарушений в день, что дает основания для возбуждения уголовного дела. И здесь снова образовывается проблема, ведь мы не можем быть уверены, что именно конкретное лицо совершило несколько подобных деяний, то есть говорить о делящемся преступлении затруднительно, ведь установить лицо почти невозможно.

В связи с этим существенно повышается уровень латентности преступлений, во-первых, из-за несообщения гражданами в органы внутренних дел о факте совершения в отношении их преступного деяния; во-вторых, по причине невозможности возбуждения уголовного дела, так как мошенники используют действенные способы конспирации и анонимности, совершают деяния, которые можно признать лишь административными правонарушениями (ст. 7.27 КоАП РФ), что способствует оставлению злоумышленника безнаказанным.

За январь – март 2021 г. было совершено 58609 мошенничеств, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, раскрыть правоохранителями из такого большого массива преступлений удалось лишь 5707**, что можно назвать катастрофой, которая складывается в киберпространстве России. Ведь от подобных преступлений страдают абсолютно все слои населения, в том числе, проблема коснулась не только физических лиц, но и юридических, где денежные хищения совершаются в более крупных размерах.

По мнению председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина, «надо усилить санкции по ст. 159.3, 159.6 УК РФ, когда речь идет о мошенничестве с использованием электронных средств платежа и мошенничестве в сфере компьютерной информации. Сегодня мы знаем, как обманывают не только пожилых людей, но и достаточно грамотных, достаточно молодых. Это кибермошенничество набирает обороты, и мы полагаем, что "вакцинация" права в данном случае должна заключаться в том, чтобы модернизировать наше уголовное законодательство».

В 2020 г. СК России расследовал 15 тыс. киберпреступлений. По данным Генпрокуратуры, в минувшем году число преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, выросло на 74 % – с 294 тыс. до 510 тыс.***

* Официальный сайт МВД России. URL: мвд.рф (дата обращения: 14.05.2021).

** Официальный сайт МВД России. URL: мвд.рф (дата обращения: 14.05.2021).

*** РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20210517/khakery-1732611040.html> (дата обращения: 18.05.2021).

Следует подчеркнуть, что мошеннические акты порой не заканчиваются списанием денежных средств с банковской карты или иного цифрового счета в пользу мошенников, злоумышленники не ограничиваются этим и призывают жертву оформлять на себя кредиты, а затем переводить денежные средства на «безопасные счета», то есть мошенник в высшей степени входит в доверие жертвы.

Необходимо отметить и то, что сотрудники правоохранительных органов, несмотря на объемы данного вида преступности, нехватку технической базы и информационного ресурса, все же раскрывают подобного рода преступления.

Так, в Ханты-Мансийске ранее судимый 31-летний гражданин выставил себя в Интернете в качестве продавца и изготовителя мебели, принимая заказы от граждан по выгодным ценам по 100 %-ной предоплате, не имея реально указанных ресурсов и намеренности выполнять полученные заказы. Выявлен ущерб на сумму 500 тыс. руб., возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Фигуранту может грозить наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет*.

Другой пример – факт раскрытия деятельности организованной преступной группы в г. Воронеже. Уголовное дело было возбуждено в отношении 6 жителей указанного города, которым от 33 до 47 лет. Установлено, что злоумышленники совершали так называемые телефонные мошеннические акты в отношении жителей Воронежской, Тамбовской, Белгородской областей. Потерпевшими в основном оказались пенсионеры, а сумма общего ущерба за несколько лет преступной деятельности составила около 5 млн руб. В результате проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками УУР ГУ МВД России по Воронежской области совместно с оперативными работниками ГУУР МВД России преступники были выявлены и задержаны, было установлено место, с которого велась «работа» мошенников, а также обнаружено более 30 мобильных телефонов, 46 SIM-карт, 18 банковских карт, компьютерная аппаратура, а также базы данных владельцев банковских счетов. Помимо этого были найдены иные вещественные доказательства, подтверждающие преступную деятельность фигурантов, а именно чеки, счетно-денежная техника, печати различных организаций**.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что работа правоохранителями ведется на должном уровне, мошеннические действия выявляются и пресекаются органами внутренних дел. При этом необходимо принимать во внимание колоссальное количество связанных с IT-технологиями преступлений, которые трудно раскрываются в связи с рядом насущных проблем:

- 1) кадровый «голод», узкий круг специалистов, работающих по данному виду преступных деяний;
- 2) нехватка технической базы, информационно-телекоммуникационного комплекса в подразделениях органов внутренних дел, занимающихся раскрытием подобных преступлений;
- 3) высокая степень анонимности лиц, совершающих данные преступления;
- 4) сложность во взаимодействии с банковскими организациями, операторами связи и иными подразделениями правоохранительных органов, которые предоставляют информацию о лицах, транзакциях и других операциях, связанных с мошенническими действиями;
- 5) увеличение пользователей в интернет-сети в связи с распространением коронавирусной инфекции и др.

Затронув общие вопросы рассматриваемой нами темы, коснемся непосредственно одного из ее аспектов, а именно совершения мошеннических актов посредством онлайн-мессенджера Telegram.

* Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/24191469> (дата обращения: 13.05.2021).

** Там же. URL: <https://мвд.рф/news/item/24190026> (дата обращения: 13.05.2021).

Telegram появился в 2013 г., его основателем и владельцем является Павел Дуров, который ранее был разработчиком социальной сети «ВКонтакте». Telegram – это кроссплатформенный мессенджер (возможность пользования не ограничивается одной операционной системой или аппаратной системой, дает право обладателям практически любого гаджета, поддерживающего интернет-сеть, осуществлять работу в Telegram) с функциями VoIP, позволяющий обмениваться информацией в виде текстовых, голосовых, видеосообщений, а также совершать звонки, организовывать видеоконференции и др.*.

Онлайн-мессенджер Telegram имеет ключи шифрования, которые дают возможность лицам сохранять конфиденциальность своего пребывания в данном приложении, не боясь распространения информации, которая может содержать в себе элементы противозаконного характера. Интересно, что по причине сохранения анонимности пользователей в 2018 г. Telegram был запрещен для эксплуатации на территории Российской Федерации, так как Павел Дуров отказался предоставлять ключи расшифровки сотрудникам ФСБ России в отношении 6 лиц, подозревавшихся в подготовке и совершении преступных деяний. Требование ФСБ России было признано законным Верховным Судом РФ, а Роскомнадзор уведомил создателя Telegram о том, что мессенджер будет подвержен блокировке и запрещен на территории Российской Федерации, если в течение 15 дней не будут предоставлены ключи шифрования запрашиваемых переписок**. В июне 2020 г., после двухгодичной блокировки на территории России Telegram вновь стал доступным для российских пользователей. Такое решение было принято Роскомнадзором совместно с Генеральной прокуратурой РФ***.

Следует отметить, что данный мессенджер достаточно защищен и обладает конспиративным оснащением, может сохранять в тайне любую информацию. Однако при определенных обстоятельствах, когда есть все факты, указывающие на лицо, которое совершило преступление, или есть информация о подготовке тяжкого или особо тяжкого преступления, анонимность должна сводиться на нет. Считаем, что необходимо устранить анонимность и конспирацию в Интернете в целом, если речь идет о мошенничестве, которое в настоящее время все более завоевывает себе пространство.

Как известно, помимо «классических» способов совершения хищений денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием потерпевшего, когда используются обычные средства коммуникации (мобильное устройство, компьютер), в настоящее время злоумышленники разрабатывают «ботов», которые полностью автоматизированы и являются очень эффективным с преступной стороны средством совершения мошенничеств в сфере IT-технологий.

Боты – специальные аккаунты в Telegram, созданные для того, чтобы автоматически обрабатывать и отправлять сообщения. Но в последнее время боты, имея различные положительные функции, приобрели отрицательные стороны, используемые мошенниками. Так, лицо, имеющее навыки в области написания программных продуктов, без особого труда может создать «софт». На базе Telegram множество ботов, а вот боты, связанные со «скамом» (мошенничеством), приобрели тенденцию колоссального роста. Еще полгода назад их было в несколько раз меньше, чем сейчас.

В чем же суть обмана с использованием такого рода программ? Хотя Telegram является достаточно анонимной сетью, но это не какой-то «серый» или «черный» ресурс, направленный на содействие в совершении различного рода преступлений, поэтому группы, которые являются связующим звеном (рекламируют) между пользователем и создателем ботов,

* SLONRU (Юрий Болотов). URL: <https://republic.ru/posts/1/978067> (дата обращения 15.05.2021).

** Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: rkn.gov.ru (дата обращения: 14.05.2021).

*** CNEWS. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-06-18_roskomnadzor_snyal_vse_ogranicheniya (дата обращения: 14.05.2021).

отмечаются пометкой от самой системы безопасности Telegram как [SCAM]. Боты «работают» при помощи ввода команд, которые начинаются со знака «/», либо в него встроены «кликабельные» элементы, при нажатии которых воспроизводится то или иное действие. Боты имеют свою направленность. Допустим, если мошенник (в Telegram это «воркер» – человек, работающий на создателя того самого бота) хочет вести свою деятельность через «Авито» (сайт для подачи объявления в целях продажи товаров или услуг), то он выбирает определенного бота и начинает свою работу. Сам исполнитель преступления получает 80% от той суммы, которую удастся похитить у выбранной жертвы, остальная часть суммы за определенного рода услуги отправляется разработчику.

Злоумышленник размещает объявление о продаже какого-то товара, ему пишет потенциальный покупатель (жертва). Он договаривается с покупателем по поводу авито-доставки и активизирует работу бота, направляя ему ссылку оригинального объявления. Бот выдает фишинговый интернет-адрес в идеальной, не отличимой от настоящей копии авито-доставки с тем же объявлением, которое выложено на оригинальном сайте. Знающий человек, естественно, сможет обратить внимание на саму ссылку, которая будет отличаться символами оригинального сайта (например, вместо Avito будет написано Avit0). Но в силу невнимательности, незнания, желания быстро приобрести товар по низкой цене, человек не задумывается об этом, вводит данные банковской карты и отправляет их на фишинговый интернет-сайт, который был создан ботом. В результате карта в полном распоряжении программы, которая списывает денежные средства, находящиеся на ней, проделывая операции через кошелек криптовалют, который на данный период времени многие из них также анонимны и не предоставляют информацию о своих пользователях, а сам воркер вводит номер своей карты (она может быть также зарегистрирована на другое лицо) и переводит на нее уже легализованные денежные средства. Сейчас мошенники достигли такого уровня, что, получая данные карты через фишинговый ресурс, они имеют возможность брать на нее кредиты и также похищать более крупные суммы денег.

Примерно по такой же схеме работают другие боты в Telegram, которые ведут свою деятельность не через «Авито», а, допустим, через сайты Blablacar, Booking и другие интернет-ресурсы.

К сожалению, мошенник неуязвим при осуществлении подобной деятельности, если, конечно, не совершит оплошность при создании объявления на сайте.

Возникает также проблема определения того цифрового счета, куда были переведены денежные средства в ходе хищения их у владельца. Естественно, мошенники меняют SIM-карты или используют ботов, которые помогают при регистрации, имея виртуальные номера, что вовсе не привязывает преступное лицо к созданию определенного объявления или иного фишингового ресурса.

Можно долго рассуждать по поводу возможности и невозможности раскрытия подобных деяний, но факт остается фактом, что боты усложняют деятельность правоохранителей по выявлению мошенничеств, трудно выйти на разработчика или потребовать у администрации Telegram удалить подобное программное обеспечение. Ведь пресечение деятельности одного исполнителя не повлияет на искоренение мошенничества при помощи ботов в онлайн-мессенджере Telegram.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент использование ботов при совершении мошеннических действий в онлайн-мессенджере Telegram, безусловно, является большой проблемой для доказывания преступной деятельности интернет-мошенников, однако такое положение дел также предопределяет необходимость изучения механизма функционирования преступных схем, которыми пользуются интернет-преступники, и повышения знаний сотрудников правоохранительных органов в области современных средств вредоносных интернет-ресурсов.

Литература

1. Александров А.Г., Сергиенко В. О. Получение компьютерной информации как один из видов оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: мат-лы IX всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 3–6.
2. Богданов А.В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20.
3. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт. М.: Норма, 2004.
4. Осипенко А. Л. Государственно частное партнерство в сфере противодействия киберпреступности // Вестник Воронежского ин-та МВД России. 2016. № 4. С. 37–44.
5. Осипенко А. Л. Сбор информации и полицейские операции по противодействию организованной преступности в киберпространстве: зарубежный опыт // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 47–55.
6. Шаталов А. С. Обстоятельства, способствующие совершению преступлений в киберпространстве // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: мат-лы II междунар. межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск, 2021.

УДК 343.983.22

ВЛИЯНИЕ ПЫЖЕЙ-КОНТЕЙНЕРОВ НА РАССЕЙВАНИЕ ДРОБИ № 3 ПРИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ ОХОТНИЧЬИХ ГЛАДКОСТВОЛЬНЫХ РУЖЕЙ 12-ГО КАЛИБРА

Алексей Николаевич Бардаченко, начальник кафедры, кандидат юридических наук, доцент;
Александр Павлович Резван, профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор;
Игорь Александрович Чулков, старший преподаватель
(Волгоградская академия МВД России)

E-mail: bardachenko-alex@mail.ru

valakdm@va-mvd.ru

chulkov09.02@mail.ru

После исследований, проведенных в 60–80 гг. прошлого столетия, вопросам определения дистанции выстрела по осыпи дроби в криминалистической литературе должного внимания не уделялось. Однако в последние десятилетия изменилось снаряжение патронов, в частности, стали использоваться пыжи-обтюраторы и пыжи-контейнеры, изготовленные из полимерных материалов, что, несомненно, повлияло на один из параметров внешней баллистики дробового снаряда – рассеивание его в стороны. Экспериментальными исследованиями, проведенными авторами, установлено влияние полимерных пыжей-контейнеров на степень рассеивания дроби при стрельбе из охотничьих ружей 12-го калибра на дистанциях от 3 до 40 м. Для этого производилось сравнение с размерами осыпи дроби при стрельбе патронами с пыжами-амортизаторами на аналогичных дистанциях. Результаты экспериментального исследования будут востребованы при производстве баллистических исследований при определении дистанции выстрела по осыпи дроби.

Ключевые слова: осыпь дроби, дистанция выстрела, пыж-контейнер.

INFLUENCE OF CONTAINER WADS ON SCATTERING OF SHOT # 3 WHEN FIRING FROM 12 CALIBER HUNTING SMOOTHGUNS

Alexey Nikolaevich Bardachenko, Head of the Department, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Alexander Pavlovich Rezvan, Professor of the Department, Doctor of Law, Professor;

Igor Alexandrovich Chulkov, Senior Lecturer

(Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

The issues of determining the distance of a shot against a scree of shot have not been sufficiently considered in the forensic literature, the latest research was carried out in the 60–80s of the last century. However, the ammunition loadout has changed in recent years. In particular, wads-seals and wads-containers, which are made of polymer materials, began to be used. This undoubtedly affects the parameter of the external ballistics of the shot projectile – its dispersion to the sides. The authors carried out experimental studies and established the effect of polymer wads-containers on the degree of dispersion of shot when firing from 12-gauge hunting rifles at distances from 3 to 40 m. Earlier, a comparison was made with the size of the shot debris when firing cartridges with wads-shock absorbers. The results of the experimental study are summarized in the corresponding tables and graphs. They will be in demand in the production of ballistic studies to determine the distance of the shot against the debris of the shot.

Keywords: debris shot, firing distance, wad-container.

При совершении ряда преступлений нередко применяются гладкоствольные охотничьи ружья, стрельба из которых в большинстве случаев осуществляется патронами, снаряженными дробью. Относительно повреждений, причиненных дробовым снарядом, нередко ставится задача определения дистанции.

Вопросам установления дистанции выстрела, произведенного из данного оружия, уделялось в целом достаточно внимания, особенно в 50–80 гг. прошлого столетия. Данным проблемам посвящены работы С. Д. Кустановича [6], М. С. Артамонова [2], Б. Н. Ермоленко [3], Ю. М. Кубицкого [5], М. И. Авдеева [1], С. А. Манкевича [7], А. Ф. Лисицина и других. Экспериментальные исследования, проведенные названными учеными, позволяли утверждать, что размер дробовой осыпи является надежным признаком дистанции выстрела. Однако сведения, приводимые в их работах, не в полной мере соответствуют современным реалиям, так как в настоящее время в значительной мере изменились такие элементы снаряжения патронов, как пыжи. На смену войлочным, древесноволокнистым пыжам пришли современные пыжи-обтюраторы и пыжи-контейнеры, изготовленные из полимерных материалов. Эти элементы снаряжения позволили улучшить обтюрацию и тем самым повысить эффективность использования энергии заряда пороха.

Пыж-контейнер в определенной мере снижает деформацию и практически полностью исключает истирание дробинок и картечин в канале ствола, предохраняет полиснаряд от рассеивающего воздействия пороховых газов в момент его вылета из канала ствола, что повышает стабильность и дальность его полета. На корпусе пыжа-контейнера выполнены продольные прорезы, образующие лопасти, которые раскрываются, как правило, на расстоянии 1–2 м от дульного среза ствола оружия, когда влияние пороховых газов уже практически не сказывается.

Не вызывает сомнений то, что использование при снаряжении полимерных пыжей-контейнеров оказывает определенное влияние на степень рассеивания полиснаряда при выстреле. Однако в криминалистической литературе данный вопрос практически не изучен. Имеются лишь отдельные статьи, в которых предприняты попытки исследовать влияние пыжей-контейнеров на рассеивание дроби [8, 9]. Отдавая должное автору данных статей, который заострил внимание на рассматриваемой проблеме, следует отметить, что приведенные в его работах выводы основаны на небольшом количестве экспериментальных выстрелов, в связи с этим они не могут быть однозначно приняты и нуждаются в проверке.

Экспериментальная стрельба производилась с дистанций 3, 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40 м при температуре окружающей среды 17–190 С, относительной влажности 55–60 %. Мишени из белой широкоформатной бумаги навешивались (прикреплялись) на деревянную раму. Стрельба осуществлялась из охотничьих ружей 12-го калибра следующих моделей*:

- ИЖ-43К – сверловка чок – левый ствол и получок – правый ствол;
- ИЖ-27ЕМ – сверловка получок – нижний ствол;
- МР-18М-М – сверловка чок.

Стрельба производилась патронами 12-го калибра, снаряженными дробью № 3 от следующих предприятий-производителей**:

- ООО «Патронная мануфактура» (марка «Главпатрон»);
- АО «Краснозаводский химический завод» (марка «Рекорд»);
- научно-производственная фирмы Azot (марка «Азот»).

На каждой дистанции из ружей перечисленных моделей было произведено по три выстрела патронами указанных торговых марок (всего 324 выстрела).

Наименьший и наибольший размеры осыпи дроби измерялись по двум взаимно перпендикулярным линиям без учета 3–4 повреждений, образованных наиболее отклонившимися дробинами [4].

* Выбор охотничьих ружей связан с тем, что ружья других калибров в экспертной практике встречаются редко.

** Патроны этих торговых марок – наиболее популярные в России.

Полученные при экспериментальных исследованиях результаты были обобщены, выведены минимальные и максимальные размеры осыпи дроби при стрельбе указанными патронами с пыжами-контейнерами (табл. 1). В трех графах табл. 1 приводятся осыпи дроби, имеющие минимальные и максимальные размеры, в сериях выстрелов патронами марок «Главпатрон», «Рекорд», «Азот» серии Profi Hunter, в последней графе – обобщенные минимальные и максимальные размеры осыпи дроби при стрельбе данными патронами на соответствующих дистанциях.

Таблица 1

Размеры осыпей дроби при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами, снаряженными дробью № 3

Дистанция, м	Мин. и макс. размеры, см «Главпатрон»	Макс. и мин. размеры, см «Рекорд»	Мин. и макс. размеры, см «Азот»	Обобщенные мин. и макс. размеры, см
3	<u>4,5x5,0</u> 5,0x6,0	<u>4,0x5,5</u> 5,0x6,0	<u>4,0x5,0/</u> 4,5x6,0	<u>4,0x5,0</u> 5,0x6,0
5	<u>7,0x10,0</u> 9,0x11,0	<u>6,0x10,0</u> 10,0x11,0	<u>7,0x9,0</u> 10,0x11,0	<u>6,0x10,0</u> 10,0x11,0
10	<u>13,0x16,0</u> 16,0x19,0	<u>14,0x17,0</u> 17,0x20,0	<u>13,0x14,0</u> 16,0x20,0	<u>13,0x14,0</u> 17,0x20,0
15	<u>28,0x33,0</u> 38,0x40,0	33,0x38,0 41,0x45,0	<u>34,0x36,0</u> 40,0x44,0	<u>28,0x33,0</u> 41,0x45,0
20	<u>48,0x54,0</u> 53,0x64,0	<u>49,0x54,0</u> 51,0x63,0	<u>50,0x58,0</u> 57,0x64,0	<u>48,0x54,0</u> 57,0x64,0
25	<u>73,0x81,0</u> 80,0x88,0	<u>79,0x83,0</u> 81,0x89,0	<u>77,0x80,0</u> 83,0x88,0	<u>73,0x81,0</u> 80,0x88,0
30	<u>99,0x107,0</u> 112,0x120,0	<u>100,0x109,0</u> 115,0x119,0	<u>105,0x112,0</u> 117,0x125,0	<u>99,0x107,0</u> 117,0x125,0
35	<u>114,0x126,0</u> 125,0x136,0	<u>118,0x125,0</u> 125,0x132,0	<u>119,0x124,0</u> 130,0x140,0	<u>114,0x126,0</u> 130,0x140,0
40	<u>121,0x130,0</u> 140,0x149,0	<u>125,0x134,0</u> 142,0x150,0	<u>127,0x133,0</u> 139,0x147,0	<u>121,0x130,0</u> 142,0x150,0

В целях определения влияния пыжей-контейнеров на размеры осыпи дроби было произведено сравнение обобщенных размеров их осыпей с обобщенными размерами осыпей дроби при стрельбе патронами с пыжами-амортизаторами на одноименных дистанциях (табл. 2).

Таблица 2

**Обобщенные осыпей дроби при стрельбе патронами с пыжами-амортизаторами
и пыжами-контейнерами**

Дистанция, м	Пыж-амортизатор [10]	Макс. и мин. размеры, см «Рекорд»
3	<u>5,0-6,0</u> 5,0-6,5	<u>4,0x5,5</u> 5,0x6,0
5	<u>8,0-14,0</u> 8,0-15,0	<u>6,0x10,0</u> 10,0x11,0
10	<u>15,0-28,0</u> 18,0-30,0	<u>13,0x14,0</u> <u>17,0x20,0</u>
15	<u>38,0-55,0</u> 40,0-58,0	<u>28,0x33,0</u> 41,0x45,0
20	<u>65,0-83,0</u> 69,0-89,0	<u>48,0x54,0</u> 57,0x64,0
25	<u>84,0-109,0</u> 82,0-115,0	<u>73,0x81,0</u> 80,0x88,0
30	<u>115,0-140,0</u> 125,0-147,0	<u>99,0x107,0</u> 117,0x125,0
35	<u>135,0-150,0</u> 135,0-155,0	<u>114,0x126,0</u> 130,0x140,0
40	<u>142,0-167,0</u> 148,0-175,0	<u>121,0x130,0</u> 142,0x150,0

В обобщенных минимальных и максимальных размерах осыпей дроби были вычленены нижние и верхние границы размеров осыпей, которые приведены в табл. 3 и на графике рис. 1.

Таблица 3

**Нижние и верхние границы осыпей (в см) дроби при стрельбе патронами
с пыжами-амортизаторами и пыжами-контейнерами**

Дистанция, м	Пыж-амортизатор	Пыж-контейнер
3	5,0-6,5	4,0-6,0
5	8,0-15,0	6,0-11,0
10	15,0-30,0	13,0-20,0
15	38,0-58,0	28,0-45,0
20	65,0-89,0	48,0-64,0
25	84,0-115,0	73,0-88,0
30	115,0-147,0	99,0-135,0
35	135,0-155,0	114,0-140,0
40	142,0-175,0	121,0-150,0

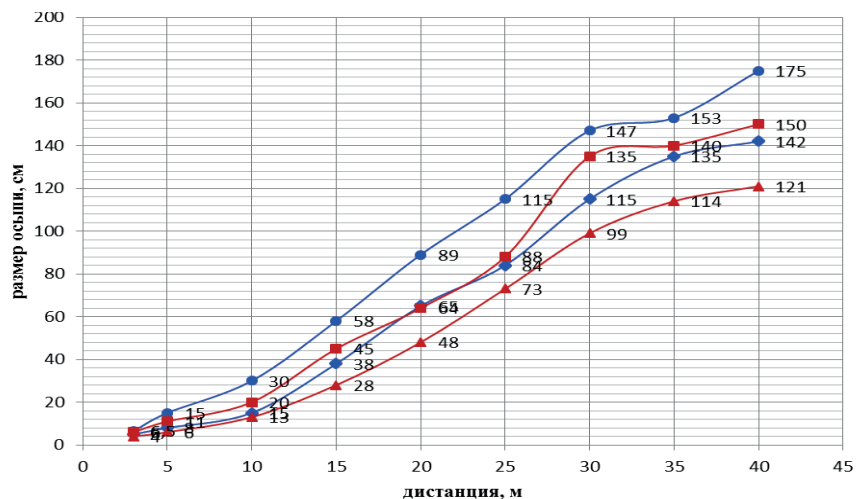

Рис. 1. График обобщенных нижних и верхних границ осыпей (в см) дроби при стрельбе патронами с пыжами-амортизаторами (отмечены синим цветом) и пыжами-контейнерами (отмечены красным цветом)

Проведенные эксперименты показали, что применение пыжей-контейнеров оказывает определенное влияние на рассеивание дроби. В то же время установлено, что при стрельбе патронами одной торговой марки с пыжами-контейнерами из оружия одной модели на одноименных дистанциях наблюдаются отдельные различия в размерах осыпи дроби (до 5–7 %). Данные различия можно объяснить следующим.

Пыжи-контейнеры имеют четыре лепестка, связанных между собой небольшими перемычками, что обеспечивает технологическое удобство при снаряжении патронов. Предполагается, что при выстреле эти перемычки под воздействием потока воздуха, проникающего внутрь полиснаряда, разрываются, что обеспечивает разворачивание лепестков и вследствие этого торможение пыжа-контейнера на определенном расстоянии от дульного среза ствола оружия. До этого расстояния дробь находится в пыже-контейнере и составляет с ним собственно моноснаряд. И только после достижения данного расстояния дробь начинает движение отдельно от пыжа-контейнера и, встречая сопротивление воздуха, начинает рассеиваться (раздвигаться) в стороны, образуя осыпь.

Однако проведенные нами экспериментальные исследования показывают, что данные перемычки разрываются не всегда. В ряде случаев отдельные перемычки не разрываются, и два или три лепестка остаются связанными (рис. 2), поэтому отделение дроби от пыжа-контейнера несколько изменяется. Наблюдаются случаи, когда один лепесток даже отрывается. Пыж-контейнер, неравномерно встречая сопротивление воздуха, разворачивается в сторону раскрытых лепестков, смещая ряд дроби в сторону от относительного центра полиснаряда. Данное обстоятельство, по нашему мнению, является одной из основных причин, которые приводят к определенным различиям в размерах осыпи дроби на одноименных дистанциях при стрельбе даже из одного экземпляра оружия.

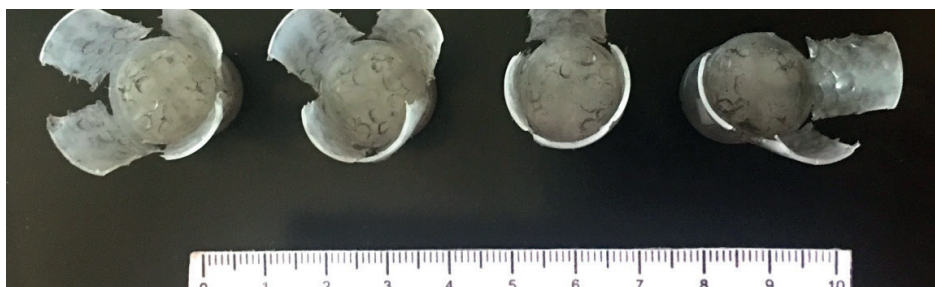

Рис. 2. Пыжи-контейнеры с различным количеством раскрытых лепестков после экспериментальной стрельбы

Наблюдаемая вариативность свидетельствует о том, что влияние пыжа-контейнера на рассеивание дроби на одноименных дистанциях относительно нестабильно.

Таким образом, пыжи-контейнеры при стрельбе на дистанциях выстрела до 5 м практического влияния на рассеивание дроби не оказывают. При выстрелах на этих дистанциях патронами с пыжами-контейнерами и пыжами-амортизаторами происходит относительно компактное действие дроби № 3, формирующее практически одно повреждение.

Размеры участков компактного действия дроби, а также размеры всей осыпи дроби на одноименных дистанциях значительных различий не имеют. Так, если при стрельбе на дистанции 3 м патронами с пыжами-контейнерами и пыжами-амортизаторами максимальный размер осыпи дроби находится в пределах 4,0–6,0 см, то при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами на дистанции 5 м он всего на 2–4 см меньше размера осыпи при стрельбе патронами с пыжами-амортизаторами.

Более значительное уменьшение размеров осыпи дроби при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами, по сравнению с пыжами-амортизаторами, наблюдается на дистанциях от 10 м.

Применение пыжей-контейнеров на дистанциях свыше 10 м в целом уменьшает рассеивание дроби на 8–10%. В то же время, проведенная экспериментальная стрельба показала, что влияние пыжа-контейнера на рассеивание дроби нестабильно, отличается определенной вариативностью на одноименных дистанциях. Как нам представляется, одной из основных причин этого является неразворачивание отдельных лепестков пыжа-контейнера. Данное обстоятельство необходимо учитывать при определении дистанции выстрела.

Использование патронов трех названных предприятий-изготовителей при стрельбе из трех указанных моделей охотничьих ружей дает основание утверждать, что полученные данные можно использовать и при установлении дистанции выстрела при стрельбе патронами 12-го калибра и других предприятий-изготовителей.

Литература

1. Авдеев М. И. Курс судебной медицины. М., 1959. С. 223.
2. Артамонов М. С. Определение дистанции выстрела из охотничьих гладкоствольных ружей и обрезов из них по рассеиванию дробового снопа // Экспертная техника. М.: Изд-во ЦНИИСЭ, 1967. Вып. 22.
3. Ермоленко Б. Н. Определение расстояния выстрела из дробового оружия и кинетической энергии снаряда. Киев: МВД УССР, 1974.
4. Ермоленко Б. Н. Теоретические и методические проблемы судебной баллистики. Киев: МВД УССР, 1976. С. 88–104.
5. Кубицкий Ю. М. Судебная баллистика. М., 1956.
6. Кустанович С. Д. Исследование повреждений одежды в судебно-медицинской практике. М., 1965.
7. Манкевич С. А., Молдавер Т. А. Определение дистанции выстрела по осыпи дроби // Экспертная практика и новые методы исследования: экспресс-информация. М., 1976. Вып. 13. С. 3–10.
8. Погребной А. А. Характеристика повреждений дробью № 3 при стрельбе современными охотничьими патронами 12-го калибра с дистанций от 5 до 50 м // Вестник Московского ун-та МВД России. 2015. № 10. С. 266–272.
9. Погребной А. А. Характеристика повреждений дробью № 5 при стрельбе современными охотничьими патронами 12-го калибра с дистанций от 5 до 50 м // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 4–6.
10. Чулков И. А., Бардаченко А. Н. Влияние величины дульных сужений на рассеивание дроби № 3 при стрельбе из гладкоствольных ружей патронами с пыжами-амортизаторами // Судебная экспертиза. 2019. № 3 (59). С. 70–80.

УДК 343.98

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ ОБ УСЛОВИЯХ ВЫСТРЕЛА В СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИКЕ

Федор Петрович Самуйленко, старший преподаватель Волгоградской академии МВД России

E-mail: samuylenkof@yandex.ru

С развитием науки судебной баллистики становится очевидной необходимость основательной проработки проблемы условий выстрела. Обращение к ней определяют потребности следственной и экспертной практики, необходимость совершенствования организации производства судебных экспертиз, методик экспертного исследования объектов. Исследование полагается на принятую в судебной баллистике систему методов, позволяющих установить влияние условий выстрела на проявление свойств и признаков стрелкового оружия и следов его применения. Проведен анализ литературы в области судебной баллистики и судебно-медицинской экспертизы огнестрельных повреждений, которые затрагивают вопросы влияния условий выстрела на проявление свойств и признаков стрелкового оружия, следов его применения на пулях, гильзах и поврежденных при выстреле преградах. Выделен перечень вопросов судебно-баллистических экспертных исследований, в решении которых необходим учет сведений об условиях выстрела.

Ключевые слова: судебная баллистика, условия выстрела, стрелковое оружие, огнестрельные повреждения, экспертное исследование.

THE DEVELOPMENT AND CURRENT STATE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE ABOUT CONDITIONS OF A SHOT IN FORENSIC BALLISTICS

Fyodor Petrovich Samuilenko, Lecturer of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Taking into account the development of forensic ballistics as a science the necessity to thoroughly study the problem of conditions of a shot has become obvious. It is determined by the needs of investigative and expert practice, the necessity to improve the conduct of forensic examination and methods of expert examination of objects. The research is based on the system of methods typical for forensic ballistics and helping determine the impact of conditions of a shot on the set of properties and specific features of small arms as well as traces of their use. The author analyzes literature in the sphere of forensic ballistics and forensic medical examination of firearm damage which refers to the issues of the impact of conditions of a shot on the set of properties and specific features of small arms as well as traces of their use on bullets, cases, and obstacles damaged by shooting. The author represents a list of problems related to forensic ballistic examination to solve which it is necessary to take account of data about conditions of a shot.

Keywords: forensic ballistics, conditions of a shot, small arms, firearm damage, expert examination.

Развитие системы научных знаний судебной баллистики определяется теоретическим обоснованием, выявлением и проверкой закономерностей проявления свойств и признаков оружия, патронов и следов их действия – объектов судебно-баллистических экспертиз. При этом современная модель познания данных закономерностей полагается на сложившиеся в науке и практике подходы к оценке свойств и признаков объектов в «прямой проекции», то есть когда они рассматриваются главным образом без учета действия различных условий, способных изменять свойства и отображение признаков объектов.

Не без влияния данного обстоятельства в судебной баллистике прошло формирование научных знаний в области материальной части стрелкового огнестрельного оружия, патронов к нему, явления выстрела, следов оружия на пулях, гильзах и повреждаемых при выстреле преградах, а также экспертных методик решения идентификационных и диагностических задач. Однако с развитием науки судебной баллистики становится очевидной необходимость более основательной проработки проблемы условий выстрела.

Обращение к ней определяют потребности следственной и экспертной практики, необходимость совершенствования организации производства судебных экспертиз, методик экспертного исследования объектов. Свои запросы наука и практика ставят по мере возникновения проблем, что связано с развитием военной техники (стрелкового вооружения и патронов к нему), с изменением структуры вооруженной преступности, с модификацией способов совершения и сокрытия преступлений. Важно, что все эти процессы по своей природе перманентны.

По этой причине видится логичным выделение разделов и вопросов судебной баллистики, в которых имеет место обращение к данной теме.

Решение проблемы условий выстрела требует анализа литературы по судебной баллистике и судебно-медицинской экспертизе. Методология исследования полагается на всеобщий диалектический метод, систему общенаучных и частных методов, позволяющих раскрыть природу категории условий выстрела и их влияние на отображение свойств и признаков объектов судебно-баллистических экспертиз.

Наиболее тесно тема условий выстрела в системе знаний судебной баллистики связана с явлением выстрела, его повреждающими факторами, закономерностями проявления следов выстрела.

Изучение явления выстрела в рамках задач судебной баллистики дало основание считать, что условия выстрела оказывают влияние на процесс его производства, механизм образования и характеристики следов выстрела. В силу этого в учебной [напр., 7] и научной литературе [напр. 8] рассмотрены отдельные вопросы влияния условий выстрела, что отражает потребности науки и практики в решении задач экспертного исследования оружия, патронов и следов их действия.

В числе условий, влияющих на проявление характеристик следов выстрела, принято рассматривать: дистанцию выстрела, калибр оружия, мощность и вид патрона, длину ствола оружия, наличие дульных устройств, влияние метеоусловий (низкие температуры, дождь, сильный ветер и пр.), многослойность повреждаемой при выстреле преграды и др.

Объяснения закономерностей влияния различных по своей природе условий выстрела на отображение следов выстрела получены из результатов исследований ученых-криминалистов [напр., 3; 12] и судебных медиков [напр., 10].

Вместе с тем значение научных знаний об условиях выстрела сложно переоценить. Так, решение большей части идентификационных и диагностических экспертных задач судебной баллистикой рассматривается в привязке к определенным видам условий, оказывающих влияние на проявление свойств и признаков оружия, патронов и следов их действия, учет их при выполнении алгоритмов и предписаний экспертных методик.

Все это говорит в пользу необходимости формирования системы научных знаний об условиях выстрела в судебной баллистике, разработки ее структуры, обоснования перечня областей научных знаний, определяющих содержательную сторону системы, ее возможности в повышении эффективности приемов и методов познания объектов экспертного исследования – оружия, патронов и следов их действия.

Так, вопрос о роли метеоусловий в проявлении следов близкого выстрела раскрыт в работах И. А. Чулкова [14], Т. В. Аверьяновой [1] и других.

Как установлено, низкая температура воздуха в совокупности с охлаждением стрелкового оружия и патронов служит причиной изменений процессов внутренней и внешней баллистики выстрела. В результате порох горит менее интенсивно (его сгорает меньше), снижается начальная скорость пули, сокращается дистанция отложения копоти и зерен пороха, происходит уменьшение интенсивности отложения и площади зоны копоти. Пороговой для проявления названных изменений определена температура ниже -12°C .

Особую картину отложения продуктов выстрела определяет и действие ветра (направление, сила), повышенная влажность и дождь.

Встречный ветер уменьшает дистанцию отложения продуктов выстрела, а боковой – приводит к смещению центра зоны отложения следов выстрела по отношению к огнестрельному повреждению в сторону направления движения ветра. Величина его смещения находится в прямой зависимости от силы ветра.

Условия повышенной влажности, а также дождь ведут к повышению интенсивности отложения копоти, большей четкости проявления ее зон, особенно периферийной, к увеличению площади зон отложения копоти. Увеличивается дистанция отложения копоти выстрела из-за повышения плотности газопороховой струи, повышения массы входящих в ее состав зерен пороха, частиц копоти и металлов.

Случаи экспертных исследований огнестрельных повреждений на многослойных преградах дали основание науке и практике ставить вопрос о характере влияния данного условия на отложение следов выстрела, о закономерностях механизма образования огнестрельных повреждений, о необходимости разработки методических рекомендаций по экспертному исследованию объектов такого строения. В этом контексте важным результатом с точки зрения процесса познания является выработка подхода к экспертной оценке наружного и промежуточных слоев, уяснение их роли в отображении (или экранировании) дополнительных следов выстрела, выяснение механизма образования огнестрельных повреждений, включая действие «вторичных» снарядов, выявление дифференциально-диагностических признаков повреждений.

Ответы на поставленные вопросы отражены в работах О.В. Микляевой, Л. Н. Лапиной и О. А. Аникиной, И. В. Латышова, А. А. Погребного.

Выводы по результатам этих исследований создают научную и методическую базу для экспертной оценки основного и дополнительных следов выстрела на многослойной преграде, для разработки алгоритма действий эксперта по их обнаружению и исследованию.

Так, по наблюдениям А. А. Погребного [11], характерные особенности промежуточных повреждений являются следствием экранирования продуктов выстрела наружным слоем преграды (окопчение в виде сетки), проникновения пороховых газов между слоями, что приводит к окопчению оборотной стороны преграды либо к появлению псевдоокопчения.

Отдельно отметим, что разработка познавательной модели экспертного исследования многослойной преграды и образуемых в результате выстрела следов дали основание О. В. Микляевой [9] для введения в научный оборот понятия «промежуточные повреждения». Это представляется важным с точки зрения развития понятийного аппарата судебной баллистики.

В. Р. Аветисян и Л. Ф. Потапова [2] положили начало разработке вопросов криминалистического исследования глушителей и их влияния на отображение следов выстрела. Выявленные авторами закономерности были развиты в работах ученых-криминалистов и судебных медиков. При этом акцент был сделан не только на анализе следов выстрела, но и на исследовании следов глушителя на выстрелянных пулях. Это позволило расширить возможности экспертной оценки следов, оставленных при стрельбе из оружия с глушителем, а также определения обстоятельств совершенного преступления.

С развитием стрелкового вооружения и патронов к нему научный и практический интерес определяет также тематика экспертных исследований огнестрельных повреждений,

причиненных при стрельбе из стрелкового огнестрельного оружия патронами с пулей специального действия, выявление особенностей повреждений, образуемых снарядами патронов травматического действия. Исследования по этой теме проведены учеными в области судебной медицины, судебной баллистики. По их результатам наряду с выявлением дифференциально-диагностических признаков в следах, указывающих на использование при стрельбе патронов с пулями специального назначения, сформулированы рекомендации по учету этого условия выстрела при проведении экспертных исследований.

Тему условий выстрела есть основания перенести и в плоскость научных знаний судебной баллистики о состоянии стрелкового оружия. Поводом для этого является использование наукой и практикой самого термина «условия выстрела», равно как и характер решаемых экспертных задач. Так, одним из результатов разработки проблемы экспертного определения состояния стрелкового оружия А. И. Устиновым [13], В. Е. Бергером [5] и другими учеными-криминалистами стало введение понятия исправности оружия, его пригодности к стрельбе или производству отдельных выстрелов, понятия причин и условий выстрела без нажатия на спусковой крючок. В итоге под причинами выстрела стали понимать технические неисправности конструкции оружия и патронов, а под условиями выстрела без нажатия на спусковой крючок – внешние условия, обеспечивающие срабатывание ударного механизма оружия и контактное взаимодействие бойка ударника с капсюлем-воспламенителем патрона.

Одним из условий, определяющих особенности проявления следов выстрела, свойств объекта экспертного исследования, есть основания рассматривать также способ производства стрелкового оружия или патронов.

Каждый из выделенных судебной баллистикой способов изготовления оружия характеризуют свои отличительные признаки. Однако актуальными для практики раскрытия и расследования преступлений сегодня являются сведения о заводском и самодельном видах производства оружия и патронов, а также вопросы их криминалистических исследований.

Результаты прикладных работ по установлению случаев использования самодельного огнестрельного оружия по его следам на пулях и гильзах, по выделению характерных признаков конструкции самодельного оружия наглядно иллюстрируют влияние данного условия на проявление свойств и признаков оружия и следов его действия.

В рамках анализа обращения судебной баллистикой к тематике условий выстрела не будет лишним отметить, что они не ограничиваются лишь вопросами диагностирования.

В случаях отождествления стрелкового оружия по пулям (снарядам) и гильзам, отдельные факторы, принимаемые во внимание экспертом, есть основания рассматривать в качестве условий выстрела.

Так, В. Е. Бергером и А. Н. Грабовским [4] выявлена взаимосвязь устойчивости отображения следов оружия на выстрелянной пуле от числа проведенных выстрелов и иных факторов, влияния условий выстрела на отображение следов стрелкового огнестрельного оружия на пулях. В итоге доказанным является влияние освинцевания канала ствола, а также его износа на отождествление стрелкового оружия по выстрелянным пулям.

А. В. Кокиным [6] рассмотрено воздействие различных стадий коррозии оболочек выстрелянных пуль на возможность идентификации стрелкового оружия, отображение микро рельефа следов канала ствола на пуле в зависимости от различной навески пороха.

Изложенное ранее дает основание считать, что судебной баллистикой накоплен определенный объем сведений о влиянии условий выстрела на отображение свойств и признаков ее объектов – стрелкового оружия, патронов и следов их действия.

Среди вопросов судебно-баллистических экспертных исследований, требующих учета сведений об условиях выстрела: влияние метеоусловий на отображение следов выстрела на объектах поражения; механизм образования следов выстрела на многослойных преградах и его учет при экспертной оценке основного и дополнительных следов выстрела; особен-

ности следов выстрела, образованных при стрельбе из стрелкового огнестрельного оружия с глушителем; особенности огнестрельных повреждений, образуемых при стрельбе пулями патронов специального назначения, а также эластичными снарядами патронов травматического действия; способ производства оружия и влияние этого условия на проявление свойств и признаков оружия и следов его применения; влияние настрела оружия (количества произведенных из оружия выстрелов), освинцевания канала ствола, навески пороха и явления коррозии на возможность отождествления оружия по его следам на выстрелянных пулях и стреляных гильзах.

Вместе с тем следует признать, что все эти сведения разрозненны, бессистемны и разнесены по разным разделам судебной баллистики. Более того, в науке и практике нет четких представлений, что же вообще следует понимать под условиями выстрела и каким образом их интегрировать в модель познания, используемую в ходе проведения судебно-баллистических экспертных исследований. Это сдерживает развитие судебной баллистики, ее возможности в обеспечении раскрытия и расследования преступлений.

Таким образом, в судебной баллистике в настоящее время сложилась ситуация для постановки вопроса об условиях выстрела и их влиянии на отображение свойств и признаков стрелкового оружия и следов его применения. Решение данной проблемы требует проведения комплексного научного исследования, включающего в себя систематизацию сведений об условиях выстрела, их классификацию, уяснение места сведений об условиях выстрела в системе научных знаний судебной баллистики, уточнение экспертных методик решения диагностических и идентификационных задач в части учета влияния условий выстрела на проявление свойств и признаков стрелкового оружия и следов его применения.

Литература

1. Аверьянова Т. В. Теоретические и методические основы определения расстояния выстрела с учетом метеоусловий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988.
2. Аветисян В. Р., Потапова Л. Ф. Влияние глушителя на отложение продуктов выстрела при стрельбе из разных видов оружия // Экспертная техника. 1990. Вып. 111. С. 49–61.
3. Аханов В. С. Криминалистическая экспертиза огнестрельного оружия и следов его применения: учебник. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979.
4. Бергер В. Е., Грабовский А. Н. Устойчивость признаков в следах от поверхности канала ствола на стреляных пулях в зависимости от произведенных выстрелов и иных факторов // Материалы 4-й расширенной науч. конф. Киевского отделения УНОСМиК. Киев: Киевское отделение УНОСМиК, 1959. С. 127–128.
5. Бергер В. Е. Об определении причин и условий выстрелов без нажатия на спусковой крючок // Криминалистика и судебная экспертиза. 1964. № 1. С. 273–275.
6. Кокин А. В. Очерки судебной баллистики: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
7. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник. Ч. 1 / под ред. В. А. Ручкина, И. А. Чулкова. Волгоград: ВА МВД России, 2004.
8. Лазари А. С. и др. Установление дистанции выстрела с учетом влияния некоторых метеорологических условий // Экспертная техника. 1988. № 100. С. 54–78.
9. Микляева О. В. Криминалистическая диагностика промежуточных огнестрельных повреждений, образованных выстрелами из нарезного оружия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
10. Молчанов В. И., Попов В. Л., Калмыков К. Н. Огнестрельные повреждения и их судебно-медицинская экспертиза: руководство для врачей. Л.: Медицина, 1990.
11. Погребной А. А. Криминалистическое исследование многослойных преград (Установление обстоятельств происшествия по отложению продуктов выстрела на многослойной одежде). Саратов: СЮИ МВД России, 2009.
12. Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы: метод. пособие для экспертов. Вып. 3 и 4. М.: ВНИИСЭ, 1984.
13. Устинов А. И. Техническая исправность оружия, пригодность его к стрельбе и возможность производства из него отдельного выстрела // Теория и практика криминалистической экспертизы. 1958. № 5. С. 118–134.
14. Чулков И. А. Влияние низких температур на отложение продуктов выстрела при стрельбе из малокалиберного оружия заводского изготовления // Экспертная практика. 1983. № 21. С. 28–29.

УДК 343.983

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ КОЖНОГО ПОКРОВА ЧЕЛОВЕКА С ОСОБЕННОСТЯМИ В ВИДЕ РОДИНОК И БОРОДАВОК

Евгений Владимирович Китаев, доцент кафедры Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Евгения Ивановна Тумашова, преподаватель Волгоградской академии МВД России;

Петр Павлович Смольяков, заведующий кафедрой Волгоградского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: kitaevy@mail.ru

tymashovajane@gmail.com

pr.p.smolyakov@mail.ru

В криминалистической практике наиболее частыми являются трасологические исследования, объектами которых в основном выступают следы обуви, следы орудий взлома и следы кожного покрова человека. Последние в этом перечне занимают особое место, так как по ним возможна идентификация именно человека, а не какого-либо предмета или вещи. Анализ экспертной практики и специализированной литературы показал, что криминалистическое исследование следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, провести гораздо проще, если в следообразовании участвуют участки кожи, на которых имеются разнообразные дефекты строения рельефа. Одними из часто встречающихся и наиболее выраженных особенностей на теле человека являются так называемые родинки (по-научному – невоклеточный невус) и бородавки.

В рамках проведенного исследования были обобщены сведения об анатомическом строении различных видов родинок и бородавок. Приведена уточненная классификация их признаков, согласно которой особенности строения новообразований на теле человека были разделены на групповые и индивидуализирующие.

Результаты исследования могут быть использованы практическими работниками экспертных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при производстве судебных трасологических идентификационных экспертиз следов кожного покрова человека без папиллярных узоров.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, трасология, исследование кожного покрова человека, следы кожного покрова человека без папиллярного узора, следы родинок, следы бородавок.

EXAMINATION OF TRACES OF HUMAN SKIN WITH FEATURES IN THE FORM OF MOLES AND WARTS

Evgeny Vladimirovich Kitaev, Associate Professor of the Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Yevgenia Ivanovna Tumashova, Lecturer of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

Peter Pavlovich Smolyakov, Head of the Department of the Volgograd State Agricultural University, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

In forensic practice, the most frequent are tracological studies, the objects of which are mainly shoe marks, traces of burglary tools and traces of human skin. The latter occupy a special place in this list, since they can be used to identify a person, and not any object or thing.

The analysis of expert practice and specialized literature has shown that forensic examination of traces of the skin of a person who does not have a papillary pattern is much easier to conduct if the trace formation involves skin areas that have various defects in the structure of the relief. One of the most common and most pronounced features on the human body are the so-called moles (in scientific terms – non-cellular nevus) and warts. As part of the study, information about the anatomical structure of various types of moles and warts was summarized. A refined classification of their features is given, according to which the structural features of new formations on the human body were divided into group and individualizing ones. The results of the study can be used by practitioners of expert divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the production of forensic tracological identification examinations of traces of human skin without papillary patterns.

Keywords: trace evidence examination, traceology, examination of human skin, traces of human skin without papillary pattern, traces of moles, traces of warts.

В криминалистической практике наиболее частыми являются трасологические исследования, объектами которых в основном выступают следы обуви, следы орудий взлома и следы кожного покрова человека.

Особое место в этом перечне занимают следы кожного покрова, так как по ним возможна идентификация именно человека, а не какого-либо предмета или вещи. Длительное время в криминалистике развивались методические основы исследований большей частью в отношении следов ладоней рук и подошвы ног, имеющих папиллярный узор. Однако такая разновидность кожи в совокупности занимает чуть более 5 % всей площади слеодообразующей поверхности тела человека. В то же время встречаются следы и других участков тела человека, которые не имеют папиллярного узора и гораздо реже используются в экспертной практике, но содержат важную информацию, способствующую раскрытию и расследованию преступлений. К таким следам относятся следы лба, губ, носа, ушных раковин, подбородка, щек, локтей, коленей, тыльных сторон ладоней. Однако, согласно методике исследования таких следов, идентификацию по ним провести достаточно затруднительно, так как признаки в основном однотипны, имеют малые размеры и выражены слабо.

Анализ экспертной практики и специализированной литературы показал, что криминалистическое исследование следов кожного покрова человека, не имеющего папиллярного узора, провести гораздо проще, если в слеодообразовании участвуют участки кожи, на которых имеются дефекты строения рельефа. В большей степени эти дефекты «связаны с заболеваниями или предшествуют им. Приобретенные недостатки возникают как от внешних, так и внутренних причин. К первым можно отнести механические, термические и химические факторы. Так появляются ороговелости, пигментация, расширение сосудистых стенок, сухость, ожоги и шелушение» [2]; ко вторым – заболевания, нерациональное питание, вредные привычки, наследственность, что приводит к возникновению нарушений в развитии организма.

Существует множество подобных дефектов. Среди них наиболее выражены на теле человека так называемые родинки (по-научному – невоклеточный невус) и бородавки.

Согласно медицинским источникам, самый обычный (приобретенный) невоклеточный невус – это маленькое рыжевато-коричневое однородно пигментированное плотное образование менее 6 мм в диаметре, имеющее, как правило, хорошо очерченные закругленные границы, его поверхность немного выше уровня кожи [1, с. 80].

Невусы могут быть врожденными, но чаще возникают после рождения и внешне выглядят так:

- плоские пятна, сливающиеся с кожей. Подобные элементы не отображаются в следах и в нашем исследовании не рассматриваются;
- макулы – элементы, приподнятые над поверхностью кожи;

– опухоли в виде купола или папилломы, напоминающие бородавку.

В процессе исследования по изучению элементов невусов и их отображения в следах были проанализированы признаки их внешнего строения.

Рельеф **макулы** представляет собой выраженные многочисленные выступы и углубления. Контур у данных новообразований четкий, округлой или овальной формы, края неровные. Цвет может быть как светло-, так и темно-коричневым (рис. 1, 2).

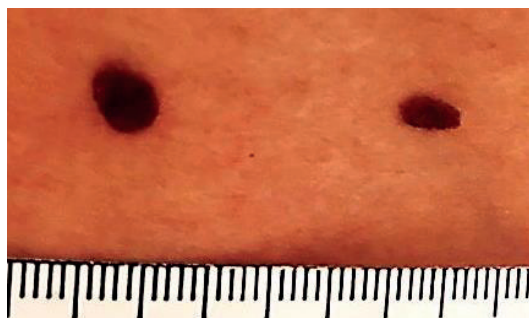

Рис. 1. Макулы на коже

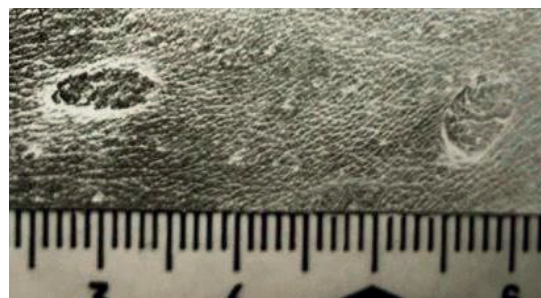

Рис. 2. Отображение рельефа участка кожного покрова с макулами

Рельеф **невусных опухолей** ярко выражен и представляет собой многочисленные морщинки. Контур четкий с неровными краями. Преобладающие формы в основном округлые и овальные. Размеры достигают нескольких сантиметров. Цвет в основном темно-коричневый (рис. 3). В следах выражены контур и край родинки. Рельеф поверхности отображается в виде окрашенного и неокрашенного рисунка морщинок на невусе. Из-за большого объема над поверхностью кожи вокруг невуса на отображении имеется ореол в виде неокрашенного участка кожи (рис. 4).

Невус на ножке имеет вид нароста (сосочка) овальной формы, мягкой консистенции. Располагаются на закрытых участках кожи в основном в области складок. Максимальные размеры не превышают 5 мм. Имеют четкий контур, поверхность родинки выше по отношению к окружающей ткани кожи, значительный объем сферической формы, равномерную окраску, идентичную цвету кожи (рис. 5). На отображении следа хорошо просматриваются элементы рельефа. Из-за значительного поверхностного объема вокруг родинки имеется неокрашенный ореол (рис. 6).

Рис. 3. Невусные опухоли на коже

Рис. 4. Отображение рельефа участка кожного покрова с невусными опухолями

Рис. 5. Невус на ножке на коже

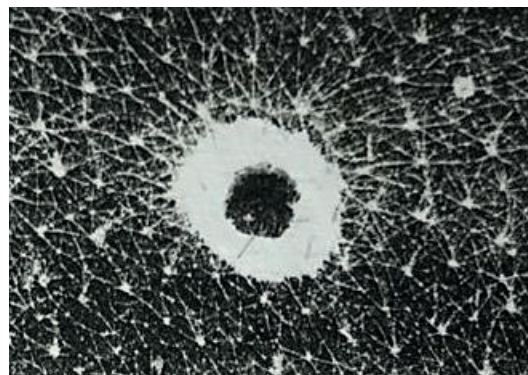

Рис. 6. Отображение рельефа участка кожного покрова с невусом на ножке

«**Себорейные кератозы** (старческие кератозы) имеют характерные признаки. Они представляют собой круглые плоские бляшки в форме монетки, приподнятые над поверхностью кожи, диаметр которых варьируется от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров. Такие папулы имеют однородную темно-коричневую окраску и, как правило, бархатистую или зернистую поверхность» [1, с. 86] (рис. 7, 8).

Также нередко особенностями кожного покрова человека являются бородавки. «Бородавки – это доброкачественные образования кожи, состоящие из соединительной ткани и покрытые эпителием. Бородавки распространены одинаково среди мужчин и женщин, встречаются в детском, юношеском, зрелом и пожилом возрасте» [3].

Рис. 7. Себорейный кератоз на коже

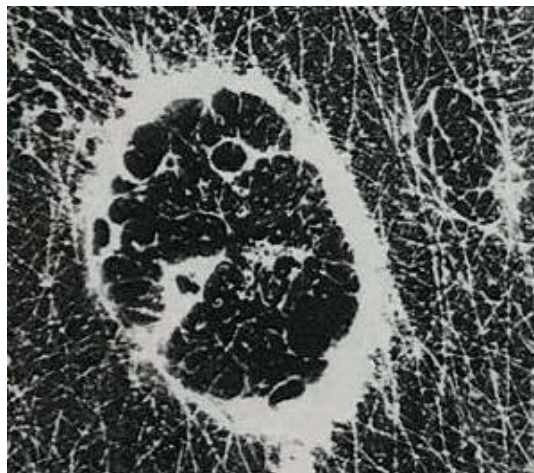

Рис. 8. Отображение рельефа участка кожного покрова с себорейным кератозом

Классификация бородавок достаточно проста, включает в себя следующие разновидности: обыкновенная (вульгарная) бородавка; плоская бородавка; остроконечная бородавка (кондилома).

Обыкновенная (вульгарная) бородавка является наиболее распространенным типом. Обычно она появляется на коже тыльных поверхностей кистей рук и в околоногтевых зонах, имеет округлые формы. Бородавки имеют вид серо-белых или рыжеватых, немного выпуклых, округлой формы папул диаметром 1–10 мм с грубой, сухой, испещренной поверхностью (рис. 9). В следах они отображаются как окрашенные и неокрашенные участки, повторяющие форму, рельеф и размерные характеристики внешней поверхности новообразования (рис. 10).

Плоская бородавка чаще появляется на коже лица или тыльных сторонах кистей. Эта разновидность представлена слегка возвышающимися над поверхностью кожи плоскими гладкими папулами, по цвету не отличающимися от окружающей кожи и имеющими меньшие размеры, чем обыкновенные бородавки (рис. 11). Часто такие бородавки располагаются группами. Отображения бородавок в следах выглядят как слабо окрашенные участки округлой формы соответствующих размеров (рис. 12).

Рис. 9. Обыкновенная (вульгарная) бородавка на коже

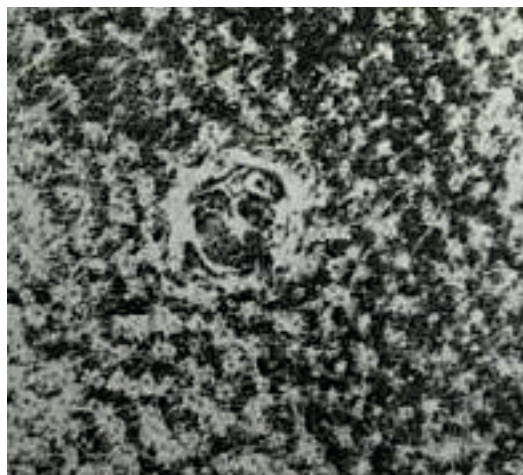

Рис. 10. Отображение рельефа участка кожного покрова с обыкновенной (вульгарной) бородавкой

Рис. 11. Плоская бородавка на коже

Рис. 12. Отображение рельефа участка кожного покрова с плоской бородавкой

Остроконечная бородавка (кондилома) «представляет собой мягкую рыжеватую или розоватую массу, напоминающую цветную капусту. В отдельных случаях достигает в диаметре нескольких сантиметров. Обычно появляется в подмышечных впадинах и складках» [1, с. 75]. Однако в связи со специфичностью расположения остроконечных бородавок (кондилом) на теле человека их криминалистическое значение невелико, поэтому в нашем исследовании данный вид новообразований подробно не рассматривается.

Изучение указанных разновидностей особенностей кожного покрова позволяет выделить ряд признаков для проведения дальнейшего идентификационного исследования. К общим признакам можно отнести:

– количество новообразований (следообразующих элементов), отображенных на исследуемом участке кожного покрова;

Рис. 13. Невусная опухоль на коже с выделенными пунктиром признаками по границам

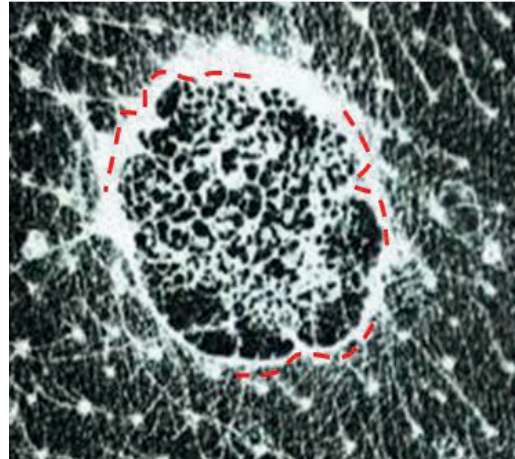

Рис. 14. Зеркальное отображение рельефа участка кожного покрова с невусной опухолью с выделенными пунктиром признаками по границам

- взаимное расположение слеодообразующих элементов, отображенных на исследуемом участке кожного покрова (при наличии двух и более новообразований);
- размерные характеристики слеодообразующих элементов;
- форма слеодообразующих элементов;
- степень рельефной выраженности слеодообразующих элементов.

Также можно выделить индивидуальные особенности, которые имеют наибольшее криминалистическое значение в производстве исследования по установлению конкретного лица:

- формы, размеры, расположение и взаиморасположение выступов и углублений по границам новообразования (рис. 13, 14);
- форма, размеры, расположение и взаиморасположение выступов и углублений на поверхности рельефа новообразования, которые на отображении выглядят в виде окрашенных и неокрашенных участков (рис. 15, 16);

Рис. 15. Обыкновенная (вульгарная) бородавка на коже с выделенными пунктиром признаками в виде выступов и углублений

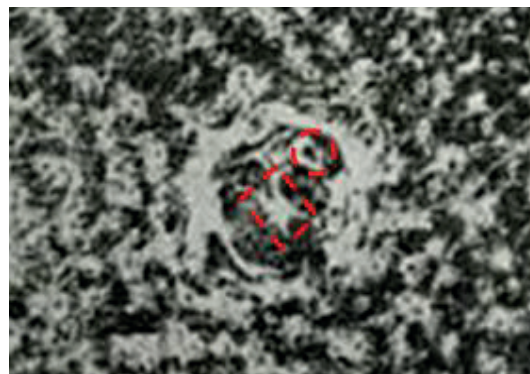

Рис. 16. Зеркальное отображение рельефа участка кожного покрова с обыкновенной (вульгарной) бородавкой с выделенными пунктиром признаками в виде выступов и углублений

Рис. 17. Невусная опухоль на коже с выделенными пунктиром признаками в виде морщин и складок

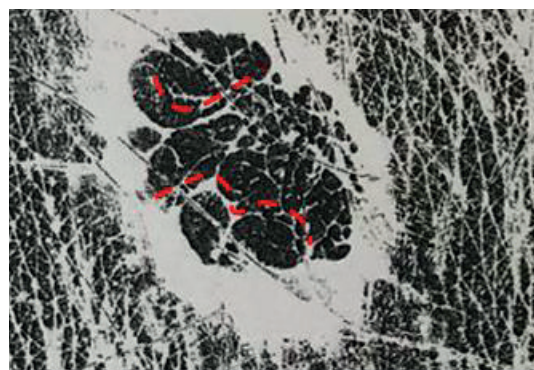

Рис. 18. Зеркальное отображение рельефа участка кожного покрова с невусной опухолью с выделенными пунктиром признаками в виде морщин и складок

– форма и направление морщин и складок на поверхности новообразования, которые на отображении выглядят в виде неокрашенных полос соответственной формы и направления (рис. 17, 18).

Таким образом, выявленные признаки могут послужить основой при идентификации человека с дефектами кожного покрова в виде новообразований (невусов и бородавок). Результаты проведенного исследования могут быть использованы практическими работниками экспертных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при производстве судебных трасологических экспертиз следов кожного покрова человека без папиллярных узоров.

Литература

1. Кожа человека (анатомия, гистология, гистопатология): учеб. пособие для студентов медицинских вузов / П. А. Гелашвили, А. А. Супильников, В. А. Плохова. Самара: РЕАВИЗ, 2013.
2. Кожные заболевания: внутренние и внешние причины. Лечение косметических недостатков кожи и их возникновение. URL: <https://ssspra.ru> (дата обращения: 30.11.2020).
3. Медицинский справочник. Бородавки. URL: <https://nourriture.ru> (дата обращения: 25.11.2020).

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ И ИСПОЛНЕНИЕМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Василий Владимирович Семенчук, заместитель начальника кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат экономических наук, доцент

E-mail: semenchuk_ord@mail.ru

В статье изучены возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности для обоснования решений, возникающих в связи с заключением и исполнением досудебного соглашения о сотрудничестве, с учетом конкретных стадий уголовного судопроизводства. Отмечено значение подобной информации на стадии предварительного расследования. Для придания допустимости использованию результатов ОРД, полученных после вынесения приговора суда, предложены меры по совершенствованию оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; досудебное соглашение о сотрудничестве; обжалование приговора; вновь открывшиеся обстоятельства.

USING THE RESULTS OF OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY IN THE DECISION-MAKING PROCESS RELATED TO THE CONCLUSION AND EXECUTION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Vasilii Vladimirovich Semenchuk, Deputy head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Economic, Associate Professor

The article explores the possibilities of using the results of operative-investigative activity to justify decisions arising in connection with the conclusion and execution of a pre-trial cooperation agreement taking into account the specific stages of criminal proceedings. Author noted the importance of such information at the stage of preliminary investigation. To making possibility of using the results of operative-investigative activity after a court sentence proposed measures to improve the operative-investigative and criminal-procedural legislation.

Keywords: operative-investigative activity; pre-trial cooperation agreement; appeal against the court sentence; newly discovered circumstances.

Досудебное соглашение о сотрудничестве, с одной стороны, предполагает обязанность оказания подозреваемым (обвиняемым) содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, в розыске имущества, добытого в результате преступления, а с другой стороны, исполнение соглашения влечет снижение наказания в силу положений ст. 61, 62 УК РФ. При этом заключение соглашения не является гарантией его исполнения, т. к. подозреваемый (обвиняемый) может вводить властные субъекты уголовного судопроизводства в заблуждение относительно своих реальных намерений и предоставлять недостоверную информацию по предмету соглашения.

Таким образом, не вызывает сомнений необходимость обеспечения следователя и прокурора информацией о намерениях лица, ходатайствующего о заключении досудебного соглашения, а также о действиях такого по соблюдению условий соглашения. В число задач оперативного сопровождения предварительного расследования уголовных дел входит

установление намерений обвиняемых, подозреваемых препятствовать нормальному проведению процесса предварительного расследования [11]. В рамках данного направления также могут стать известны сведения об обстоятельствах заключения и исполнения досудебного соглашения.

Ввиду того, что действия, влекущие нарушение досудебного соглашения, как и изначально мнимость намерений по его исполнению, быть обнаружены на разных этапах уголовного судопроизводства, необходимо проследить особенности использования результатов ОРД на каждом из них.

1. На этапе заключения досудебного соглашения.

Ходатайство о заключении досудебного соглашения подается подозреваемым (обвиняемым) на имя прокурора через следователя. Оба из представленных властных субъектов обладают правом отказать в удовлетворении ходатайства, но закон не устанавливает конкретных критериев для принятия такого решения.

Из теории уголовного процесса известно, что основанием для удовлетворения прокурором ходатайства являются достаточные данные о том, что подозреваемый или обвиняемый будет активно содействовать раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других участников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления [8].

Отказ в заключении соглашения возможен лишь по мотивам очевидной ложности или недостоверности ходатайства либо ввиду явной запоздалости, когда преступление уже раскрыто, все соучастники выявлены и изобличены. При отсутствии указанных условий заключение соглашения необходимо рассматривать как право обвиняемого (подозреваемого) и соответственно обязанность следователя и прокурора [14].

Оценка ходатайства должна осуществляться в первую очередь следователем, т. к. данное лицо, расследуя уголовное дело, должно понимать целесообразность такого содействия. Отмечается, что в рамках оценки ходатайства могут быть использованы сведения, содержащиеся в результатах ОРД [16, с. 342]. Результаты ОРД будут обладать познавательной ценностью, если к моменту подачи соответствующего ходатайства были задокументированы обстоятельства, явно свидетельствующие о том, что подозреваемый (обвиняемый) не имеет реальной возможности выполнить свою часть соглашения либо не собирается это осуществлять в принципе. Подобные сведения должны быть заранее приобщены к материалам уголовного дела либо быть представлены следователю в сжатые сроки после поступления ходатайства о намерении заключить досудебное соглашение.

Прокурор, хотя и являясь лицом, уполномоченным заключать досудебное соглашение, ограничен в получении права истребования дополнительных материалов по предмету соглашения. Так, УПК РФ не предусматривает права прокурора истребовать дополнительные сведения у подозреваемого (обвиняемого) в рассматриваемом контексте, а их приглашение к прокурору, согласно ст. 317.3 УПК РФ, осуществляется уже после вынесения прокурором постановления об удовлетворении ходатайства. С учетом того, что ст. 317.2 УПК РФ установлен ограниченный срок рассмотрения данных документов прокурором (трое суток с момента поступления), возможности всесторонней проверки реальности исполнения соглашения также ограничены.

В теории также указывается, что прокурору для принятия рассматриваемого решения представляется ограниченный объем материалов (ходатайство подозреваемого (обвиняемого) и постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения) [12].

В противоположность этому в приказе Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 [2] указывается, что при оценке обязательств, указанных в ходатайстве, необходимо обращать внимание на возможность их реального исполнения и при необходимости истребовать

дополнительные сведения у инициаторов обращения. На этапе подготовки досудебного соглашения прокурор также должен выяснить у подозреваемого (обвиняемого), какие конкретно действия он выполнит в целях исполнения соглашения о сотрудничестве, а также провести анализ перспективности сотрудничества правоохранительных органов с этим лицом. Считаем, что во избежание противоречий в правоприменении подобные нормы первоначально должны быть отражены в уголовно-процессуальном законодательстве.

На основании изложенного можно отметить важность оценки ходатайств о заключении досудебного соглашения на уровне следователя. В данном случае задачей органов, осуществляющих ОРД, является своевременная передача результатов ОРД следователю для использования в обосновании соответствующих решений.

2. На этапе исполнения досудебного соглашения в ходе предварительного расследования уголовного дела.

Наибольший интерес представляет использование возможностей ОРД для оценки действий участников соглашения. В качестве ориентира в процессе сбора информации оперативные сотрудники должны быть осведомлены:

- о действиях подозреваемого (обвиняемого), входящих в предмет досудебного соглашения;
- показаниях подозреваемого (обвиняемого), данных после заключения досудебного соглашения и совершенных им действиях;
- действиях подозреваемого (обвиняемого), которые с позиции права могут рассматриваться как нарушение досудебного соглашения. Статья 317.4 УПК РФ содержит открытый перечень возможных нарушений досудебного соглашения, влекущих его отмену. В свою очередь, пункт 1.16 приказа Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 конкретизирует признаки несоблюдения соглашения, относя к ним сообщение заведомо ложных сведений, отказ от участия в следственных действиях, оперативно-розыскных мероприятиях, сокрытие важных для следствия данных и др.

Согласно п. 1.5 приказа, действия подозреваемого (обвиняемого), входящие в предмет досудебного соглашения, включают добровольное участие в проведении ОРМ, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления. Соответственно отказ от участия в проведении ОРМ либо совершение действий, снижающих эффективность их проведения, может рассматриваться как нарушение соглашения. В этом вопросе необходимо исходить из фактических обстоятельств подготовки и проведения ОРМ, личностных свойств его участников, наличия у них соответствующих качеств и навыков. В случае, когда лицо изначально не способно принимать участие в ОРМ и нет необходимости в осуществлении каких-либо иных действий с его участием, то целесообразно изначально отказаться от заключения соглашения.

В случае, если в ходе анализа собранных данных обнаружены расхождения в заявленных намерениях и реальных действиях участника соглашения, информацию об этом необходимо направлять следователю для приобщения к материалам уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД).

УПК РФ не дает следователю право расторгнуть досудебное соглашение и не регламентирует действия следователя по направлению прокурору сведений о нарушении досудебного соглашения до передачи уголовного дела с обвинительным заключением. В то же время положения ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ и п. 1.16 приказа Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 свидетельствуют о том, что право прокурора расторгнуть досудебное соглашение может быть реализовано до направления ему уголовного дела с обвинительным заключением.

Подобное представление принято и в теории [15; 16, с. 171–172]. В частности, О. Н. Тисен указывала на право прокурора принять решение о прекращении действия соглашения в любой момент досудебного производства в случае неисполнения его участником взятых на себя обязательств.

С учетом изложенного следователь не должен ожидать окончания предварительного расследования уголовного дела и вправе уведомить прокурора о нарушении досудебного соглашения, используя для этого сведения, содержащиеся в результатах ОРД. Вместе с тем порядок предварительного уведомления прокурора о нарушении досудебного соглашения требует более подробной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве.

3. На этапе подготовки к судебному заседанию.

В силу положений ст. 317.4 УПК РФ одной из целей направления уголовного дела прокурору по окончании предварительного расследования является вынесение им представления о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных досудебным соглашением.

При этом, согласно п. 1.13 приказа Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107, «документы ОРД» отнесены к материалам, которые могут учитываться для подтверждения соблюдения обвиняемым условий и выполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением. Выводы об этом будут изложены в представлении об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу. В обратной ситуации «документы ОРД» могут использоваться для мотивировки постановления об отказе во внесении представления.

Направление уголовного дела и представления в суд автоматически не влечет избрание особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения. Для этого, согласно ст. 317.6 УПК РФ, суд должен убедиться, что соблюдены условия избрания особого порядка, в том числе обоснование государственным обвинителем активного содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Отдельные аспекты выполнения соглашения исследуются в ходе судебного заседания. В соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 [4], при проверке обстоятельств исполнения соглашения, указанных в п. 1–3 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, суд исследует не только имеющиеся в уголовном деле материалы, но и иные представленные сторонами документы, в том числе относящиеся к другим уголовным делам, возбужденным в результате сотрудничества с подсудимым, которые могут содержать материалы ОРД (п. 16).

Указанное разъяснение позволяет дополнительно направлять в суд результаты ОРД, свидетельствующие о соблюдении досудебного соглашения. При этом возникает проблема с представлением в суд результатов ОРД, полученных вне сопровождения уголовного дела, находящегося на судебном рассмотрении, либо уже после его направления в суд. Связано это с тем, что ФЗ об ОРД и Инструкция о порядке представления результатов ОРД [3], предполагают направление результатов ОРД в суд только в рамках исполнения запросов, направленных судом в соответствии со ст. 5 ФЗ об ОРД, либо определений суда о проведении ОРМ. Вместе с тем прокурор вообще не включен в перечень субъектов – получателей результатов ОРД.

Для разрешения данного противоречия необходимо внесение изменений в ст. 11 ФЗ об ОРД, предусмотрев возможность предоставления результатов ОРД прокурору. С учетом предмета исследования подобные изменения будут необходимы и для использования результатов ОРД, свидетельствующих о нарушениях досудебного соглашения, выявленных на последующих этапах уголовного судопроизводства.

4. На этапах обжалования приговора суда в связи с нарушением досудебного соглашения о сотрудничестве (в апелляционном, кассационном и надзорном порядке).

После вынесения приговора в отношении участника досудебного соглашения получение результатов ОРД, свидетельствующих о допущенных им нарушениях, возможно в ходе

документирования иных фактов его противоправной деятельности, либо оперативного сопровождения основного уголовного дела, из которого было выделено уголовное дело участника соглашения.

И. И. Самсонов отмечает, что наибольшую опасность отмены приговора таит в себе апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела, поскольку он допускает допрос новых свидетелей, производство судебной экспертизы, истребование вещественных доказательств и документов, разрешение иных ходатайств сторон, другими словами, исследование судом новых доказательств [13].

Согласно ст. 389.15 УПК РФ, выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением, является основанием отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке. Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 также указывает на необходимость реализации процедуры обжалования в случае выявления нарушения досудебного соглашения после вынесения приговора.

В то же время ввиду ограниченного срока обжалования приговора суда в апелляционном порядке появление новой оперативно-розыскной информации маловероятно. Исключением могут быть случаи, когда результаты ОРД, свидетельствующие о нарушении досудебного соглашения по каким-то причинам, не были представлены в уголовное судопроизводство.

Что касается обжалования в кассационном порядке, то использованию результатов с целью обоснования представлений препятствует общая сущность данной процедуры. Так, Б. Т. Безлепкин [6], кратко характеризуя кассационный порядок обжалования, отмечал, что суд, не собирая и не исследуя доказательства, т. е. минуя судебное следствие, по результатам рассмотрения в судебном заседании материалов уголовного дела и дополнительно представленных сторонами материалов, максимально используя протоколы заседаний судов первой и второй инстанций, производит «оценку оценки» доказательств, которую предприняли суд первой и апелляционной инстанций, а также оценку правильности решения этими судами юридических вопросов, ответы на которые составляют содержание резолютивной части обжалуемого решения.

Согласно ст. 401.6, 401.15 УПК РФ, в кассационной инстанции приговор может быть отменен или изменен в случае выявления данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением.

Однако словосочетание «выявление данных» (кстати, свойственного для ОРД) означает «сделать явным, обнаружить, вскрыть» такие данные [10, с. 123]. В данной ситуации возникает противоречие с назначением кассационной инстанции, предполагающим проверку законности приговоров суда первой и апелляционной инстанций, а не рассмотрение новых доказательств как оснований для отмены подобных приговоров.

Содержание гл. 48.1 УПК РФ свидетельствует о том, что подобные выводы можно распространить и на использование результатов ОРД для обоснования представлений, подаваемых с целью обжалования приговора в порядке надзора.

Нелогичность рассмотрения представлений по подобным нарушениям в кассационных и надзорных инстанциях также было отмечено рядом исследователей [5; 7; 9]. В качестве примера учеными изучалось расхождение в показаниях обвиняемых, данных по уголовным делам, выделенным в отдельное производство, и основным уголовным делом. По данному поводу исследователи отмечали, что на момент вынесения приговора в отношении лица, с которым было заключено соглашение о сотрудничестве, основное дело еще не рассмотрено, и суд первой инстанции не располагает сведениями о нарушении такого соглашения. В связи с этим при подаче представления в кассационном порядке речь будет идти не о проверке законности вынесения приговора, а об изучении новых сведений, что не входит в компетенцию суда кассационной инстанции.

Подобные выводы можно распространить и на обнаружение в ходе ОРД данных, свидетельствующих о нарушении досудебного соглашения после вынесения приговора по уголовному делу, выделенному в отдельное производство.

В целом специалистами отмечалось, что проверка сведений о нарушении досудебного соглашения должна осуществляться после возобновления производства по уголовному делу. Косвенно об этом свидетельствует и содержание ст. 317.8 УПК РФ, согласно которой приговор осужденного, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в случае обнаружения ложности сообщенных сведений или умышленного сокрытия от следствия существенных сведений, пересматривается в порядке, установленном разд. XV УПК РФ. Этот же раздел предусматривает пересмотр уголовных дел при вновь открывшихся и новых обстоятельствах.

Исходя из этого, можно сформулировать вывод о том, что результаты ОРД, свидетельствующие о нарушении досудебного соглашения о сотрудничестве, полученные после вступления приговора в законную силу, целесообразно рассматривать через призму категорий новых и вновь открывшихся обстоятельств.

5. На этапе после вступления приговора в силу в случае обнаружения новых и вновь открывшихся обстоятельств.

В науке отсутствует единство мнений о том, к какой группе обстоятельств пересмотра уголовных дел (новых и вновь открывшихся) отнести сведения о нарушении досудебного соглашения.

К. Ф. Багаутдинов предлагал рассматривать их как иные новые обстоятельства в связи с тем, что у суда и прокурора на момент вынесения приговора по уголовному делу, выделенному в отдельное производство, не было сведений о нарушении лицом условий досудебного соглашения, что позволяет считать последующее выявление этих фактов новыми обстоятельствами, которые были не известны участникам процесса [5].

Другими авторами подобные сведения предлагается рассматривать как вновь открывшиеся обстоятельства [6]. Так, М. Е. Нехороших, аргументируя свою позицию, указывал, что подобные сведения объективно существовали на момент рассмотрения судом первой инстанции уголовного дела в особом порядке [9].

Отметим, что неизвестность для суда подобных сведений в момент вынесения приговора является общим свойством как для новых, так и вновь открывшихся обстоятельств. Критерии их разграничения в случае пересмотра уголовного дела в связи с поворотом к худшему заключаются в ином.

Так, вновь открывшиеся обстоятельства должны существовать в момент вынесения приговора по уголовному делу, выделенному в отдельное производство. Отметим, что участник досудебного соглашения на момент вынесения приговора по его делу обладает реальным представлением о правдивости своих показаний, т. к. соответствующие мысленные образы сложились уже после совершения противоправных действий и осознания их сущности.

В свою очередь, наличие новых обстоятельств будет иметь место только при наступлении в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий преступного деяния. Достаточно сложно предположить наступление таких последствий в результате нарушения досудебного соглашения обвиняемым. Каких-либо иных новых, носящих фактический характер обстоятельств, которые можно было бы использовать для поворота к худшему, закон не предусматривает.

В связи с этим можно согласиться с точкой зрения о том, что по своему существу нарушение досудебного соглашения о сотрудничестве будет тяготеть к вновь открывшимся обстоятельствам.

В то же время перечень вновь открывшихся обстоятельств является закрытым и расширительному толкованию не подлежит. В действующем перечне, закрепленном в ст. 413 УПК РФ,

наиболее схожим с нарушением досудебного соглашения, является установленная вступившим в законную силу приговором суда заведомая ложность показаний свидетеля, повлекшая за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора. Однако, согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ, лица, заключившие досудебное соглашение о сотрудничестве, к категории свидетелей не относятся (ни по основному, ни по выделенному в отдельное производство уголовному делу) [1].

В связи с этим можно согласиться с необходимостью дополнения перечня вновь открывшихся обстоятельств таким, как нарушение лицом досудебного соглашения [9].

Для использования результатов ОРД в данном направлении помимо расширения перечня вновь открывшихся обстоятельств и включения прокурора в перечень субъектов – получателей результатов ОРД потребуются решение вопроса о форме, в которую должны быть обличены сведения о нарушении досудебного соглашения, полученные оперативно-розыскным путем.

В случае расхождения показаний, данных в рамках расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, выделенного в отдельное производство, от показаний, данных по основному уголовному делу, нарушение досудебного соглашения может быть отражено в приговоре суда по основному делу. Кроме приговора (определения или постановления) суда вновь открывшиеся обстоятельства, согласно ч. 5 ст. 413 УПК РФ, также могут быть установлены в постановлении следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела за истечением срока давности, вследствие акта об амнистии или акта помилования, в связи со смертью обвиняемого или недостижением лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Согласно ч. 1 ст. 415 УПК РФ, право возбуждения производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств принадлежит прокурору. В части 2 этой же статьи к поводам для возбуждения производства отнесены сообщения граждан, должностных лиц, а также данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел.

Как видим, перечень данных поводов достаточно широк, к их числу можно было бы отнести и сообщение должностных лиц органов, осуществляющих ОРД. Однако данные поводы необходимо соотносить с перечнем вновь открывшихся обстоятельств и способами их надлежащего удостоверения. При этом должностные лица органов, осуществляющих ОРД, не компетентны на принятие решений, которые могли быть стать поводом для возобновления производства по уголовному делу. Соответственно, даже при расширении перечня вновь открывшихся обстоятельств возникал бы вопрос о том, как использовать результаты ОРД, свидетельствующие о нарушении досудебного соглашения, в связи с тем, что они не удостоверены надлежащим процессуальным решением.

В случае, если сведения о нарушении досудебного соглашения были установлены в ходе осуществления ОРД, то в качестве дополнительной формы их удостоверения может быть предложено вынесение постановления руководителем органа, осуществляющего ОРД, о представлении результатов ОРД прокурору в связи с обнаружением вновь открывшихся обстоятельств. Данное постановление вместе с результатами ОРД подлежало бы направлению прокурору с целью возбуждения производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

Дополнительно к этому необходимо предусмотреть и форму проверки прокурором подобных сведений, соответствующую их специфическому содержанию. В настоящее время проверка вновь открывшихся обстоятельств в соответствии с ч. 3 ст. 415 УПК РФ осуществляется прокурором самостоятельно без проведения процессуальных действий. Отсутствие необходимости в этом связано с тем, что данные обстоятельства сейчас устанавливаются процессуальным путем и находят отражение в соответствующих решениях и в случае их вынесения судом, имеющих преюдициальное значение. По этой причине проверка в порядке ст. 415 УПК РФ ограничивается установлением причинно-следственной связи между обстоятельствами, установленными в приговоре, и незаконностью, необоснованностью или несправедливостью другого приговора.

Результаты ОРД, даже удостоверенные постановлением руководителя органа, осуществляющего ОРД, не могут иметь значения, альтернативного приговору суда, постановлению следователя или дознавателя, принятым в результате расследования уголовных дел. В подобной ситуации возникает необходимость процессуальной проверки сведений, содержащихся в результатах ОРД, по аналогии с проверкой новых обстоятельств, предусмотренных п. 2.1 и 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, путем расследования выявленных обстоятельств органами предварительного следствия. Таким образом, для предлагаемого к внесению в УПК РФ нового вида вновь открывшихся обстоятельства возможно предусмотреть использование методологии проверки новых обстоятельств, предусмотренных п. 2.1 и 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ.

В заключении можно сделать ряд выводов:

1. Сведения, содержащиеся в результатах ОРД, могут быть использованы для обнаружения намерений подозреваемых (обвиняемых) заключить досудебное соглашение без цели его надлежащего исполнения, а также для удостоверения фактов нарушения такого соглашения. Подобный подход нашел отражение в разъяснениях Генеральной прокуратуры и Верховного Суда РФ.

2. Наиболее целесообразным является использование результатов ОРД в момент заключения досудебного соглашения и в процессе оценки его исполнения. Объясняется это тем, что нацеленность оперативных сотрудников на получение сведений о намерениях и действиях подозреваемых (обвиняемых) в рамках оперативного сопровождения уголовных дел повышает шанс получения искомой информации. Текущая правовая регламентация ОРД также не препятствует использованию ее результатов в данном направлении.

3. Получение информации о нарушении досудебного соглашения возможно в ходе осуществления ОРД уже после вынесения приговора в отношении участника досудебного соглашения. С учетом анализа процедур обжалования приговоров сделан вывод о том, что нарушение досудебного соглашения может быть отнесено к категории вновь открывшихся обстоятельств. Для придания допустимости использованию результатов ОРД в данном направлении предлагается: расширить перечень вновь открывшихся обстоятельств за счет отнесения к ним нарушения досудебного соглашения; предусмотреть в ФЗ об ОРД возможность передачи результатов ОРД прокурору; дополнить УПК РФ формой удостоверения вновь открывшихся обстоятельств в виде постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД; предусмотреть необходимость проверки сведений, содержащихся в результатах ОРД, путем проведения следственных и иных процессуальных действий.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам: приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 // Законность. 2010. № 6.
3. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Российская газета. 2013. № 282.
4. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.
5. Багаутдинов К. Ф. Пересмотр приговора, постановленного судом в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. № 2(32). С. 260–263.
6. Безлепкина Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Качалова О. В. Порядок пересмотра вступивших в законную силу приговоров, вынесенных в отношении лиц, заключивших досудебные соглашения о сотрудничестве // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 147–151.
8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Нехороших М. Е. Изменение перечня кассационных оснований пересмотра приговора, постановленного в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 414. С. 187–192.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А Темп, 2006.
11. Поздняков А. Н. К вопросу об оперативно-разыском сопровождении уголовных дел, возбужденных по фактам бандитизма // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22). С. 66–69.
12. Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2014.
13. Самсонов И. И. Барьер для отмены вступившего в законную силу оправдательного приговора // Адвокат. 2012. № 9. С. 35–40.
14. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2012.
15. Стадничук Д. Э. Возможность расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве в досудебном производстве // Вестник НГУ. Сер. Право. 2014. Т. 1. Вып. 1. С. 104–107.
16. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017.

УДК 347.273

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ КРЕДИТОРОВ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ ЗАЛОГОДАТЕЛЕЙ ПРИ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ ПО ДОГОВОРУ ИПОТЕКИ

Николай Юрьевич Комлев, начальник кафедры, кандидат юридических наук;

Булат Эдуардович Шавалеев, адъюнкт

(Казанский юридический институт МВД России)

E-mail: kolkomlev@yandex.ru.

shavaleev.bulat@gmail.com.

Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при обращении взыскания на заложенное по договору об ипотеке недвижимое имущество, приобретенное залогодателями с использованием средств материнского капитала, в контексте обеспечения прав добросовестных залогодержателей и несовершеннолетних детей залогодателей. Проведенный авторами анализ судебной практики по гражданским делам данной категории, а также нормативной базы, регламентирующей порядок и правила обращения взыскания на объекты недвижимости, заложенные по договору ипотеки, свидетельствуют о возможности злоупотребления правом недобросовестными залогодателями. Проведенное исследование позволило сформулировать предложения для гражданского законодательства, а также судебной практики в целях обеспечения защиты прав добросовестных залогодержателей и несовершеннолетних детей при отчуждении объекта недвижимости.

Ключевые слова: право собственности, обращение взыскания, материнский капитал, ипотека, кредитор, залог недвижимости, собственность несовершеннолетних, залогодатель, добросовестный залогодержатель.

PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS OF CREDITORS AND MINOR CHILDREN OF PLEDGERS IN CASE OF FORECLOSURE UNDER A MORTGAGE AGREEMENT

Nikolai Yurievich Komlev, head of the department, *kandidat nauk*, degree in Law;

Bulat Eduardovich Shavaleev, post graduate

(Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

The article is devoted to the study of the problems that, when levying execution on the real estate pledged under the mortgage agreement, acquired by the pledgers using maternity capital funds,

in the context of the rights of bona fide pledgees and minor children of pledgers. The authors' analysis of judicial practice in civil cases of this category, as well as the regulatory framework governing the procedure and rules for foreclosure on real estate objects pledged under a mortgage agreement, indicate the possibility of abuse of the right by unscrupulous pledgers. The research carried out requires the defense of proposals for civil law, as well as judicial practice in order to ensure that bona fide mortgagees and minor children are sentenced to real estate.

Keywords: property right, foreclosure, maternity capital, mortgage, creditor, mortgage of real estate, property of minors, mortgagor, bona fide mortgagee.

Распространение новой коронавирусной инфекции негативно сказалось на финансово-экономической конъюнктуре Российской Федерации. Согласно сведениям Федеральной службы судебных приставов, общая сумма задолженности россиян, переданная на принудительное взыскание, превысила 1,8 трлн руб., достигнув исторического максимума*. Вышеуказанные обстоятельства обуславливают актуальность совершенствования нормативной базы, регламентирующей порядок и правила расчета должников по своим обязательствам перед кредиторами, поскольку именно залог недвижимости, или ипотека, является одним из наиболее распространенных способов обеспечения исполнения обязательств.

Отдельные вопросы обращения взыскания на заложенное имущество освещались такими авторами, как, например, Р. Р. Родименкина, У. Т. Уметова, Д. В. Полоус, Е. П. Гладнева, П. П. Згонников и другие, однако в данной сфере остаются неразрешенными множество проблем.

Так, анализ судебной практики по делам об обращении взыскания по ипотеке, нормативных актов, а также юридической литературы по данной теме свидетельствует о недостаточной изученности вопросов обращения взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке, приобретенное ранее с использованием средств материнского капитала.

Разрешение правовых коллизий, проблем и сложностей в сферах правоприменения и судебной практики необходимо в целях обеспечения защиты прав как залогодержателей, так и несовершеннолетних детей залогодателей, что позволит достичь баланса охраняемых законом интересов. Актуальность данного направления обуславливается необходимостью защиты как интересов несовершеннолетних детей, так и общественных отношений в сфере экономики.

Сущность залога недвижимого имущества в силу договора указана в п. 1 Федерального закона «Об ипотеке» [1], согласно которому залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику из стоимости заложенного последним недвижимого имущества.

По общему правилу, требования залогодержателя об обращении взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке, подлежат удовлетворению, если доказаны факты наличия задолженности и ненадлежащего исполнения ответчиком своих обязательств. Однако результаты проведенного нами анализа судебной практики по делам данной категории позволяют отметить ее неединообразие, поскольку суды дают различную правовую оценку факту отсутствия согласия органов опеки и попечительства при заключении договора о залоге объекта недвижимости.

Гражданским законодательством (п. 4 ст. 292 ГК РФ), предусмотрена необходимость получения согласия органов опеки и попечительства для отчуждения жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой или попечительством члены семьи собственника жилого помещения. Данное правило применяется и при распоряжении родителями имущественными правами ребенка, что установлено абз. 3 п. 3 ст. 60 Семейного кодекса РФ.

* URL: <https://tass.ru/ekonomika/108519891> (дата обращения: 02.05.2021).

Законодатель преследует цель обезопасить и сохранить имеющееся имущество ребенка, установить преграду для недобросовестных родителей или законных представителей по отчуждению этой собственности, принадлежащей несовершеннолетним. Однако при этом в жизни возникают определенные проблемы и сложности для тех семей, которые хотят улучшить условия проживания, в частности: получение различных разрешений, нотариальных согласований, совершение сделок по отчуждению и приобретению недвижимого имущества в один день и другие, тем самым ограничивается выбор и возможности приобретателей жилья.

Следовательно, без предварительного разрешения органа опеки и попечительства невозможно совершение сделок по отчуждению объекта недвижимости, а также совершение иных сделок, влекущих за собой отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, и на совершение любых других сделок, влекущих за собой уменьшение стоимости имущества подопечного, что следует из ст. 21 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [3].

Однако залог объекта недвижимости не является сделкой по отчуждению жилого помещения и не влечет безусловного отчуждения недвижимого имущества, что не требует необходимости получения разрешения органа опеки и попечительства [4]. Приведенная правовая позиция является дискуссионной в судебной практике. По нашему мнению, в данном случае согласие органов опеки и попечительства является гарантией обеспечения защиты прав несовершеннолетних детей от действий недобросовестных залогодателей.

По общему правилу, использование средств материнского капитала для приобретения, постройки или реконструкции жилого помещения требует последующего его оформления в общую долевую собственность родителей и детей с определением долей по соглашению, что фиксируется в нотариально удостоверенном обязательстве, однако данная обязанность нередко игнорируется родителями.

Несмотря на то, что залогодатель обязан предупредить залогодержателя обо всех известных ему правах третьих лиц на предмет залога, на практике распространена ситуация, когда родители не выделяют доли несовершеннолетних в праве общей собственности на объект недвижимости и не сообщают о такой обязанности при заключении договора залога недвижимости, что вводит в заблуждение залогодержателя, поскольку в Едином государственном реестре об объектах недвижимости данные сведения не содержатся.

Следовательно, залогодержатель не станет осведомляться при заключении договора залога недвижимости о согласии органов опеки и попечительства, что в будущем образует основание для оспаривания сделки недобросовестными залогодателями, поскольку такая сделка будет признана ничтожной в силу ст. 168, 169, 292 ГК РФ, несмотря на то, что договором может быть предусмотрено, что предмет ипотеки не является для залогодателя и членов его семьи единственным имуществом, пригодным для постоянного проживания, равно как и имуществом, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с Федеральным законом «Об исполнительном производстве» [2].

По нашему мнению, выявленная проблема влечет за собой комплекс негативных последствий, которые отрицательно сказываются на формировании единообразной судебной практики, оказывает деструктивное влияние как на частноправовые отношения, так и на сферу публичных интересов в силу того, что неисполнение обязательств залогодателем и последующее признание договора залога ничтожным не позволяют восстановить законные имущественные интересы залогодателя. Также ущемляются интересы несовершеннолетних детей в связи с передачей объекта недвижимости в залог и неисполнением обязательства о выделении доли в праве общей собственности на спорный объект.

Полагаем, что выявленная проблема свидетельствует о необходимости сформулировать меры защиты законных интересов как несовершеннолетних детей, так и добросовестных залогодержателей. Исходя из того, что осуществление гражданских прав исключительно с на-

мерением причинить вред другому лицу не допускается, равно как и иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом), что предусмотрено п. 1 ст. 10 ГК РФ, то в данном случае имеет место недобросовестное бездействие.

По общему правилу, залогодателем вещи может быть ее собственник, а залогодателем права – лицо, которому оно принадлежит. В качестве исключения в роли залогодателя может выступать субъект иного вещного права, включающего правомочие по распоряжению соответствующим имуществом, либо иное лицо в случаях, предусмотренных законом [5].

Однако, согласно абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ, если залогодержатель не знал и не должен был знать, что вещь передана в залог лицом, которое не являлось ее собственником или не было надлежащим образом управомочено распоряжаться этой вещью (добросовестный залогодержатель), то залог сохраняет силу, а собственник вещи несет обязанности залогодателя.

Исходя из вышеизложенного, суду необходимо установить причину неисполнения обязанности письменного уведомления кредитора о наличии прав третьих лиц на объект недвижимости, а также нотариального обязательства о выделении долей несовершеннолетних детей в праве общей собственности на спорный объект недвижимости. В случае, если установленные причины не являются уважительными, то, по нашему мнению, имеются основания для применения положений о добросовестном залогодержателе в целях обеспечения защиты законных прав кредитора.

Следовательно, признавая кредитора добросовестным залогодержателем, возможно выделение доли несовершеннолетних в праве общей собственности на жилое помещение в судебном порядке, пропорционально сумме использованного материнского капитала, что обеспечит соблюдение баланса прав несовершеннолетних и добросовестных залогодержателей при обращении взыскания.

Однако тогда возникает вопрос о правовых последствиях для долей несовершеннолетних в праве общей собственности при обращении взыскания на объект недвижимости, а именно, применимы ли положения о солидарных залогодателях? По нашему мнению, согласно смыслу положений ст. 7, 38 Федерального закона «Об ипотеке», ст. 353 ГК РФ, правопреемники становятся солидарными залогодателями и отвечают перед кредитором солидарно.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Изменения экономической конъюнктуры Российской Федерации требуют совершенствования нормативного регулирования порядка и правил расчета должников по своим обязательствам. Ипотека как способ обеспечения исполнения обязательства, несмотря на достаточную изученность, имеет ряд проблем, исследование которых необходимо в целях защиты как частных, так и публичных интересов. В частности, исследование проблем обращения взыскания на объект недвижимости, являющийся предметом ипотеки и приобретенный с использованием средств материнского капитала, имеет своей целью защиту прав несовершеннолетних и кредиторов от недобросовестных действий залогодателей.

2. Несмотря на то, что ипотека не является сделкой по отчуждению объекта недвижимости, считаем, что установление обязанности залогодателя получить согласие органов опеки и попечительства при передаче объекта недвижимости в залог, является способом защиты прав несовершеннолетних детей на долю в праве общей собственности на данный объект.

3. По нашему мнению, в случае, если залогодатель не исполнил взятые на себя обязательства по выделению долей несовершеннолетних детей в праве общей собственности на объект недвижимости в связи с его приобретением с использованием средств материнского капитала, а также скрыл от залогодержателя такую обязанность, то имеются основания для применения норм о добросовестном залогодержателе в целях защиты прав кредиторов.

4. Признавая залогодержателя добросовестным, возможно выделение долей несовершеннолетних детей в праве общей собственности на объект недвижимости, являющийся предметом ипотеки, что позволит признать собственников солидарными залогодателями и обеспечить защиту прав кредиторов от действий недобросовестных залогодателей.

Литература

1. Об ипотеке (залоге недвижимости): федер. закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ (ред. 30.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. 30.12.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. 08.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Архипова Н. Пределы действия исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья // Журнал РШЧП. 2019. № 3. С. 175–198.
5. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».